

love_sf
love_sf

Алекс
Анжело
<https://www.litmir.me/a/?id=281459>
<https://coollib.net/a/152044>

Отбор для ректора академии (СИ)

В его руках - судьбы, сила, магия. Он глава академии с тяжелым характером и холодным сердцем, с которым я имела глупость заключить сделку. Теперь я одна из двадцати четырех претенденток на отборе невест, но единственная, кто понимает: между нами пропасть. Ловушка или выгодное предложение? Притворство или любовь? Одиночество... или союз? Я узнаю ответы, лишь когда дойду до конца. И, может, окажется, что между нами куда больше сходства, чем я думала...

ru

FictionBook Editor Release 2.6.6
02 October 2019
<https://www.litmir.me>
5F4A18A4-FE26-4108-8812-20FD88D14837
1.0

Глава 1. Похищение

— Я не могу ничего изменить, если вас выбрали. — Секретарь смотрела на меня с искренним непониманием.

Ее взгляд словно кричал: «От чего ты пытаешься отказаться, дурочка?» А я в который раз настойчиво повторила:

— Каким образом меня выбрали, если я не вносила свое имя в сферу? Это ошибка, которую вы обязаны исправить! — Мое терпение подходило к концу, напоминая тонкий лед, по которому шли трещины. Опустив ладони на стол секретаря, я наклонилась к женщине. — Зачем нашему многоуважаемому ректору девушка, что не желает становиться его невестой? Разве отбор не добровольный? Вдруг я сделаю что-то не так, а вас потом накажут?

До угроз я опускалась крайне редко, хотя жизнь в приюте оставила неизгладимый след на моем характере. Имея невинный вид аристократки с тонкими изящными чертами лица, словно

срисованными с полотен вековой давности, я обладала стальным стержнем внутри и умением быстро принимать верные решения.

Иначе бы я не только не попала в академию, но и не доучилась до последнего курса.

На самостоятельную жизнь необходимы деньги, а где их взять сироте? Только работать, совмещая с учебой.

Секретарь, поджав губы, недовольно осмотрела меня с ног до головы.

— Хорошо. Ожидайте. Я уточню этот вопрос. — Женщина поднялась и вышла из-за стола, явив миру пышные формы, заключенные в офисное черное платье. Вскоре она исчезла за соседней дверью.

Я тяжело вздохнула, мысленно досадуя на препятствия, посланные мне судьбой.

Угораздило же...

Покачала головой, чувствуя, как нелепая ситуация засасывает меня.

Когда объявили об отборе, я посчитала мероприятие абсурдом и участвовать не собиралась, но оказалась втянута против собственной воли. Ректор вздумал жениться, а вот подходящей кандидатуры не имел, и в день, когда новость сотрясла стены замка, я стала свидетелем хаоса и массового психоза, нахлынувшего на студентов магической академии Эльрата. Оглядывая столовую, я мысленно поделила всех на четыре группы. Первая — негодовавшие девушки с младших курсов, ведь участвовать было позволено лишь студенткам с последнего, которые, в свою очередь, образовали вторую группу и едва не пищали от восторга, забыв про еду на тарелках. Одна из сокурсниц за моим столом даже пролила горячий чай, что едва не обжег мне ноги. Третий лагерь образовали парни, за долю секунды превратившиеся в невидимок с задетым самолюбием. И, наконец, последняя, самая немногочисленная группа людей — я и мне подобные, желающие скорее разделаться со своим обедом и сбежать в место поспокойнее, если таковое отыщется.

Но начиная с этого злополучного дня, поделившего жизнь в замке на до и после, тихих мест не осталось. Везде, где бы я ни бывала, звучали бурные обсуждения, главной загадкой которых стал один-единственный вопрос — кто же станет женой Бенедикта Карра? Студенты даже устроили тайный тотализатор, уже тогда принимая ставки, по итогу которых главной претенденткой считали красавицу последнего курса — Меланию Тарт.

Желающих участвовать в отборе оказалось слишком много, что стало очевидной проблемой, которую быстро решили, поставив сферы в каждый из четырех Залов Силы, — по одному на каждую из башен замка. Всем претенденткам необходимо было лишь коснуться сферы студенческим амулетом, чтобы внести свое имя. И вот спустя неделю объявили двенадцать счастливиц, которые прошли в основной отбор. Знаменательное событие вновь застало студентов в столовой — сухой голос секретаря из магического рупора перечислил участниц. Пока я флегматично планировала остаток дня: сходить в библиотеку, потом в город в лабораторию — заказ на двадцать четыре порции зелий молчания был почти готов, осталось сварить один котелок, разлить по склянкам и вручить их заказчику — прозвучало мое имя.

Я выронила ложку, что плюхнулась в тарелку с супом. На блузке расцвели красноватые пятна от брызг, а по рукам потекли капли. Подруга, сидевшая напротив, пострадала не меньше — одна из капелек замерла на ее носу, словно не решаясь скользнуть ниже.

— Мне ведь послышалось? Скажи, что да... — почти потребовала я у Маргарет, избавляя сначала ее, а потом и себя от последствий супного взрыва бытовым заклинанием.

— Нет, — отчеканила она, мотнув головой. Девушка посмотрела на меня с подозрением, в глазах стального цвета отразилась задумчивость.

Мы не зря стали подругами — наши взгляды на многие ситуации совпадали, в том числе и на отбор. И внезапно оказывается, что я прошла во второй этап... Откровенно говоря, мне бы тоже показалось это подозрительным.

— Я даже на метр не подходила к сфере. Не смотри на меня так.

Я решительно вскочила на ноги, готовая перевернуть академию вверх ногами, чтобы вычеркнуть свое имя из списка выбранных.

— Ты куда?! — бросила Маргарет, подсакивая вслед за мной.

— В приемную! — сдувая русую прядь, заползшую на лицо, выпалила я.

— Ты уверена? — с опаской переспросила подруга.

— А у меня есть выбор? — резонно возразила я и тут же увидела ответ на лице Маргарет. —

Видишь, нету.

Пусть ректор был окружен ореолом обожания, приближаться к нему побаивались. На своих редких занятиях он валил всех без разбора, и даже отъявленные отличники чувствовали себя грязью под его ногами, поэтому привлекать внимание себе дороже. Да и у меня имелись личные причины держаться от Бенедикта Карра на расстоянии.

Но что мне теперь оставалось? Я уже влипла, хотя искренне надеялась, что произошедшее ошибка, которую быстро исправят.

А если не ошибка? Чья-то шутка? Может, месть?

Я выскочила из столовой, ловя на себе взгляды остальных студентов.

Боже, я будто превратилась в клоуна. Зачем они так пялятся?

Никогда мне не доставалось столько внимания, так и тянуло посмотреть в зеркало — проверить, все ли в порядке с моим внешним видом.

Вот таким образом вскоре я оказалась в приемной, столкнувшись со стеной безразличия. Судя по виду секретарши, она не верила, что мое имя в списке ошибка, а я не собиралась сдаваться. Правда, первоначальный запал чуть угас, и я действовала на природном упрямстве и понимании того, что отбор займет уйму драгоценного времени.

И ко всему прочему, это ужасно унижительно. Я слишком горда, чтобы бороться за внимание мужчины!

Я вздернула подбородок, и мой взгляд случайно наткнулся на портрет ректора, висевший на стене в приемной, — привлекательный, молодо выглядящий благодаря своей магии мужчина, да еще и богатый к тому же, близкий родственник нашего императора... Неплохой куш, я бы сказала, если была хоть чуточку бесстыдной и корыстной. Хотя корысть мне присуща и деньги я люблю. Вот только предпочитаю зарабатывать их трудом, а не через постель и покровительство, ведь брак без любви ничем от этого не отличается.

Дверь открылась, и секретарь вернулась в приемную. Села, подняла голову и с тем же каменным выражением лица, с которого началось наше общение, сказала:

— Вы остаетесь одной из двадцати четырех девушек, что выбрали для отбора.

Сердце ухнуло вниз. Я разозлилась, но взяв себя в руки, собралась вновь возразить. Однако вместо этого ошарашенно переспросила:

— Двадцати четырех? Нас же двенадцать.

— Двенадцать студенток и двенадцать выпускниц академии, вы не знали?

— Нет, — качнула я головой, сжав ладони в кулаки и забыв про манеры. — Двадцать четыре девушки для одного мужика — не жирно ли?

Империя уже давно перешагнула ступень средневековья, законы защищали в равной степени права всех жителей. Учащиеся в академии аристократы не задирали нос, ведь большая часть древних родов растеряла свои богатства, и вели простую жизнь. Но иногда случались исключения, такие как этот отбор, выбивающиеся из принятых порядков общества. И как здесь можно было не злиться?

— Да как вы смеете?! — Женщина вскочила на ноги, ее щеки возмущенно запылали, а я поняла, что перегнула палку.

Нельзя так. Я закрыла на пару мгновений глаза, стараясь успокоиться.

Новые проблемы мне ни к чему.

Я с опаской покосилась на дверь.

— А как бы вы вели себя, если бы вас принуждали бороться за мужчину, который вас даже не интересуется? — неожиданно уставшим голосом спросила я. Судя по растерянному молчанию женщины, она не знала ответа. Не дожидаясь, пока секретарь опомнится и вновь начнет меня прогонять, я добавила: — Все-все. Я уйду...

Чтобы вскоре вернуться и попробовать снова.

Выскочив на лестницу, я оглянулась на захлопнувшуюся дверь. По ней прошла магическая рябь, и металлическая ручка исчезла.

Бойся, что я передумаю и вновь ворвусь в приемную?

Я внутренне хмыкнула, коря себя за порывистость, — разозлилась и наломала дров. Сначала надо все обдумать и разработать план действий. А пока пойду в лабораторию и займусь работой, лишь она способна меня отвлечь.

Академия Эльрата расположилась в центре города, за высоким каменным забором.

Обеспеченные студенты снимали дома, квартиры или комнаты, а такие как я жили в общежитии

на расстоянии тридцати минут ходьбы от замка. Оплата за обучение и без того отнимала большую часть моих денег, так что собственное жилье являлось недоступной мне роскошью. Первый год в академии я оплатила монетами, что получила от приюта после выпуска. На выданную сумму можно было прожить несколько лет, а я без сомнений истратила почти все за один день.

Я считала свои действия оправданным риском, вкладом в будущее, а мои братья и сестры — абсолютным идиотизмом.

Поначалу я столкнулась со злорадством, хотя те, кто поддерживали меня, тоже нашлись, но потом ехидство уступило зависти. Брусбург не такой большой город, хоть и недалеко от столицы, поэтому встреча со знакомыми людьми на его улочках — закономерность. Весь первый год я собирала на оплату второго, и у меня едва вышло. В последние месяцы времени на сон почти не оставалось, спасали лишь бодрящие настойки, которые я выучилась делать. Но на следующем курсе судьба сделала мне поистине щедрый подарок — мне открылся гримуар.

Заклинания, записываемые на бумаге, обычно исчезали. Магические слова имели свой сложный характер, как бы странно это ни звучало. Лишь записанные определенным способом — особыми чернилами при свете луны — оставались на листах. Но и они проживали недолго, если вскоре не были заключены в гримуар, и как только это происходило, книга обретала волю. Чем сложнее, сильнее и древнее заклятие, тем вреднее сборник, что открывался далеко не всем.

Стандартные заклятия заучивались прямо на занятиях, а вот со сложными как повезет. Редким индивидуумам удавалось запомнить заклятия длиною в полстраницы. Поэтому, если магу открылся гримуар, — в пору устраивать пляски, празднуя это великое событие.

В библиотеке академии хранилась парочка особенно редких книг, но и они пылились на полке, не желая никому раскрывать свои тайны. Говорят, гримуары чувствуют талант мага и его предрасположенность, выбирая достойного своих знаний. И я соглашалась с этим утверждением — рецепты зелий и порошков, что я изучала тайком уже четвертый год, почти всегда мне удавались.

На древних страницах имелись рецепты ядов, редких эликсиров, наделяющих человека временными талантами. Вот только слишком ценны и опасны были эти знания, поэтому готовила я лишь простенькие зелья и порошки, зарабатывая тем самым себе на жизнь.

Без денег, без положения в обществе, я стану слишком легкой мишенью для черных торговцев, узнай кто-нибудь, какие знания мне доступны.

Иллюзий на этот счет я не питала — пропаду и никто не хватится. Поэтому хранила свою тайну старательно, бережно и осторожно. Не доверяя никому, даже Маргарет.

Достигнув ворот замка, я коснулась студенческим амулетом колонны. Она пошла рябью, выпуская меня в город на мощеную площадь с фонтаном, в центре которого стояла скульптура мужчины, одетого в нелепый костюм с рюшками. Из его глазниц непрерывно текла вода. Минув фонтан, я свернула на боковую улочку, что пестрела вывесками: бары, рестораны, закусочные, магические лавки, ателье. Безразлично пройдя мимо красивых витрин, я свернула в переулок. Вскоре окружающие пейзажи сменились блеклыми домами с потертыми стенами, что скрывали за собой настоящие сокровища. Приезжие сюда не совались, а вот местные посещали регулярно.

Об улице тайн слыла дурная слава. По крайней мере, о заведениях с восточной стороны, там нередко случались местные разборки и регулярно наведывалась стража, ища запрещенные товары. Я работала на западе в лавке мистера Спиргато, где торговали ингредиентами для зелий. Начинала с обычной продавщицы. Уже на первом курсе я заинтересовалась зельеварением, поэтому и устроилась именно сюда. Но со временем мои таланты раскрылись и удача с гримуаром позволила подняться выше. Мистер Спиргато был человеком неприятным, даже скверным, но платил исправно, а вскоре, поняв, какую выгоду получит благодаря моим умениям, выделил одну из внутренних комнат под лабораторию. Процент назначил грабительский, но за мои зелья платили достаточно, чтобы почувствовать разницу в доходах. «Осталось лишь закончить академию, и тогда я смогу найти место получше», — постоянно повторяла я, призывая себя перетерпеть последний год.

Проникнув в лавку через черный вход, я поморщилась от кислого запаха, витавшего в воздухе. Опять кожу горгунов привезли!

Маленькие существа, смахивающие на лягушек, живут на болотах, правда, в отличие от вторых, имеют не один ряд острых мелких зубов. Если нем

а

гу повезет набрести на их гнездо, живым не вернется — обглодают до косточек. Но пару раз в год они сбрасывают кожу, что активно используется в омолаживающих кремах. Дамы Бурсбурга выкладывают приличные суммы за чудодейственное средство.

Стараясь не думать о том, сколько часов проведу за приготовлением этих самых кремов, я повесила сумку с длинным ремешком на вешалку, предназначенную для верхней одежды, и прошла в закопченное полутемное помещение.

«Чудесный» аромат вновь заполз в нос. Тихо ругаясь, я кинулась к окну, распахивая его настежь.

— Пожалуйста, открывайте хотя бы окно! — обернулась к двери. В тени на низеньком стуле притаилась крючковатая фигура.

Хозяин лавки был слишком худ и высок, под глазами пролегли темные тени, словно мистер Спригато или болел, или недосыпал не один месяц. Ко всему прочему, его голова имела вытянутую форму, которую он лишь подчеркивал шляпой-котелком.

Про себя я окрестила его саранчой. Прозвище само пришло в голову, когда я однажды повстречала мужчину и его пятерых братьев, невероятно похожих друг на друга. Каждый из них держал по лавке на улице тайн, и те, что вели бизнес на восточной стороне, внушали опасение. Семейка Спригато алчно загребала к себе большую часть прибыли улицы тайн.

Когда я только устраивалась, то об этом не знала, иначе бы остереглась, а потом побоялась, что, если уволюсь, на оплату академии ни за что не наскребу.

В последний год мистер Спригато нередко присутствовал в лаборатории, наблюдая за моей работой, чем очень нервировал.

— Брезгуешь, Эльза? Почему? Ты работала с ингредиентами и похуже. — Голос мужчины звучал низко и гортанно.

— Да, работала. Но мистер Спригато, это не означает, что я должна вдыхать вонь постоянно, — ответила я, натягивая на руки перчатки. Последние порции зелья молчания не приготовятся сами собой.

Мужчина улыбнулся, обнажая кривые зубы, и я отвела взгляд.

— Мне повезло с тобой. Прибыль растет. И тот твой постоянный клиент всегда платит сверх суммы. — Мистер Спригато поднялся на ноги, напомнив злодея из детских страшилок.

Я промолчала, повязывая кожаный фартук с кармашками.

— Я думаю пересмотреть твои проценты... — Я полностью обратилась вслух, но разочаровалась, услышав, как он, скривившись, добавил: — После выпуска.

— Мне бы и сейчас деньги не помешали, — сказала, благоразумно промолчав о том, что моей ноги не будет в его лавке после получения квалификации.

— А тебе палец в рот на клади, всегда найдешь, что сказать, — покачал мужчина головой, одарив меня хитрым взглядом.

— Вы два года не повышали процент, а список моих зелий сильно вырос. Среди них есть особо сложные.

— Посмотрим, — скривился он, поворачиваясь к двери.

Если хочешь прогнать мистера Спригато, начни разговор о деньгах...

— Сегодня отдашь клиенту заказ сама. Кира позовет, — напоследок проворчал он, упоминая продавщицу лавки.

— Почему?

— Платит лучше, — проскрипел мужчина, покидая лабораторию.

Заказчик появился около года назад. Купив несколько раз мои зелья и оценив их качество, он изъявил желание встретиться с изготовителем. Желание удовлетворили, правда, мы оба были с иллюзией на лицах.

Работа на улице тайн — не то, чем стоит гордиться.

С тех самых пор заказы поступали регулярно, а мистер Спригато алчно потирал руки, каждый раз пересчитывая золотые монеты из мешочка.

Хозяин лавки ушел, а я, смерив взглядом выложенные на стол ингредиенты, принялась за работу. Но мысль об отборе то и дело всплывала в голове, наваливаясь на плечи тяжелым одеялом.

Каким образом мое имя могло оказаться в списке? Понравилась ректору, и он отступил от правил, внеся меня туда без согласия?

Чушь какая-то. В прошлом году он вел занятия у моего курса...

Я скривилась, прекрасно помня, чем все закончилось. Маргарет переволновалась и неправильно произнесла заклятие, в аудитории гроыхнуло, нас раскидало в разные стороны. Но если подруга свалилась на кого-то из одноклассников, то я рухнула на преподавательский стол, разметаив все бумаги, и по инерции скатилась на колени ректору.

— Неожиданно, — прошептала в тот момент я.

— Еще как... — Но противореча словам, выражение лица Бенедикта Карра осталось таким же суровым и безразличным, и он поднялся на ноги, а я неудачно рухнула на пол и рассклала лоб о ножку стола.

Лицо залило кровью. В голове словно зазвонили колокола. Из-за удара память дала сбой.

Словно после изрядной доли алкоголя, время ускорилося, а случившееся запомнилось отрывками, которые разум соизволил мне показать.

Кровь на полу и на чужих руках, что мелькают перед глазами, и накатывающая волнами тошнота. Прибывший врач быстро залечил рану и поработал над общим состоянием. Только тот случай что-то всколыхнул внутри меня, поэтому на занятия ректора я с тех пор ходила с еще большей неохотой. Да и ситуация с отбором, откровенно говоря, внушала ужас, хотя робкой я отнюдь себя не считала.

Закупорив двадцать четвертый пузырек с зельем, я залпом осушила стакан воды, стоящий на краю стола. За раздумьями и работой последние несколько часов пролетели незаметно и вот-вот должен был явиться заказчик.

— Эльза... — Дверь со скрипом отворилась. — Он пришел.

Многозначительно взглянув на меня, Кира исчезла.

— Что ж, пора передать вас в руки вашего хозяина, — вслух обратилась я к бутылкам, стоящим в ряд в двух деревянных коробках.

Снянув перчатки и посмотрев в маленькое зеркальце над раковиной в углу, отметила свой плачевный вид — лоб вспотел, пряди прилипли к побледневшему лицу, из-за чего светло-зеленые глаза стали особенно блеклыми.

Открыв кран, я наскоро умылась ледяной водой и лишь после этого произнесла простенькое заклинание иллюзии, имевшее явный недостаток — облик, принятый при первом произнесении, больше не менялся. Каждый раз, прибегая к этому заклинанию, я становилась дородной дамой с пухлыми щеками и вторым подбородком.

Магия вредничала? Возможно.

Но из-за разницы в габаритах между мороком и истинным обликом возникали постоянные искажения. Например, живот появлялся в комнате, когда я еще не успевала открыть дверь. Для иллюзии ведь не существовало преград.

Поставив один ящик на другой, я подхватила их, ногой распахивая дверь шире, но направилась не в зал, где шли основные продажи, а в небольшую комнатку, предназначенную для особых клиентов. Преодолев ширму, закрывающую проход, я с независимым видом водрузила ящики на квадратный столик.

— Вы как всегда в своем неподражаемом образе?

Мужчина стоял у окна, черные волосы, собранные в хвост, что достигал лопаток, переливались на свету.

— Как и вы, — сухо ответила я, отводя взгляд и вновь пересчитывая бутылки в верхней коробке.

— Да. Только, в отличие от моего, ваш облик действительно неподражаем. — Мужчина повернулся и хитро улыбнулся. Нос с горбинкой и черные густые брови наделяли его лицо харизмой.

Тот самый коктейль несовершенства, что не дает отвести взгляд... Необычная иллюзия. И даже жалко, что это всего лишь морок.

В первую встречу он назвался Риком, но я ни разу не звала его по имени и на множественные провокации почти не поддавалась, ведя себя отстраненно и холодно. В одежде мужчины ничто

не намекало на его статус или положение, и артефакты, что так любили носить маги, вовсе отсутствовали. Он был острожен, и это делало ему честь.

— Двадцать четыре зелья молчания. — Снимая один ящик с другого, отчиталась я.

— Вижу. Качество проверять не буду, я в тебе уверен.

Заказчик подошел к столу и, лишь мельком взглянув на склянки, уставился на мое лицо. Уже не первый раз меня настигло навязчивое чувство, что мой морок для него не преграда.

— Будет новый заказ?

— Ты чем-то огорчена? — перебил он.

— С каких пор вас волнуют дела незнакомок?

— Ну если незнакомка это ты, то я не прочь поволноваться. — Он вновь улыбнулся.

Я смирла его долгим взглядом, чувствуя раздражение. Но поддавшись порыву, неожиданно спросила:

— Зачем вам столько зелья? А сонный порошок, который я делала для вас ранее?

Мужчина нахмурился и громко побарабанил пальцами по столу.

— Это мои личные дела.

— Как и то, чем я огорчена, — парировала я, ведя себя излишне вызывающе и лишь через пару секунд осознав, что уперла руки в бока. Ладони утонули в слое иллюзорного жира.

Мужчина тихо рассмеялся, а я вновь разозлилась.

— Оплатите заказ, — потребовала холодно.

На стол с веселым звоном рухнул кожаный мешочек.

— Было приятно с вами работать, — не моргнув соврала я, забирая плату.

Рик покачал головой.

— Тебе здесь не место, красавица, — прошептал он серьезно. — Придет время, и я тебя заберу.

Я отшатнулась.

Как? Он видит через морок? И что за чушь? Очередная издевка?

Но на лице мужчины пролегла тень, делая его угловатым, состоящим из ломаных линий. Взгляд голубых глаз стал острым, словно осколки льдин, а глубоко внутри застыли искры ожидания.

Я никогда не была впечатлительной, но внезапные перемены шокировали.

Слотнула, сжала ладони в кулаки.

— Боюсь, если вы продолжите в том же духе, это последняя наша встреча. До свидания.

Крепче сжав мешочек с деньгами, я направилась к ширме.

Оглянувшись напоследок, заметила, что Рик, засунув ладони в карманы брюк, без злости, пристально и с полуулыбкой смотрит мне вслед. По позвоночнику прошли мурашки, словно пронзив меня электроразрядами.

Я отвернулась, стремительно преодолевая ширму, и, не останавливаясь, помчалась к своей лаборатории.

Меня не просто вывести из себя, но у него каким-то образом вышло.

— Деньги, — потребовал возникший на пути мистер Спригато.

Я молча передала мешочек. Хозяин лавки внимательно на меня посмотрел, а потом рывкнул:

— Кира! Больше того ублюдка в комнате для важных гостей не обслуживаем.

Мистер Спригато разразился новым потоком бессвязных ругательств.

— Моего зельевара вздумал переманить, — прошипел он и вновь сорвался на ругань, а после уставился на меня: — Но ты молодец. Можешь быть на сегодня свободна, отдыхай. Вот твоя доля.

Пара золотых монет, сумма куда большая, чем я получала обычно, приятно отяжелили ладонь.

Для меня не было секретом, что хозяин лавки подслушивает все разговоры с клиентами, но подобная реакция все же стала неожиданностью.

Что за сумасшедший день?

— Спасибо, мистер Спригато. Я пойду. — Как бы я ни презирала Саранчу, но он дал мне работу, когда все отказали, и этот факт заставлял испытывать смешанные чувства.

Убрав монеты в карман, я скрылась в лаборатории. Избавилась от морока, снова умылась, сняла фартук, схватила сумку и, выкрикнув прощание, выскользнула на улицу под стемневшее небо.

Путь до общежития занял почти двадцать минут. Четырехэтажное здание усеивали окна, в которых горел свет, — почти все студенты вернулись в свои комнаты. Проскользнув мимо храпящего консьержа, уставшая я поднималась по лестнице на четвертый этаж.

— О, Эльза! — Мне на встречу выскочил одноклассник — высокий веснушчатый рыжий парень. Он жил на первом этаже, как и многие другие парни. Остальные занимали третий, а вот девушки — второй и четвертый. Странное деление, но так было еще с основания академии.
— Потом, Патрик. Я дико устала.

Мы с Патриком нередко останавливались и болтали, сблизившись за четыре курса учебы, но сегодня мне действительно было не до этого.

— Слышал объявление... — недовольно проговорил он.

Я остановилась и твердо заверила:

— Я не подносила свой артефакт к сфере, клянусь.

Как и с Маргарет, мы с Патриком не раз высмеивали грядущий отбор.

— Тогда это ошибка? — Парень расслабился.

— Еще какая, — пробурчала я в ответ. — Я пойду.

Помахав рукой на прощание, я быстро преодолела оставшийся этаж.

Меньше всего я желала встретиться с несостоявшимися невестами, но коридор на четвертом этаже оказался на удивление пустынным. Подобное случалось крайне редко, и было более чем странно вечером в пятницу, в день, когда объявили основных претенденток в жены ректора.

Претенденток на его руку и сердце, печеньку, селезенку и кое-что пониже...

Чем больше была усталость, тем мрачнее мысли меня одолевали. Замерев в нерешительности у лестницы, я все же направилась к своей комнате, что находилась на другом конце коридора.

Синий ковер под ногами давно вылинял, а обои слегка пожелтели — ремонт делался едва ли не два десятка лет назад, но благодаря постоянным обновляющим заклинаниям, изнутри общежитие выглядело более-менее сносно.

Подойдя к своей комнате, что делила с Маргарет, я остановилась. Под ногами раздался хрустящий звук мнущейся бумаги — не заметив у двери золотистый конверт, я случайно наступила на него.

Что это?

Перед тем как взять в руки конверт, я просканировала его заклятием на предмет темной магии — кто знает, может, завистницы меня теперь отравить решат.

Но магические круги погасли, так ничего не отыскав. Оставаясь в коридоре, я открыла послание. Внутри обнаружилась открытка из черного картона, на котором серебристыми чернилами было написано: «Претендентка №24».

Это то, что я думаю? Похоже...

Изнутри открытка переливалась перламутром, так сильно, что пришлось поднести ее к самому носу, чтобы различить написанное.

«Имеем честь поздравить вас с прохождением в основной отбор. Теперь вы официально одна из невест Бенедикта Карра...»

Я закатила глаза, не став вчитываться в многочисленные титулы ректора и сразу перейдя к занимательному перечню на другой стороне открытки.

«В свободное от мероприятий время вы можете посещать занятия в академии Эльрата, но также по завершении отбора вам будет оказана помощь в изучении пропущенного материала».

Интересно, какая помощь? Часы дополнительные добавят? И когда же мне работать?

«Также во время отбора запрещается иметь близкие отношения с противоположным полом, в противном случае вам грозит исключение из претенденток».

Ну-у-у... Крайний выход из сложившейся ситуации у меня появился. Только вся загвоздка в том, что очень уж он крайний.

Я зевнула, глаза слипались. Слова на открытке различались все хуже.

«...вы приглашены... на выходные... первое официальное знакомство».

Что происходит?

Я протерла рукой глаза и тут же пошатнулась и облокотилась на стену, едва не упав. Открытка выпала из рук, а в воздухе застыли мерцающие перламутровые пылинки.

Порошок? Меня отравили?

Ноги не держали, подгибались в коленях, сознание уплывало. Я все еще прислонялась к стене, последней своей опоре, и пыталась закричать, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но издала лишь жалкий хрип, перед тем как тело окончательно предало меня. Уже на грани реальности и сна я почувствовала, что чьи-то руки придержали меня за талию, не дав упасть.

— Я ведь обещал, что заберу.

Глава 2. Сделка

— Сонный порошок! — воскликнула я, вскочив. Но голова закружилась, а тело охватила слабость, и я рухнула обратно на матрас. То ли мне что-то снилось, то ли мысль, пришедшая при отравлении порошком, прорвалась наружу, стоило лишь открыть глаза.

Моим же собственным средством меня погрузили в сон, натерев им поверхность открытки!

Взгляд заметался по полутемной комнате. Солнце прорывалось через щелки между шторами и стеной, отбрасывая косые золотые лучи на пол, один из которых пересекал кровать пополам. В комнате висел цветочный аромат, что не шел ни в какое сравнение с запахом старых вещей, насквозь пропитавшим стены общежития магической академии.

Я сглотнула, чувствуя, теплое покрывало под ладонями. К нему хотелось прильнуть щекой и ощутить всю его мягкость.

Но сейчас мне точно не до этого.

Я критически оглядела свой внешний вид. Одежда на мне была целой и нетронутой, отсутствовала лишь обувь, да и волосы оказались распущены, золотой россыпью разметавшись по поверхности подушки. Обычно я собираю их в крепкий хвост и закрепляю шпильками, поэтому они не могли распуститься сами по себе.

Сжав ладонь в кулак и почувствовав себя намного лучше, перевернулась к краю матраса и поднялась. Обстановка в комнате складывалась из мрачных серых силуэтов, но даже по ним я понимала, что это обычная спальня.

Хотя вовсе не обычная — большая, и учитывая размер и вид кровати, дорого обставленная. Я словно очутилась в другом мире, с более приятной наружностью. Но хоть смотреть на него было приятно, не отпускало давящее чувство, что он не мой и я здесь чужая.

Метнувшись к окну, я резко отдернула штору, впуская веселый солнечный свет внутрь. Меня ослепило, и я инстинктивно подняла ладонь, загрозяв лицо.

Что это за место?

Когда глаза привыкли к яркости дня, я разглядела сад, в который выходили окна. Прежде такой красоты я не видала — в центре возвышалась мраморная беседка, чьи колонны сияли белизной, а по краю ступенек росли сиреневые цветы, устремившие бутоны к небу. Повсюду подобно паутине расходились извилистые мощеные дорожки, а в промежутках между ними росли цветы и ухоженные кустарники.

Это... прекрасно.

В горле пересохло. Я так и застыла у окна, на время позабыв, что мне может угрожать опасность, и о том, что меня украли у двери в собственную спальню.

В этом сказочном саду смешались все цвета радуги!

Неожиданно раздался стук в дверь. Я насторожилась и, недолго подумав, спряталась за штору, прошептав заклятие щита.

Сначала защита, а потом все остальное.

Раздался тихий скрип, нагнавший еще больше тревоги, — вроде дом богатый, а петли смазать не могут.

Мысли хаотичным роем кружились в голове. Я прислушивалась к движениям неизвестного и одновременно думала о побеге, гадая о месте, в котором оказалась.

Если это все же отбор... То зачем было меня похищать? А этот голос в конце, он явно принадлежал Рику. Сложно поверить, что этот мужчина как-то связан с академией.

— Извините? Леди? — Мягкий девичий голосок разрушил тишину. Осторожно высунув голову, я посмотрела на его обладательницу. Девушка в униформе горничной глядела в другую сторону и, повернув голову к окну, испуганно вздрогнула.

— Где я? — Мой голос звучал хрипло.

— В поместье.

— В каком? — допытывалась я.

Возможно, давить было грубо, но меня похитили! Им повезло, что я еще сбежать не пытаюсь, а выясняю обстановку.

— В поместье господина Карра, леди.

Я выдохнула, выпуская измятую штору из ладони, и вернулась вглубь комнаты.

Все же отбор намного лучше, чем похищение неизвестным психопатом. Не думала, что обрадуюсь этому мероприятию когда-нибудь.

— Извините, но нам надо идти.

— Прямо сейчас?

— Да. Вы очень долго спали, я никак не могла вас разбудить, — оправдывалась девушка. —

Всех претенденток попросили собраться вниз. Но если вы не готовы...

Горничная оглядела меня с ног до головы.

Она была рыжей, с веснушками на носу и щеках. Миловидная и вежливая, с приятным голосом, мне даже стало стыдно за свою первоначальную грубость.

— Нет-нет. Я пойду. Только умоюсь. — Надо было разобраться со всем, пока происходящее не зашло слишком далеко. Повернувшись к двери, что, предположительно, вела в уборную, я остановилась и неловко добавила: — Извини меня. Я просто испугалась.

Губы горничной неожиданно растянулись в светлой улыбке, и я невольно тоже улыбнулась.

— Не переживайте. Меня предупредили.

— О чем именно? — заинтересовалась я.

— Что вы можете не знать, где находитесь, — с готовностью поведала она. — Вас ведь доставили спящей.

Я задумчиво кивнула.

— Остальные девушки тоже прибыли в поместье столь оригинальным способом? — наобум поинтересовалась я, думая, что ректор изрядно заскучал и решил поразвлечься в последние дни холостяцкой жизни.

— Нет. Только вы.

— Что?! — удивилась я, но девушка уже выскользнула за дверь, будто намеренно избегая продолжения разговора.

Все страннее и страннее. Ничего не понимаю!

Решив отложить расспрос горничной до лучших времен, я скользнула в уборную. Умылась, расчесалась и, не найдя ни заколок, ни шпилек, оставила волосы распущенными. Сонный порошок заставил меня хорошенько выспаться, и я чувствовала себя как никогда отдохнувшей. Едва я вышла из спальни, горничная тотчас засемила по широкому коридору. Тут и там у дверей стояли цветочные горшки с вытянутыми вверх, как стрелы, растениями с мясистыми листьями.

Я осматривала обстановку с холодной отстраненностью. Для меня все было в новинку, я привыкла к куда более скромным условиям. Но давно научилась сохранять лицо. Когда ты сирота, нередко сталкиваешься с кем-то, кто имеет намного больше твоего.

Я всегда относилась к своей ситуации как к вызову. Люди, имея все, не добиваются ничего, а я добьюсь всего, не имея ничего. Это мой лозунг, с которым я шла по жизни.

— Ты давно здесь работаешь? — спросила у горничной и сразу же добавила: — Ничего что я на «ты»?

Девушка обернулась и вновь улыбнулась. Она вела себя раскованно, словно не работник, а гостья или хозяйка.

— Недавно. Многих наняли на время отбора.

То ли мы шли окольными путями, то ли все уже находились внизу, но нам на пути не попалась ни единая живая душа.

— К чему такая морока? — вздохнула я, мысленно представляя, сколько сил потратили на организацию отбора.

— Так это же семейный обычай! Его не нарушают. Когда упростили законы, все дворяне устраивали отборы, чтобы доказать, что жители империи равны. Но королевская семья и все ближайшие родственники следуют ему до сих пор, — порывисто рассказала служанка, удивляясь моему незнанию.

Я и сама не понимала, почему не слышала об этом ранее.

— А если ректору уже кто-то приглянулся? Может, он уже влюблен? — предположила я, рассматривая ситуацию со всех сторон.

Горничная отряхнула невидимые пылинки на своем сером платье и тихо хихикнула. Я покосилась на девушку — все же ее поведение меня озадачивало.

— Все равно отбор. Хотя по сути он будет лишь формальностью. Но до поры до времени это лучше держать в секрете, иначе обвинят в обмане.

— В обмане? — Моя бровь изогнулась. — Он же не виноват, что влюбился раньше. Никто не способен контролировать чувства.

— Ты права. Но тебе бы не было обидно?

Мы остановились у двустворчатой резной двери, за которой слышался гул голосов.

Пусть я решила разобраться с досадной ошибкой как можно скорее, но пока не представляла, как это сделать, да и интуиция намекала, что вряд ли у меня получится.

— Мне? Нет. Я бы с радостью покинула это поместье прямо сейчас, — напряженно отозвалась я.

— Ну тогда...

Нас прервали. Двери внезапно распахнулись, обдав лицо порывом воздуха. Мужчина с прямым слегка вздернутым носом, такими же рыжими волосами и веснушками на лице, как у моей проводницы, преградил путь.

Я едва не уткнулась носом в его грудь, почувствовав запах корицы и яблок.

Выглядел неизвестный грозно, в изумрудных глазах сквозило недовольство, но направлено оно было не на меня, а на горничную.

Они слишком похожи. Родственники?

— Летиция! — Мужчина скривился. — Что ты напаялила?

— Платье. Красивое ведь? — Обворожительно улыбнувшись, она покружилась.

— Это платье горничной, — выделяя каждое слово, укорил ее неизвестный.

Кажется, меня обдурили. За спиной рыжего все стихли. Своей широкой спиной он закрывал меня ото всех.

— От этого оно не может быть красивым?

Мужчина закатил глаза, пытаясь сохранить грозный вид.

— Прошу прощения за свою сестру. Иногда она совершает странные поступки, — обратился он ко мне.

— Ничего. Мы мило поболтали.

Я почти с самого начала заподозрила неладное и даже была рада, что не ошиблась. Вряд ли бы я так много узнала от настоящей горничной.

— Вот видишь. — Девушка победно улыбнулась брату.

— Тебе повезло с нашей гостьей, — парировал он.

Зато мне ни с чем не повезло. Интересно, что сказали Маргарет? Она бы наверняка подняла тревогу, не приди я вечером домой.

— Проходите. — Мужчина посторонился, являя ряд диванчиков, выставленных на одной половине зала, перед большим столом, за которым, подобно судьям, сидело еще трое молодых мужчин и женщина в возрасте. Бенедикт Карр отсутствовал.

— Благодарю. — Моя улыбка вышла кислой.

Я не желала здесь находиться, но в то же время понимала, что закатывать разборки при всех не надо, лучше дожидаться, пока я смогу переговорить с кем-нибудь из главных наедине.

Девушки принарядились. Пусть одежда на них оставалась повседневной, — платья, юбки, кофты или приталенные брюки — но она подчеркивала достоинства и скрывала недостатки.

Впрочем, последнего у претенденток почти не наблюдалось.

Пробежавшись взглядом по присутствующим и особенно отметив знакомые лица, я заняла пустующее место в самом конце.

Повела плечами, скидывая напряжение. Половина участниц — девушки с моего курса, я знала имя каждой и за пять неполных лет успела понять, что они за люди.

Не удивлюсь, если она выиграет...

Взгляд уперся в каштановую гриву волос Мелании Тарт — красавица, прекрасно воспитана, из богатой семьи и умеет быть милой и нежной. Ключевые слова «умеет быть». Мне есть что вспомнить за прошедшие годы, поэтому тщательно выстроенный образ одногруппницы давно рассыпался в моих глазах.

Что ж, Бенедикт Карр, выбери ее и я понаблюдаю за тем, как через парочку лет ты взвоешь волком от своей женушки.

Я усмехнулась, а Мелания обернулась, словно ощутив чужое внимание. Мое веселье приутихло. Обычно пухлые губы девушки сжались в тонкую линию. Острый, почти режущий взгляд прошелся по моему лицу, будто от меня хотели избавиться, и желательно немедленно. — Продолжим, — заговорил рыжеволосый, встав около стола. Его сестра заняла пустующее место рядом с женщиной.

Мелания отвернулась, а я наконец-то свободно выдохнула. Я не трусиха, но от этой девицы лучше держаться на расстоянии, она может доставить проблем.

— Эти выходные мы проведем в поместье, познакомимся. Каждая встретится с Бенедиктом. И даже не раз. — Рыжеволосый говорил сбивчиво. Вообще он казался уверенным в себе человеком, но, видимо, опыта разговора с двадцатью четырьмя потенциальными невестами другого мужчины у него еще не было. — К началу недели вы вернетесь в свои дома, но ненадолго. Планируется много путешествий — Восточное побережье, Проточный лес и даже Карликовы скалы...

Ого, любопытно зачем?

Но это звучало интересно, и я неосознанно подалась вперед. Я выбиралась за пределы Бурсбурга лишь единожды, и то недалеко, на озеро Рогшара, окруженное островком леса. Групповая поездка с приютом на пожертвования одного богача.

До сих пор помню свой восторг. Пьянящий воздух, закатное алое солнце, скрывающееся за верхушками деревьев, темные облака, словно мазки кисти с несколькими оттенками красок, распахнутые в стороны руки, волосы, треплемые ветром, и неровно стучащее сердце — только я и только мир, раскрытый на ладони. Упоительно и восхитительно, а мечты в те минуты захлестывали меня с головой. В детстве я всегда мечтала летать, и в подобные моменты верила, что, если сильно захотеть, я смогу что угодно.

Пока я предавалась воспоминаниям, кто-то из девушек озвучил интересующий меня вопрос.

— Бенедикт Карр ищет спутницу жизни, а не балласт. — Слово взяла седая женщина, склонившаяся над столом.

— Мам, зачем так грубо? — прошептала Летиция, нахмурившись.

Необычный состав явился оценивать будущих невест. Трое мужчин сохраняли молчание, хотя рыжеволосый смотрел на них с нескрываемой досадой.

— Мы все взрослые люди. И во избежание недопонимания, это лучшее, что мы можем сделать, — строгим голосом ответила женщина и продолжила, глядя на претенденток: — Вы образованны, каждая из вас в чем-то отличилась.

В академии все старались учиться. С дисциплиной было строго, да и халевщики вылетали еще на первых курсах. И я бы не сказала, что на фоне оставшихся студентов была чем-то лучше.

Разве что на коленях ректора посидела. Вот это достижение! И насмешек столько наслушалась... Да и появившийся страх, нет, скорее опасение, не отпускало с тех пор. Оно возникало на уровне подсознания, сжимало сердце мертвой хваткой, и я терялась, не понимая, как себя вести. Мне постоянно казалось, что за мной наблюдают. Это уже стало манией.

Ни с кем подобного не случалось. Никого я так неосознанно не страшилась. Лишь Бенедикта Карра.

— Бенедикту нужна верная и сильная спутница, равная ему. Поэтому, дамы, вам лучше не расслабляться и показать то, на что вы способны, — подытожила женщина, а по залу разлилась мертвенная тишина. Каждая из претенденток обдумывала услышанное.

— Кхм, думаю, достаточно, — вновь выступил рыжеволосый мужчина. — Для тех, кто отсутствовал, я Валентин Каррин, это моя мама Анелин Каррин и сестра Летиция Каррин. Почти все ближайшие наследники империи в одной комнате! Фамилия императора Карринель, и по мере отдаления родственных связей она сокращалась, но по сути это был один и тот же род.

Да и поговаривали, что у ректора родителей нет. Умерли при попытке переворота власти почти пятьдесят лет назад. Он тогда еще мальчишкой был, но хоть времени прошло немало, благодаря своей силе хорошо сохранился. Маги вообще в среднем живут в два раза дольше обычных людей, но недостаточно просто родиться одаренным, надо еще и постоянно зубрить заклинания и расширять резерв, а это самое сложное.

— Мы будем руководить отбором, а помогать нам вызвались вот эти три молодых человека. — Очередной кислый взгляд был отправлен на мужчин. — Они ближайшие друзья Бенедикта, поэтому видеть вы их будете часто.

Валентин представил каждого, но я была слишком увлечена их разглядыванием и, единожды услышав, сразу же позабыла имена.

Все примерно одного возраста.

Сидящий с краю справа блондин с чуть отросшими волосами, что хулигански заползали на глаза, бледнокожий, голубоглазый и слегка курносый. Всюду в его образе прослеживалась небрежность, но лишь ненаблюдательный человек купится на эту иллюзию.

Готова поспорить, он долгое время стоял перед зеркалом, перед тем как прийти сюда.

Блондин бегло осмотрел девушек, опустил голову, сложив руки одна на другую на столе, и, повернувшись к соседу, с едва заметной улыбкой что-то проговорил. Его собеседник, полностью обвешанный артефактами, — на пальцах кольца, на ладонях ряд браслетов, на шее несколько цепочек, и даже в ухе что-то поблескивало — бритый налысо, одетый в черный удлиненный жилет, запахивающийся у самого горла, и серую рубашку, кивнул и тоже посмотрел на претенденток.

Нас обсуждают? Наверняка. Но обвешанный артефактами мужчина привлекал взгляд своей непохожестью на остальных, его хотелось рассмотреть поближе. В образе второго мага прослеживалась дерзость, ему было наплевать на мнение присутствующих.

Пока Валентин отвечал на звучащие один за другим вопросы девушек, я перевела взгляд на третьего друга ректора.

Мужчина, одетый в черную плотную куртку с металлической нашивкой в виде маленького куска кольчуги на плече, смотрел на меня. Карие глаза были обрамлены веером ресниц, волосы аккуратно зачесаны назад, а лицо с четко очерченными скулами.

У меня сперло дыхание. Не от какой-то возникшей симпатии, как часто бывает у героинь любовных романов, а от обычной неловкости.

Я отвернулась, посмотрев в окно, по ту сторону которого на ветке дерева сидела птица с ярко-синим переливающимся оперением, и сделала вид, что крайне заинтересована ею.

Я слишком долго на него смотрела! Подумает еще невеста что. Хотя...

Я перевела взгляд на свою измятую одежду и поняла: даже если подумает, то не позарится. И вообще надо скорее выбираться из этого поместья.

— Тогда с вводной частью окончено. Вы можете подняться к себе, немного отдохнуть или остаться внизу. В поместье прекрасная библиотека и сад, также есть тренировочный зал и музыкальная комната. Обед через два часа, Бенедикт тоже будет присутствовать. А во второй половине дня вас ожидает сюрприз. — Рыжеволосый закончил собрание и, увидев, что девушки стали подниматься со своих мест, повернулся к матери.

У главного входа в зал уже столпилась группка горничных, видимо, призванных проводить претенденток и обеспечить их всем необходимым.

— Ты собираешься вставать? — спросила незнакомая девушка, которой я перегораживала путь.

— Да, конечно, — торопливо ответила я, поднявшись с места и не сводя взгляда с распорядителей отбора.

Можно подойти к Летиции, но не уверена, что она в силах помочь. Значит, лучше к ее брату.

— Хочешь к ним подлизаться? — спросила незнакомка, которую я пропустила.

— Что? — рассеянно обернулась к ней. Девушка смотрела оценивающе, но с нотками неприязни. До меня запоздало дошло, что она имела в виду. — Нет конечно!

Мое порывистое отрицание убедило ее.

— Ну ладно. Тогда увидимся, — чуть дружелюбнее произнесла она и уверенной походкой направилась к выходу.

Претендентки покидали помещение одна за другой, а распорядители и не думали разделяться. Я хмурилась, зная, что уже давно привлекла их внимание.

Надо действовать!

— Извините, могу ли я покинуть отбор? — Приблизившись к столу, прямо в лоб спросила я. Внезапно все мысли покинули меня, оставив лишь желание скорее попасть домой.

Блондин посмотрел на меня, как на неведомую зверушку. Лысый склонил голову. Он успел подняться, и я заметила, что даже на лодыжке у него висел еще один артефакт. Вообще, все его побрякушки были стандартными накопителями энергии, должно быть, у мужчины маленький резерв, который он вынужден компенсировать. Летиция вновь улыбалась. У оставшихся во взгляде читалось легкое беспокойство.

— Почему? Вас чем-то обидели? — спросил Валентин.

— Нет, — мотнула я головой и добавила, разведя руками: — Просто я попала сюда по ошибке. Хотя после моего похищения все уже не казалось такой уж ошибкой. Мой похититель, он же заказчик, был как-то связан с отбором. И усыпили меня, похоже, чтобы без происшествий доставить в поместье. Боялись сопротивления.

Чувствую себя такой глупой! Просто идиоткой! Приготовить самой себе сонный порошок! Я им еще зелье молчания сварила. Ректор вздумал опоить претенденток, когда они ему надоедят?

— Что вы имеете в виду? — сухо спросила Анелин Каррин. Она обладала идеальной осанкой и прямым пронизывающим взглядом. Императорский род славился своим характером и волей, говорили, что подавлять остальных их врожденный дар.

Я сглотнула, но отступить не собиралась.

— Я не вносила свое имя в сферу. И никогда не планировала это делать.

Анелин задумчиво поджала губы.

— Но раз вы оказались здесь, могли бы остаться. Попутешествовать. Этот отбор не просто мероприятие, вы могли бы чему-то научиться, — дружелюбно проговорил Валентин.

— Нет, — отрицательно мотнула головой, благоразумно промолчав о том, что я и самостоятельно способна многому научиться. В академии остался гримуар, а у меня меньше года в запасе. Я не могла вынести его из библиотеки, а после окончания обучения вход в нее мне будет закрыт.

Я не надеялась выучить все, некоторые рецепты и заклинания были слишком сложны, но намеревалась поместить в свою голову как можно больше знаний за отведенное время.

— Вы набиваете себе цену? — наклонившись, спросил раздраженный блондин.

— Я, по-вашему, вещь?

— Я не об этом говорил. — Он закатил глаза.

— Хорошо. Но нет, я не пытаюсь показать себя с лучшей стороны или вынудить вас меня уговаривать. Я просто хочу уйти. — Эта тирада стоила мне сил. Незнакомая обстановка, чужие люди, чье положение намного выше моего, и одна я.

Я старательно избегала смотреть на мужчину в куртке. Хватило того, что он поймал меня за разглядыванием.

— Вы хорошо подумали? — взяла слово Анелин Каррин.

— Да, — чуть помедлив, кивнула я.

Женщина тяжело посмотрела на меня. Даже моя одежда разительно отличалась от нарядов присутствующих. Она была слишком дешевая, купленная в магазине и подогнанная по размеру, а их скроена на заказ из дорогой ткани.

Мне неудобно. Поэтому я хочу как можно скорее бежать.

Но меня не отпустят... Не отпустят...

— Ладно. Вы можете собрать вещи. Валентин позаботится о том, чтобы вас доставили в город.

— Анелин откинулась на спинку стула.

Я устала на женщину, с трудом веря, что меня отпускают. И похоже, ее сын тоже был не согласен с вынесенным решением — хмурился, сложив руки на груди, и недовольно глядел на мать. Его взгляд явно говорил, что он желает переговорить с ней.

— У меня лишь маленькая сумка.

— Но ее ведь тоже надо забрать? — резонно спросила она.

— Да, конечно. Я быстро. Спасибо! — По мере осознания произошедшего, мои губы растягивались в довольную улыбку, которую я пыталась сдерживать.

Уже ни на кого не обращая внимания, я вылетела за дверь.

Получилось! Поверить не могу... Будто груз с плеч упал, даже дышится легче.

Стремительно перебирая ногами, я поднялась на второй этаж и даже самостоятельно отыскала нужную спальню. Лишь червячок недоверия свербел где-то внутри, а внутренний голос

говорил: «Ты действительно веришь, что все завершилось? Ха! Наивная! Кто бы это ни был, он приложил силы, чтобы ты оказалась здесь».

Я ворвалась в покои и быстрыми широкими шагами подошла к тумбочке, стоящей у противоположной стены от двери. На ней одиноко лежала моя сумка. Я открыла ее, убеждаясь, что все на месте.

Хлоп!

Я подскочила, оборачиваясь.

— Что... Что вы здесь делаете? — едва не заикаясь, спросила у ректора, стоящего у высокого массивного шкафа. Дверь спальни оказалась закрыта.

— Чего вы так сильно испугались? — безразлично спросил он.

Он правда не понимает?

Спокойствие, сила, уверенность пронизывали все существо мужчины. Маг, получивший орден Просвещения от императора, и создатель новых заклинаний. Его почитали, уважали, и все это было заслуженно. Кого-то жизнь одаривает всем — и магией, и внешностью, и положением.

— Не пристало ректору проникать в спальню студентки.

Я поморщилась, предчувствуя возмездие за свою дерзость. Ладони похолодели. Конечно, в моих словах была истина, только великие мира сего не переносят нравоучений.

— Смущены? Вы были одеты и, похоже, собирались уйти... — Он задержал взгляд на моей сумке и добавил: — Я собираюсь поговорить с вами, сделать предложение, а потом вы сами решите, уходить вам или нет.

Он двинулся по спальне, а я зашагала в обратную от него сторону, сохраняя расстояние.

Мужчина заметил мои метания, но никак не прокомментировал.

Бенедикт сел в кресло, а я забралась на кровать и, перевернувшись, оказалась ближе к двери.

— Мы с вами в догонялки играем?

— Нет, — ответила я, зная, что выгляжу нелепо.

— Тогда сядьте и не прыгайте с места на место, — проговорил маг.

— Давайте не будем приказывать, мы не в академии.

Он вздохнул.

— Вы боитесь, но все равно пререкаетесь. Это смелость или глупость?

— Решайте сами, — прошептала я, опуская взгляд.

Мною снова овладело чувство, будто за мной наблюдают. Ректор провоцировал его. И от этого мне хотелось бежать из этой комнаты и поместиться как можно дальше.

За последнее время со мной произошло слишком много необъяснимого...

— Так вы утверждаете, что не прикасались амулетом к сфере? — вкрадчиво спросил мужчина.

— Не прикасалась.

К чему этот допрос?

— Но тем не менее вы здесь, — утвердительно заявил он.

— Разве не вы меня выбрали? — спросила я, подняв голову.

— Нет. Претенденток отбирала Анелин, — отмахнулся Бенедикт.

— Всех?

— Да, — не отводя взгляд, подтвердил маг.

— Вам все равно, кого пророчат вам в жены? — Меня коробило от его пренебрежения.

— Нет. — Бенедикт склонил голову. — Я ознакомился с окончательным списком перед объявлением.

— Какая предусмотрительность!

— Не язвите, Лост. Вы ведь сирота? — поинтересовался он задумчиво.

— По фамилии же ясно. — Все, чье происхождение оставалось неизвестным, получали эту приставку к имени. Стоило представиться, и твоя история больше не секрет. Меня всегда это раздражало.

— Я лишь уточняю, — властно проговорил ректор, посмотрев в окно. — Ладно, перейдем к делу. Я говорю, а вы молчите. Когда закончу, зададите вопросы и решите, остаетесь вы или нет. Что?

Мужчина заметил, что у меня уже успели появиться вопросы.

— Хочу уточнить на всякий случай. Мое решение и мои слова, не повлияют ли они на мое обучение в академии? — Пока между нами сохранялось расстояние, я чувствовала себя самой собой.

Ректор в лице не изменился, но вот глаза... Когда кто-то из студентов ошибался, взгляд Бенедикта действовал куда лучше неуда в журнале.

«Тебе есть чем гордиться. Но это не значит, что остальные хуже тебя», — мысленно обратилась я к мужчине и поджала губы, выдержала его давление и возвращая магу его же неприязнь.

— Мисс Лост, я не смешиваю личное с работой. А отбор и все происходящее вне стен академии — личное, — вкрадчиво произнес он.

— Могу ли я считать, что, если переступлю черту, случайно или даже не совсем, и нагрублю вам, то даже тогда вы не откажетесь от только что сказанного? — Я знала свою порывистость и понимала, что, если мне предложат что-то унижительное, могу не сдержаться.

— Верно. Но крайне не советую вам это делать.

— Почему?

— Потому что личные проблемы я и решаю иначе, чем академические. Совсем иначе, — глубоким голосом ответил Бенедикт. Он чуть наклонился, глядя прямо в мое лицо, и лишь убедившись, что достаточно испугал меня, вновь откинулся на спинку кресла. — Четыре года назад одна из студенток академии стала подрабатывать в лавке на улице теней. Между прочим, опасное место для молодой девушки. Но пока студенты академии не нарушают закон, в личные дела я не вмешиваюсь. Так и оставалось до поры до времени, но однажды совершенно случайно мне становится известно, что та самая лавка продает лучшие зелья в Бурсбурге. Я отправляю своего человека проверить заведение, и мне приносят интересные вести. Вы ведь понимаете, к чему я веду?

Мне стало не по себе. Но между тем я не жалела ни об одном своем поступке, ведь иначе бы просто не вышла, не оплатила бы академию, и моя мечта бы канула в небытие.

— Этот ваш человек это Рик? — Я думала, пытаюсь оставаться хладнокровной.

Необходимо дослушать до конца. Не надо нервничать.

Но я уже измяла юбку, комкая ее руками, не заботясь о том, что она задирается едва ли не выше колен. Стук сердца набатом отзывался в ушах, а в голове шумела кровь.

— Рик? Он так представился? — Бенедикт чуть склонил голову, так что волосы на правой стороне коснулись плеча. — Но речь не о нем.

Мужчина поднялся. Я тоже встала с кровати.

— Гримуар, Эльза. Лишь по нескольким зельям стало понятно, какая удача вам улыбнулась. Пусть книги закрыты, но практически к каждой имеется запись о ее кратком содержании. Вы были столь неосторожны, что изготавливали напитки и порошки, которые не изучают ни в одной академии. Потому что для них недостаточно заучить заклятие и следовать инструкции, а необходима совместимость магии, предрасположенность к зельям. Это талант. Вы талантливы. Комплимент?

Мужчина поджал губы и добавил:

— Но ходите по лезвию ножа. Сами понимаете, люди, на которых вы работаете, церемониться не станут.

— На которых я работаю? — глупо переспросила я.

— Да. Братья Спригатто. Ваш начальник самый невинный из них. Но мой вам совет, как только получите диплом, бегите как можно дальше. Иначе... Хотя не мне вам объяснять, сами догадываетесь.

Догадывалась, а теперь уверена — я вляпалась.

— Я не совсем понимаю, к чему вы ведете? — между тем спросила я.

Мужчина подошел ближе, но я была слишком обеспокоена угрозой от Саранчи, и страх перед ректором немного угас.

— У меня много достижений, и во многом я разбираюсь, но, к сожалению, не в девушках, — чуть помедлив, проговорил он. — Раз вас выбрали, почему бы вам не поработать на меня?

Я усмехнулась. Ректор нахмурился, поджав губы.

— Вы намекаете...

— Я не намекаю, а говорю прямо. Мне нужен кто-то внутри отбора. Та, кого не заподозрят.

— У вас вроде достаточно помощников, — удивленно проговорила я.

Мне не верилось, что могущественный ректор просит меня шпионить о претендентках.

Что-то не сходилось. Нелогично. Мужчина преподавал не один год, и чтобы не научился разбираться в девушках до сих пор?

Да он строит их, как генерал своих подчиненных!

— Я предпочитаю собирать всю информацию и не игнорировать мелкие детали. — Он поднял руку, касаясь могущественного артефакта на шее.

О свойствах амулета Бенедикта Карра не знал практически никто, разве что приближенные к императору и сам правитель. Говорят, вещь способна на то, что не сотворить ни одним заклятием.

— Вы останетесь участницей отбора. Но будете работать на меня. Естественно, рассказывать о нашем договоре запрещено. — Мужчина сделал паузу, перед тем как закончить: — А взамен вы получите так необходимый вам гримуар в единоличное пользование.

— Мне позволят вынести его из библиотеки? — севшим от волнения голосом спросила я.

Еще мгновение назад я была уверена, что ни за что не соглашусь, но теперь...

— Да. Более того, он станет полностью вашим.

Бенедикт назначил ту награду, за которую я могла поступиться своими принципами.

Мысль, что я потеряю доступ к рецептам, не покидала меня очень давно, но в последний год вовсе не давала покоя. Владение гримуаром сулило слишком захватывающие перспективы, чтобы запросто от него отказаться.

— Что если я не соглашусь? — сохраняя самообладание, спросила я.

Но ректор лишь усмехнулся — он уже разгадал меня и понимал, что рыбка попалась на крючок.

— Вы больше никогда не увидите свой гримуар. Я об этом позабочусь. В библиотеке его уже нет.

Я плотно сжала челюсть и задумчиво отвела взгляд в сторону.

Расчетливый подонок! Но с другой стороны, даже не верится, что мне предлагают взамен древний гримуар. Они ведь стоят целое состояние. Если собрать деньги, что я заплатила за годы обучения в академии, все равно бы не хватило.

Бенедикт спокойно смотрел на меня в ожидании ответа, который и так был ему известен.

Я в корне ошибалась — если он выберет Меланию, их муки будут обоюдными.

— Прежде чем я соглашусь, у меня есть еще несколько вопросов, — официально сказала я.

— Слушаю.

— Тот мужчина, что меня усыпил и принес сюда. Кто он?

— Мой друг.

— У вас слишком много друзей. Можно поточнее?

— Нет, Лост, нельзя.

— Мне он не нравится.

— Это ваши личные проблемы.

— Вы невыносимы, — спокойно произнесла я, не давая эмоциям отразиться в голосе.

— А вы зарвавшаяся девчонка, но тем не менее я с вами разговариваю.

Так мы ни к чему не приходим...

— Ладно, — тяжело вздохнув, протянула я. — Тогда как будет выглядеть наше сотрудничество?

— Наконец-то правильные вопросы, Лост, — кивнул он, словно студентке на лекции, что после ряда неудач ответила верно. — Мы заключим договор. Никто, даже распорядители отбора, не должен о нем знать.

— Но почему? — удивилась я.

— Считайте это моей прихотью.

— Но я уже сказала, что ухожу...

— Теперь заявите обратное, — невозмутимо парировал Бенедикт.

Наши взгляды скрестились. Я мысленно привыкала к тому, что буду вынуждена общаться с этим мужчиной на протяжении нескольких дней, а может и недель.

Подняла руку, неосознанно касаясь головы. Обрывочные воспоминания того, как я когда-то рассекла лоб, вновь всплыли перед глазами.

Бенедикт заметил мое движение и было двинулся ко мне, а я наоборот поднялась с кровати и шагнула в сторону.

Мы и правда будто играли в догонялки. Только, если бы ректор взялся всерьез, далеко бы я не убежала.

Пусть Бенедикт вызывал во мне гнев, раздражение и страх, но он оставался привлекательным мужчиной, со своей темной аурой, влияние которой я ощущала на себе в полной мере. Все же женская часть академии сходила по нему с ума не только из-за красивой мордашки...

В дверь постучали.

— Мисс Лост. — Я узнала голос Валентина Каррина. — Вы собрались?

— Да, подождите секундочку, — выкрикнула я и шепотом добавила, обращаясь к ректору: — Хочу прочитать договор.

Ректор едва заметно усмехнулся:

— Вечером принесу, — и протянул руку для рукопожатия.

Но я глянула на его ладонь, словно на гремучую змею. Никогда к нему не прикоснусь!

— Буду ждать. А теперь уходите. — Так и не пожав руку, порывисто прошептала я.

Бенедикт склонил голову.

— Все еще боитесь? — недовольно осведомился он.

— Да. Покалечиться боюсь. Опыт имеется, — кивнула, соглашаясь.

— То была досадная случайность. Слишком часто мне приходилось отбиваться от ретивых студентов. — Удивительно, но мужчина понял, о чем я.

— И когда я упала на вас, вы подумали, что я специально?

— Да.

— Вы ошиблись.

— Уверены?

— Я никогда ни на кого не вешаюсь, запомните это, Бенедикт Карр! А теперь уходите, мне еще объясняться, почему я изменила решение. — Я повернулась к двери, уже представляя, что обо мне подумают остальные.

Неожиданный порыв холодного ветра растрепал волосы, и когда я обернулась, спальня была абсолютно пуста — ректор пропал. Лишь распахнутое настежь окно намекало на то, каким образом он исчез.

Я ввязалась в очередную авантюру и скорее всего пожалею об этом...

Стук повторился, и я открыла дверь, встречаясь взглядом с Валентином Каррином, а в голове к этому моменту уже созрели оправдания.

Глава 3. Журналисты

Объяснения о том, почему я переменяла решение касательно отбора, заняли не много времени. Валентин принял новость благодушно, даже слишком. Хотя от меня не укрылось поисковое заклание, прошедшее по моей временной спальне.

Он что-то услышал? Или догадывается, что в комнате был посторонний?

Валентин улыбнулся, а зеленые глаза по-кошачьи сощурились, все еще с подозрением глядя на меня.

— Рад, что вы передумали, — прозвучала дежурная фраза.

— Я лишь единственный раз покидала окрестности Бурсбурга, поэтому ваши слова о путешествиях сыграли немалую роль. — Я представляла, что распорядитель — это один из моих клиентов в лавке Спригатто. Живое воображение позволяло мне не нервничать.

— Вы совсем не думаете о победе?

— Победе? Не-е-ет. — Я активно завертела головой. — Это... невозможно.

Мужчина нахмурился. Мне не стоило высказываться столь демократично.

— Вы производите впечатление девушки, которая твердо знает, чего желает. Впрочем, я могу ошибаться. — Его лицо больше ничего не выражало. Но после слов мужчины я ощутила легкую тень беспокойства.

Валентин повернулся, собираясь уйти, но я окликнула его, без промедления попросив о помощи. Я нуждалась в одежде, хотя бы в одном комплекте, и в банальных предметах личной гигиены. Маг выслушал меня и пообещал отправить кого-нибудь в общежитие к моей соседке, чтобы она собрала необходимые вещи.

Главное, чтобы Маргарет находилась дома...

Валентин ушел.

Осмотрев комнату, я твердым шагом направилась к окну, плотно запахнула его и наложила сверху заклинание. Хотя кого я обманываю? Ректора такой преградой не остановишь.

Слова рыжеволосого мужчины оставили неприятный осадок. Только вот почему? Мне должно быть все равно.

Присев на краешек кровати, я глубоко задумалась, раскладывая по полочкам события сегодняшнего утра. Теперь мне казалось, что все сложилось как никогда удачно. Если постараюсь, гримуар станет моим. Но все равно на задворках сознания таилась мысль о том, что все получалось слишком легко и складно.

Раздумья прервал стук в дверь. Я открыла, впуская горничную с подносом в руках.

— Ваш завтрак, леди, — сообщила она.

Я посторонилась.

— Разве претендентки не должны были позавтракать вместе? — озадаченно спросила я, прикрывая дверь.

Девушка поставила поднос на низенький столик и, повернувшись, нервно сцепила руки в замок перед собой.

— Вы не приглашены. — Она потупилась.

— Почему? — недоумевала я.

— Госпожа Анелин просила передать, что в следующий раз вам стоит принимать взвешенные решения и не отнимать ее время. До конца этих выходных вам будут приносить еду в покои, — заученно пролепетала служанка.

Анелин — женщина непростая... Прогневив сестру императора, я еще легко отделалась. Запрет на общие трапезы меня не огорчил — я предпочитала одиночество удушающей атмосфере соперничества, зависти и подлости.

Чутье подсказывало: пройдет несколько дней, и на отборе станет не продохнуть и не расслабиться.

— Ладно. Спасибо. — Легко ответила я. Не было смысла пытаться отменить решение распорядительницы.

Горничная облегченно выдохнула, и перед тем как покинуть меня, налила чай. Над чашкой поднялся ароматный пар с запахом мяты и ягод.

Я села за столик и, бережно взяв чашку из дорогого фарфора с золотой вязью по краям, сделала глоток.

В течение целого часа я расслаблялась и ни о чем не думала. Чтобы выдержать бой, необходим полноценный отдых. Но вскоре мое спокойствие было прервано — в спальню ворвалась заполошная женщина.

— Скорее, у нас не так много времени! — едва взглянув на меня, воскликнула она.

— Вы кто? — бесцеремонно спросила я, с неудовольствием глядя на неожиданную гостью.

Женщина крутанулась на каблуке, ее длинная юбка в складку веером подлетела вверх, меняя оттенок с черного на бардовый и становясь того же цвета, что и жакет незнакомки.

— Я та, кто поможет тебе. Я Стейси Чизар. Поэтому будь чуть дружелюбнее и подойди сюда.

— Она поманила меня пальчиком. За моей спиной в спальню прошмыгнула ее помощница, неся в охапке тяжелые чехлы для одежды.

— Ваше имя ничего мне не сообщило. — Я как упертый баран стояла на своем, не желая подчиняться без каких-либо внятных объяснений.

— Да? — Ее не задела моя холодность, но незнание определенно озадачило. — Модой не интересуешься?

— Нет.

— Хм. Так даже лучше, — улыбнулась Стейси алыми губами.

Затворив дверь, я вспомнила, что на утреннем сборе упоминали про какой-то сюрприз. Теперь же меня одолевали смутные подозрения, что эта женщина — он и есть.

Стейси задумалась, поднесла ладонь к лицу и подперев подбородок. Она выглядела не старше тридцати, обладала приятным голосом и ухоженным внешним видом, и я даже не представляла, каких усилий ей это стоило.

— Рита, достань то черное платье с розами, — велела она своей помощнице. И, уже более осмысленно посмотрев на меня, сообщила: — Мне нравится твой нрав, мы подчеркнем его в образе. Просто прелестно.

— В каком образе? — терпеливо спросила я, сложив руки на груди. Моя жизнь все больше напоминала шхуну в открытом море, где волны бросали ее из стороны в сторону.

— Так тебе не сообщили? Скоро придут журналисты. Вас будут снимать для ежедневника столицы, дорогая! Империя жаждет знать подробности. — По мере того, как мое лицо вытягивалось от шока, улыбка Стейси становилась все шире. Тело пробрало дрожь, и на мгновение я растеряла все самообладание. Я была той, что привыкла находиться в тени. Мне нравилось наблюдать за людьми, делать выводы и докапываться до их сути, но я никак не желала сама оказаться под ярким светом. Сотни, нет, тысячи людей будут знать обо мне, а я о них — нет! Меня обескураживала подобная перспектива.

— Ну-ну. Где же твой боевой настрой? — утешающе сказала Стейси, подходя ко мне. — После того как я с тобой поработаю, тебя родная мама не узнает.

— У меня нет мамы.

— Ох, извини, крошка, — без сочувствия, легкомысленно отозвалась она и с нескрываемым предвкушением добавила: — Что ж, начнем.

* * * * *

Журналисты нахлынули, как внезапный дождь, облюбовав главный зал поместья, — помещение с богатой отделкой, деревом на стенах, лепниной на потолке, камином и мраморным полом. Шум. Переговоры. Указания.

Дополнительные магические светильники разом загорелись, освещая комнату ровным белоснежным светом. Анелин Каррин наблюдала за копошением рабочих молча и не вмешиваясь. Претенденток пока не приглашали, не давая прозорливым журналистам узнать больше, чем положено.

— Вам чем-нибудь помочь? — Один из распорядителей остановился рядом с женщиной. Он успел переодеться, сменить куртку на рубашку простого покроя и надеть другие брюки синеватого оттенка.

— Спасибо за предложение, Рандел, но нет. Где Бенедикт? — При упоминании ректора академии ее лицо смягчилось. Анелин относилась к этому молодому человеку с материнской любовью.

— Скоро подойдет.

— Он вел себя слишком холодно за завтраком.

— Бенедикт так не считает, — ответил Рандел.

— Упрямец, — буркнула женщина и сдержанно улыбнулась направляющейся к ним журналистке, что уже через секунду рассыпалась в комплиментах и коротко повела расписание съемки.

Для газеты планировали сделать несколько снимков — один общий со всеми претендентками, а второй — парный с каждой из девушек и Бенедиктом.

— Публика любит глазами, сами понимаете, — оправдывалась журналистка.

— Понимаю. Но не переходите границы. Все материалы, что соберетесь опубликовать, должны пройти через моего помощника.

— Да, конечно, леди Анелин, я очень ценю ваше доверие.

Женщина кивнула, принимая к сведению.

В зал вошел Бенедикт. За исключением близких людей, остальные узнали его не сразу. Маг редко надевал повседневную одежду, не говоря уже о королевском мундире, расшитом золотыми нитями и увешанном тонкими цепями спереди. Из всего этого великолепия на груди выступали очертания герба империи — круг, где нижнюю половину занимали волны, говорящие о протяженности морских границ и развитом судоходстве, а верхнюю — шестилистный аронит — цветок, растущий без воды и света и неподвластный огню и жару.

— Кто ты? Я тебя не узнаю, — насмешливо спросил Широн. Журналисты покосились на мужчину в артефактах с подозрением, гадая, кто он такой. — Ты выглядишь как мальчишка.

— Это не смешно.

— Нервничаешь? — поинтересовался друг, но, удостоившись взгляда, полного скептицизма, примирительно поднял руки. — Ну да, это же ты.

В помещении воцарился хаос. Бенедикт же проклинал свое происхождение и то, какие обязательства оно на него накладывало.

Переговорив несколько минут с Анелин, что действительно интересовалась персоной одной из претенденток, ректор отошел в сторону. Он бывал в поместье редко, пусть оно досталось от родителей, но эти стены и комнаты совсем не вызывали в нем теплых чувств.

Вскоре приготовления были завершены, а в помещение неспешно, одна за другой, вплыли претендентки в платьях на любой вкус и фасон. Девушек одели подобно королевам — такова была тематика съемки. Люди любят богатство и хотят лицезреть сказку, а отбор должен был подарить ее им.

Журналисты выстроили претенденток в несколько рядов у стены, словно воспитанниц какого-нибудь женского пансиона.

— Не хватает одной, — обратился ректор к подошедшему Валентину.

Девушки выбрали разные тактики поведения: кто-то откровенно пожирал взглядом главу академии, другие старались подружиться с распорядителями отбора, где главной мишенью стали Летиция и блондин Дерек, третьи отстраненно наблюдали за всем — роль снежной королевы позволяла сохранить достоинство и выделиться среди остальных. Такой стратегии придерживалась и Мелания Тарт, одетая в оплетающее ее фигуру многослойное бежевое платье. У груди фатин собирался и переходил в пышные цветы, рассыпанные по левой лямке наряда.

В своей победе девушка не сомневалась, но и трезво оценивала ситуацию, зная, что придется постараться, чтобы вырвать столь желанное место под солнцем из лап соперниц.

— Да? Так быстро сосчитал? — с полуулыбкой ответил рыжеволосый. Послышался торопливый стук каблучков, звучавший особенно гулко из-за каменного пола в коридоре. — Вот и последняя...

— Извините, опоздала.

Эльза торопливым вихрем ворвалась в зал в черном платье с красными цветами, скрытыми под слоем переливающейся темной органзы. Ее губы были ярко накрашены, глаза подведены, а распущенные волнистые волосы переливались расплавленным золотом.

Принцесса. Нимфа. Богиня.

Атмосфера очарования и волшебства на мгновение разлилась в воздухе, и спустя секунду была безжалостно разрушена хлестким ругательством из уст той самой нимфы, что подвернула ногу и рухнула на какого-то парня, повалив того на пол.

* * * * *

Стейси Чизар колдовала над моими волосами слишком долго, раз за разом произнося одно и то же заклятие. Я даже забеспокоилась об их сохранности после того, как все чары сойдут.

— Милочка, когда Бенедикт Карр увидит тебя, у него сердце из груди выпрыгнет, — обещала мне женщина.

— А оно у него есть? — без энтузиазма проворчала я.

— Эх, вроде уже взрослая, а мозгов... — покачала она головой и, вновь пробормотав заклятие, продолжила: — Существует три типа мужчин — бабники, нарциссы и однолюбы. У меня глаз наметан, ваш ректор однолюб, а таких добиться сложнее всего, зато если выйдет, считай сорвала куш.

Закончив, женщина отошла в сторону, любясь проделанной работой. Алые губы вновь растянулись в улыбке.

— Только я могла сотворить подобную красоту, — самодовольно сказала она.

Стейси была женщиной своеобразной и манерной, но приятной.

В дверь вновь торопливо постучали.

— Пожалуйста, поторопитесь, все девушки уже спустились, — послышался полный мольбы голос.

Приставленная ко мне служанка ужасно нервничала и поторапливала нас не в первый раз.

Подхватив юбку, я засеменила к выходу, пытаюсь привыкнуть к неудобной обуви.

— Срази его наповал! — подбодрила меня Стейси.

— Постараюсь, — скрепя сердце отозвалась я.

Она так старалась, разве могу я ответить иначе?

Выскочив из спальни, немного пошатываясь, помчалась по коридору. Наверняка со стороны я выглядела неуклюже — у меня не было иллюзий на этот счет. Уже на середине лестницы ноги гудели от напряжения.

Адские туфли!

Я никогда не носила каблуки — предпочитала удобную обувь, но в этот раз выбор отсутствовал — подол платья был слишком длинным, надень я мягкие туфли без каблука, и он бы волочился по полу.

Я едва не опоздала, забежав в зал, когда фотограф уже навел фотоаппарат — круглую коробочку размером с обеденную тарелку и с магической линзой по центру.

Пробормотав извинения, я выдохнула и шагнула к остальным претенденткам, не вовремя расслабившись. И уже в следующую секунду потеряла равновесие. Лодыжку пронзила боль, словно по ней полосонули тупым лезвием. Я упала прямоком на одного из работников, обернувшегося на вскрик и поэтому стоявшего в неустойчивой позе.

Стены и потолок поменялись местами, и я уже лежала на полу, на груди худого парня, что был примерно одного со мной возраста.

Мы уставились друг на друга: он — удивленно, а я — в ужасе и без малейших мыслей в голове. — Да помогите же им кто-нибудь! — раздался женский голос. Всего мгновение, и меня поразительно легко, как пушинку, оторвало от парня. Я повисла над ним в горизонтальном положении. Почти сразу же мое тело неспешно поплыло в сторону, потихоньку переворачиваясь, так что я оказалась лицом к лицу с ректором.

Когда мои ноги коснулись пола, Бенедикт опустил руку, прошептав контрзаклятие.

Я с трудом его узнала! Одежда красит, но не меняет людей, но теперь мне казалось, что передо мной совершенно другой человек. Самое поразительное — мне определенно нравилось увиденное, по крайней мере до того момента, как мужчина открыл рот.

— Возможно, вы ни за кем не бегаете, но в способности падать на мужчин у вас определенно талант, — негромко сказал он.

Надменный взор в противовес моему гневному взгляду.

— Талант, что проявляется, лишь когда вы поблизости. Есть над чем задуматься, верно? — парировала я.

Отвернувшись, я устремилась к остальным девушкам. Но, проходя мимо парня, пострадавшего по моей вине, пробормотала тихие извинения.

В последнее время мне приходилось слишком много извиняться...

Первая половина съемки пролетела быстро и легко. Правда, вскоре глаза заслезились от яркого света, непрерывно освещавшего наши лица. Когда уже стало совсем невыносимо, девушкам позволили отдохнуть, отведя в соседнюю комнату.

Я разместилась на кушетке и сняла туфли, с жалостью глядя на покрасневшие ступни.

— А ты смелая. — Рядом со мной присел парень в артефактах.

Уже перенасыщенная событиями, я не обратила на его внезапное появление никакого внимания — сомневаюсь.

Мой ответ незнакомца не смутил.

— Я Широн, — представился он.

— Эльза, — проговорила, вновь надевая туфли.

— И почему ты в стороне, Эльза, нет подруг? Кажется, вы все с одной академии, — непринужденно спросил мужчина. Я скосила взгляд на других претенденток, что стояли у вереницы зеркал.

— У меня есть подруги, но не здесь. И это не важно.

— Почему? — заинтересованно спросил он, посмотрев на меня.

— Когда отбор закончится, я даже не вспомню о нем. Стоит подумать в таком ключе, и все неприятности кажутся мелочами. Я даже грустить ни о чем не буду, сомневаюсь, что здесь имеются люди, которым можно доверять, — разоткровенничалась я.

Лицо Широна приобрело задумчивый вид.

— Ты напомнила мне меня самого в твоём возрасте.

— Чем?

— Я тоже никому не верил. Выгода, вот что правит миром? — спросил он и, найдя ответ в моем молчании, продолжил: — Совсем скоро ты поймешь, как ошибалась.

— Не знаю, — с сомнением протянула я.

Широн поднялся.

— Гарантирую. Буду за тобой приглядывать, — дерзко улыбнувшись, сказал он и ретировался.

Я смотрела ему в спину с немым вопросом.

Приглядывать? Что это на него нашло?

С тоской обведя помещение взглядом и заметив брюнета, что так смутил меня на утреннем собрании, и Валентина — мужчины разговаривали с одной из претенденток в небесно-синем платье, — подумала: если так пойдет и дальше, я ни за что не определю, кто из окружения ректора является Риком.

Хотя если заказчик больше не потревожит меня, то и искать его не потребуется.

Второй этап съемки проходил иначе, девушек вызывали по одной, а остальные ожидали своей очереди.

— Мы держались с ним за руки! — проговорила вернувшаяся однокурсница. Райли — одна из немногих, что могли похвастаться легким нравом.

Хм, мне кажется, она будет послушной в браке... Ведь этого желают мужчины? Надо уточнить у Бенедикта его предпочтения.

Время тянулось медленно. Я была в самом конце списка, поэтому и ждать мне пришлось дольше всех. По мере того, как возвращались девушки, я слышала разные подробности — с кем-то, как с Райли, ректор держался за руки, с другими танцевал, с третьими всего лишь стоял рядом.

Похоже, журналисты твердо решили сделать интересные кадры.

Я усмехнулась, собравшись настоять на самом невинном варианте съемки. Мысль о том, что мне все же придется коснуться мужчины, заставляла нервничать, и я отметала ее прочь.

— Эльза Лост! — позвала Летиция, держа список в руках. — Идем скорее!

Стоило девушке заметить меня, она улыбнулась.

— Я так рада, что ты осталась, — прошептала она в коридоре.

Ее дружелюбие ставило меня в тупик.

Количество журналистов в зале, где проводились съемки, поубавилось. Бенедикт стоял, склонившись над диваном и уперев ладони в его спинку. Мужчина выглядел утомленным и крайне раздраженным, уничтожая взглядом всех вокруг.

— Господин Карр, осталось немного. Последняя девушка уже подошла. — Журналистка будто уговаривала ректора и в конце речи показала на меня. Бенедикт медленно проследил за ладонью женщины.

Его глаза были яркими, холодными и спокойными. Раздражение бесследно растворилось.

Мужчина распрямился.

— Ладно. Давайте скорее начнем. — Пока говорил, он неотрывно смотрел на меня, заставляя еще больше нервничать.

Сделав выражение лица безразличным, я подошла ближе.

— Что надо делать?

— Эрл, займись, — отдала приказ фотографу журналистка.

Мужчина подошел и, подумав секунду, попросил меня сесть на подлокотник дивана, а ректора встать рядом. Я скосила взгляд, оценивая расстояние между нашими телами.

— Девушка, расслабьтесь. У вас лицо испуганное, — после нескольких снимков сказал фотограф.

— Ладно, — выдавила я.

По крайней мере постараюсь...

— Здесь так много людей, а вы до сих пор меня боитесь? — смотря на фотографа, проговорил Бенедикт.

— Не льстите себе. Я всего лишь нервничаю из-за того, что эти снимки увидит вся империя. — Ректор вызывал у меня чувство соперничества и желание скрыть свои опасения касательно него.

— Разве это заслуживает внимания?

— Да. Возможно, это прозвучит грубо, но я не хочу, чтобы люди что-то надумали о нас. Тем более вы помните, ради чего я осталась, обещаю, что вскоре я предоставлю намного больше информации об участниках, и тогда вы... — Боковым зрением я уловила движение и повернулась, замерев лицом к лицу с ректором, склонившимся ко мне.

В горле пересохло, я словно утонула в карих глазах — хитрых, опасных, притягательных. Уголок губ мужчины дернулся в намеке на усмешку. Бенедикт подался еще чуть-чуть вперед, а я инстинктивно отпрянула. Сердце стучало в груди в сумасшедшем темпе, ускоряя дыхание. Вспышка фотоаппарата ослепила на мгновение, и я, окончательно потеряв равновесие, рухнула спиной на диван, ошарашенно глядя на ректора.

— Какие прекрасные кадры! — уже восторгалась журналистка, подбежав к фотографу. — Мы ведь можем их опубликовать? — Она с надеждой посмотрела на ректора.

— Нет! — воскликнула я.

— Да, — одновременно произнес Бенедикт, его лицо сделалось каменным. Журналистка довольно кивнула, решив проигнорировать мой запрет. А я почувствовала себя беспомощной. Который раз за день. Это удручало.

— Мисс Лост, вам помочь? — Бенедикт остановился рядом, властно глядя сверху вниз. Он издевается?

— Сама, — едва не прошипела я сквозь зубы.

— Как пожелаете. Но в следующий раз будьте осторожны в словах. Я говорил всерьез, когда предупреждал, что с личными проблемами разбираюсь иначе. Лучше не провоцировать, — многозначительно произнес ректор, сохраняя бесстрастный вид.

Бенедикт развернулся и уверенной и прямой походкой вышел прочь из зала. Воцарившаяся на мгновение пустота в моей голове прервалась беззвучными ругательствами. Я порывисто поднялась с дивана, чувствуя, как злость закипает темным варевом в груди. Самодовольный кретин! Думаешь, самый умный?

С трудом себя контролируя, я выскочила из зала вслед за ректором, но увидев его удаляющуюся спину, благоразумно направилась в противоположную сторону.

Надо успокоиться, иначе я точно натворю глупостей.

Отыскав уборную, судя по простенькой отделке и потрескавшейся раковине, предназначенную для работников поместья, я несколько минут плескала в лицо холодной водой, приводя мысли в порядок.

Глава 4. Договор

Отужинав в своей спальне, я осмотрела скромный комплект вещей, доставленных из общежития, — всего пара юбок, кофта, нижнее белье, туалетные принадлежности и пара книжек с тетрадями.

Скорее всего, Маргарет уже сообщили, что уже завтра я смогу вернуться домой. Правда, ненадолго. Посмотрев на учебники и конспекты, почувствовала благодарность — подруга слишком хорошо меня знала, поэтому положила то, в чем я действительно нуждалась. Забравшись с ногами на холодный подоконник, я взяла книжку в руки. Солнце уже опустилось, оставив алое марево у черты горизонта. Вскоре пропало и оно, и тогда россыпью вспыхнули звезды. Отложив книгу и потушив свет, я, плененная их магическим светом, смотрела в небо. Звездное сияние успокаивало и воодушевляло. Заставляло поверить в чудо. Будучи маленькой, я верила в принца на белом коне, но в современном антураже, который позаботился бы обо мне. Только вот в чем противоречие: мечты должны оставаться мечтами, ведь они не выдержат испытания реальностью. Я выросла слишком самостоятельной и не дала бы прожить мою жизнь за меня, заключив в золотую клетку, а прекрасный принц не выдержал бы беспомощности и, разочаровавшись, сбежал.

Будучи одинокой, я никогда не чувствовала себя таковой. Я умела находить радость в мелочах. «Эльза, ты выросла, но в сказки верить не перестала...» — прошептал внутренний голос.

«Ну и пусть, мне нравится мечтать».

Я не ложилась спать допоздна, ожидая появления ректора, обещавшего принести договор. Мне нравилось, что наша сделка приобретет законность. Только Бенедикт не явился. Проверив запирающее заклятие на окне и переодевшись в ночнушку, я забралась в постель, ежась от холода простыней.

Вспомнив, какую вспышку ярости вызвал во мне ректор, я уже в который раз мысленно укорила себя. Я предпочитала прямоту, поэтому иногда моя речь была для людей слишком грубой, но такого гнева не испытывала давно. В последний раз был в приюте, лет в шестнадцать, в то время мне понравился мальчик, и я, как и все в этом возрасте, тщательно это скрывала, но другой воспитанник прознал и стал прилюдно насмехаться. В порыве ярости я едва не зашибла его стулом, хорошо что меня удержали.

Направив невидящий взгляд в потолок, я пообещала самой себе, что этого больше не повторится, и, повернувшись на бок, вскоре уснула глубоким сном без сновидений. Именно такой бывает после долгого дня.

Но чужое прикосновение шероховатыми пальцами к шее, щеке, а после к губам грубо вырвало меня из мира сновидений.

— Лардиниум! — выкрикнула я, не разобравшись в происходящем.

Магические круги вспыхнули в воздухе между мной и незнакомцем, древними узорами расчерчивая пространство.

Только из-за заблаговременно произнесенного контрзаклятия Рика не отбросило к стене, а лишь заставило отшатнуться и схватиться за голову от остаточной волны столкновения магии.

Одеяло всколыхнулось и подлетело, на несколько секунд оголив мое тело, пока я вновь не притянула его к себе.

— Что, блядь, ты здесь забыл?! — Адреналин несся по венам, а голова кружилась от столь «приятного» пробуждения.

— Ты всегда так встречаешь гостей? — Мужчина тряхнул головой — все же ему досталось.

— Гость? Ты шутишь? Это моя спальня! Выметайся! — Губы до сих пор горели от чужого прикосновения — нежеланного, но будоражащего.

— Тише, фурия. Я всего лишь принес договор. — Рик вытащил из кармана свиток и как белым флагом помахал им в воздухе.

Дыхание со свистом вырывалось из легких.

— Давай сюда, — потребовала я, произнося заклятие и притягивая бумагу к себе.

Рик усмехнулся. Похоже, эта ситуация его лишь забавляла, а меня поведение мужчины жутко выводило из себя.

Не позволю играть с собой и появляться в моей спальне, когда заблагорассудится. Как только я попаду в академию, то отыщу в гримуарах все заклятия, что хоть как-то способны защитить меня от подобных вторжений. Колдовства из учебной программы академии явно не хватит.

— Уходи, — пробурчала я. Окно в спальне вновь было открыто, и его черные волосы переливались под лунным светом.

— Тебе надо его подписать. При мне. — Видя мое состояние, Рик не пытался подойти ближе.

— Хорошо. Сядь в кресло, сначала мне надо его прочитать. Снова выкинешь что-то — я закричу, и мне будет абсолютно плевать, если сюда сбежится все поместье, — сказала ему, садясь на кровати и придерживая одеяло одной рукой, а свиток другой.

— Какая воинственная, — криво улыбаясь, покачал Рик головой. — Но приятно увидеть тебя в настоящем облике. В таком хрупком и нежном теле боевой характер. Люблю контрасты.

Мужчина все же подчинился, сев в кресло, правда сделал это с таким самодовольным видом, будто вовсе и не по моей просьбе.

— Тогда, может, тоже предстанешь настоящим? — разворачивая свиток, предложила я. — Тоже хочу насладиться контрастом.

— Нет.

— Почему же? Боишься испугать? — дерзко спросила я, пробегаясь взглядом по пунктам договора. Чернила подсвечивались, поэтому это не составило труда. Условия были изложены довольно просто и корректно, и даже магическая печать Справедливости присутствовала, — сложное заклятие, подтверждающее законность сделки и следящее за ее исполнением, — осталось лишь поставить подпись, и обратного пути не будет. Закорючка ректора уже присутствовала на другом краю листа — размашистая и витиеватая.

Я предоставляю Бенедикту Карру услуги в поиске жены, доношу и гарантирую честность сказанного. Не имею права соврать о претендентках, ни об их поступках, ни о чувствах. Но ложью не считается ошибка в собственных суждениях. Подобное уточнение было важным — я могла сделать неверные выводы, но сама искренне верить, что была права.

Получается, если кто-то, по моему мнению, действительно влюбится в ректора, я обязана об этом сообщить? Неоднозначный пункт...

Как только Бенедикт заключит брак, я буду свободна, а гримуар перейдет в мою собственность.

— Нет, сохраняю интригу, — отозвался Рик.

Вскинув голову, я одарила его подозрительным взглядом.

— Ты ведь один из четырех? — сглотнув, холодно спросила.

— Один из четырех? — насмешливо переспросил он.

— Да. Валентин, Широн и еще двое, их имен я не запомнила, — произнесла беспечно, как нечто незначительное.

— Что если да? — Рик больше не улыбался.

Я промолчала. Меня бы огорчил этот факт.

— Не нравлюсь?

— Ни капельки.

— Забавно. А ты мне очень... — опасно улыбнувшись, ответил он.

В горле пересохло — от Рика мне становилось не по себе.

— Может, заключим сделку?

— Какую?

— Если за время отбора ты раскроешь мою личность, то я тебя больше не потревожу, — беззаботно проговорил он. — Но если у тебя не выйдет, то один день ты добровольно проведешь наедине со мной.

Меня будто загнали в ловушку.

— Если я сейчас откажусь, ты ведь станешь еще настырнее? — Я даже не заметила, как перешла с «вы» на «ты». Рик первый перешагнул черту, когда похитил меня. После его обмана уважения к мужчине сильно поубавилось.

— Естественно, — хмыкнул он.

Сжав челюсти, я вернулась к изучению договора. На первый взгляд никаких подводных камней не наблюдалось, но мое природное недоверие заставило несколько раз перечитать написанное.

Правда, из-за настойчивого ожидающего взгляда бывшего заказчика я постоянно сбивалась, теряя мысль.

Под конец мое терпение дало сбой. Прочитав еще раз, я вытянула ручку, что лежала в тетради на прикроватной тумбочке.

Рик скущавше смотрел в окно, но как только моя роспись появилась на договоре, резко обернулся, а на лице промелькнула ироничная улыбка. Печать Справедливости вспыхнула, меня оттенок с нейтрального серого на ярко-вишневый, — сделка была заключена. Свиток пошел рябью, и вскоре в стену отскочил второй экземпляр, с аналогичным содержанием.

Надеюсь, я не пожалею. Хотя ради гримуара я готова была на многое.

Мужчина поднялся и, не используя магию, собственноручно поднял свиток с пола.

— Вот и все, — туманно проговорил Рик, замороженно глядя на свиток. Всего на мгновение он превратился в темную тень, призрака смерти, что является ночами к людям, стремясь забрать их души.

— Что все? — Мне стало не по себе, я крепче вцепилась в одеяло. Свиток лежал рядом на кровати, все еще едва заметно мерцая от магии.

— Ничего. Твоя сделка заключена. — Мрачный облик пропал, и на меня вновь смотрел хитрый бывший заказчик с кривоватой улыбкой.

— Тогда уходите, — холодным деловым тоном сказала я.

— А как же мое предложение?

— Спор? Я подумаю.

— Хорошо, сокровище. Но недолго, при следующей нашей встрече ты должна дать ответ. — Рик убрал свиток и с серьезно посмотрел на меня.

От его слов про сокровище по телу прошли мурашки. Я не привыкла к такому обращению. За пять лет обучения в академии у меня появлялись поклонники, но никто из них не обладал и долей наглости этого мужчины. Поэтому все со временем исчезали, натолкнувшись на неприступную стену.

— Ладно, — с неохотой согласилась я.

Рик усмехнулся.

— Фурия, — вновь обозвал он меня и, кинув последний взгляд на мое недовольное лицо, поднялся на подоконник и шагнул наружу, сразу нырнув вниз. Оконные створки захлопнулись сами собой.

До моих ушей донесся тихий хлопок.

«А он довольно силен, раз может использовать заклятия полета», — с легкой завистью подумала я.

Откинувшись на подушку и перевернувшись на бок, я тяжело посмотрела на свиток, лежащий передо мной.

С этого момента моя работа началась. Завтра предстоит тяжелый день.

Протянув руку и взяв свиток, я переложила его на тумбочку и уже спустя секунду закрыла глаза, собираясь спать дальше.

Глава 5. Распорядители

Придирчиво рассмотрев свое отражение в зеркале, я закрыла кран. Уборная в белых тонах, радовала глаз отсутствием подтеков и трещин. Каждый сантиметр этого помещения воплощал безукоризненный порядок и вкус.

Щеки покраснелись, даже пылали. Я зевнула и вернулась в спальню, чтобы сделать зарядку. Обычно мой день был распланирован — академия, домашние задания, работа, и лишь изредка в это расписание вторгались посиделки с друзьями. Все же я была не железной и иногда нуждалась в отдыхе, но не физическом, а моральном. Я, Маргарет, Патрик и еще парочка студентов давно облюбовали таверну на Северной улице, где за скромные деньги ты получал хорошую еду и алкоголь. Правда, пила я мало, всегда ограничивалась кружкой медовухи, что лишь слегка пьянила и окружала сознание туманной дымкой веселья.

И вот теперь, оказавшись в чужом доме, без привычного расписания, я не знала куда податься. Остальные претендентки наверняка еще спали, сладко посапывая в своих постелях.

Первой мыслью было выйти прогуляться в сад, но потом пришла идея отыскать библиотеку, о которой упоминал Валентин.

Предвкушение завладело сознанием. Гримуары — лотерея, которая никогда не надоедала.

Всякий раз, оказываясь в библиотеке, я ощущала себя зависимой от знаний, от надежды, что вот-вот раскрою новую тайну. Правда, в академическом хранилище знаний подобное чувство уже давно меня не посещало — я знала каждый его уголок и за годы учебы перетрогала каждый фолиант.

Выйдя из покоев, я прогулочной походкой двинулась по коридору. Сегодня я надела брюки — черные, свободные, с высокой талией, — единственную вещь из моего гардероба, сшитую на заказ. Прошлогодний подарок Маргарет на день рождения. Девушка привела меня к портному, и мы вместе выбрали модель из каталога.

Так уж повелось, что одежда, сшитая на заказ, отличалась от готовой фасоном и качеством.

Разница была заметна невооруженным взглядом — от использованных нитей и свойств ткани до магии, благодаря которой наряд долго не изнашивался.

Я спустилась на первый этаж, рассудив, что если даже не отыщу там библиотеку, то наверняка встречу кого-нибудь из обслуживающего персонала и мне обязательно помогут.

Пройдя вглубь дома, мимо зала, в котором вчера проходила съемка, я все же натолкнулась на одну из работниц, только вошедшую с улицы. Женщина любезно указала мне путь, и вскоре я стояла перед дверью библиотеки. На вид она оказалась значительно больше и массивнее остальных дверей поместья, словно была создана для великанов.

Оказавшись в библиотеке, я осмотрелась. Высокие стеллажи тянулись до потолка, а у одной из стен имелась брешь, где в сказочном сумраке виднелась еще одна комната с книжными стеллажами. В первом зале основное освещение давало овальное окно, у которого стоял квадратный столик с бортиками по краям, а в центре него лежали игральные кости.

Хм, кто-то забыл?

Я взяла один кубик, повертела в руках и вернула на место.

Меня больше всего интересовали книги. Конечно, большинство фолиантов, скорее всего, гримуарами не являлись, одни содержали в себе лишь расплывчатое описание заклятий, другие

делились историей империи и всего мира, третьи передавали легенды и сказки древности, а оставшуюся часть книжных полок занимали пособия для немагов.

Приятное место.

Ступая тихо, я подошла к темнеющему проходу во вторую часть библиотеки, издалека замечая потрепанные корешки книг на другом конце помещения.

Начнем отсюда.

Я улыбнулась и направилась к стеллажу, ускоряя шаг.

Так, что это у нас... Книга рецептов? Не подходит.

Меня не интересовала обычная готовка.

Свет, падающий из прохода, обнажал пылинки, танцующие в воздухе. В носу засвербело, я зажала ладонью рот, сдерживая чих, и вскоре вновь тянулась к очередному фолианту. Сердце застучало быстрее, стоило прочитав название: «Невидимость и ее природа. Как добиться успеха?»

Боже, я хочу эту книгу!

Неодаренные люди воспринимают магию как что-то эфемерное, но на самом деле она представляет собой точную науку, которую некоторые могут зазубрить, и лишь единицы — понять. Каждое заклятие имеет свою структуру, которую надо знать. Слова лишь активируют силу, а не являются ее сердцем. К тому же каждый маг склонен к определенным видам магии, я, например, предрасположена к зельеварению. Но сила любит равновесие, и поэтому существует направление, которое мне не дается, — целительство. Даже залечить маленький порез для меня крайне сложная задача. Для таких случаев создаются разные заклинания, и одно из них всегда срабатывает. Поэтому гримуар в моих руках привел меня в восторг: невидимость в академии не изучали, никто из магистров ей не владел, а если на страницах книги несколько заклятий, то какое-то мне точно удастся.

Шумно выдохнув и на мгновение закрыв глаза, я собиралась с духом, перед тем как попытаться удачу.

Протянула руку и почти коснулась обложки, ощущая давление силы, заключенной в гримуар, но в этот миг в библиотеку кто-то ворвался.

Переполюбовавшись, я едва не уронила книгу на пол, поймав ее в воздухе.

— Сегодня же обычная прогулка? — раздался голос, показавшийся мне знакомым.

Судя по звуку шагов, неожиданных гостей было несколько.

— Да, кажется, госпожа Анелин больше ничего не планировала.

— Ну, проигравший сегодня легко отделается

— Чтобы вам провалиться. Всю тяжелую работу на меня спихнули. — Голос Валентина я узнала мгновенно.

До меня немедленно доходило, с кем я оказалась в одном помещении. Являть себя не хотелось, впрочем, как и подслушивать. Но между первым и вторым я выбрала второе.

Все же я первая пришла в библиотеку.

— Не жалуйся, Вэл. Отбор только начался, всем достанется. — Глубокий и рассудительный голос пришелся мне по душе.

Каменный пол позволил подобраться ближе к проходу, не опасаясь внезапного скрипа.

Тишина. Мужчины на некоторое время замолчали, пока по библиотеке эхом не разнесся звонкий стук.

— У Дерека восемь.

— Попробуйте опередить, — послышался довольный голос.

— Не хвастайся.

Они бросают кости? Стук повторился вновь. В этот раз кидавшему повезло меньше — выпало всего три.

Я нетерпеливо посматривала на гримуар, ожидая, когда же наконец останусь одна. В желудке все явственнее ощущалась пустота — проснулась давно и до сих пор не завтракала.

— Как думаете, она есть среди претенденток? — помедлив с киданием костей, спросил Широн. Во второй раз я уже определила его голос.

— Да бросай уже. Это не наше дело, — резко отозвались ему в ответ.

— Хм, ну мы ему помогаем, мог бы и сказать, — раздалось задумчивое. Путем исключения я предположила, что, скорее всего, он принадлежит брюнету, что поймал меня за

подглядыванием. — Возможно, он уже избавился от привязки. Хотя игнорировать реакцию фамильного артефакта неразумно.

Мне стоило отойти, заткнуть уши, но я с жадностью вслушивалась в каждое слово, впитывая информацию, явно для меня не предназначенную. Постыдное занятие, что могло выйти мне боком.

Библиотека вновь погрузилась в тишину, нарушаемую лишь стуком игральных костей о поверхность стола и моим дыханием, которое в этот момент показалось мне оглушительно громким.

— Значит, сегодня я ответственный, — вновь заговорил мужчина с глубоким голосом, в ответ ему иронично пожелали удачи.

Я же вспомнила вчерашние недовольные взгляды Валентина на своих друзей и их немое насмехательство. Качнула головой, сдерживая смех.

Судя по всему, кидая кости, компания друзей решала, на чьи плечи ляжет ответственность за отбор на сегодняшний день!

А на вид такие серьезные и грозные...

Внезапно мой живот заурчал, и я в тревоге замерла.

— Вы ничего не слышали? — спросил Широн.

Обхватив рукой живот, я молилась о том, чтобы он вновь не дал о себе знать. Это самый глупый способ попасться.

— Это у меня. Надо позавтракать, — сказал брюнет, и я озадачено оглянулась туда, где за стеной, предположительно, стояли беседующие.

Либо это удачное совпадение, либо...

Вскоре друзья ректора ушли, и библиотека опустела. А я не могла отделаться от мысли, что брюнет каким-то образом понял, кто именно скрывается за стеной, и прикрыл. Только с какой целью?

Да и непонятный разговор о ректоре тоже оставил много вопросов. О каком артефакте говорили мужчины? Какая привязка? Возможно ли, что у Бенедикта уже есть кто-то на примете?

Сплошные вопросы.

Уже без особого энтузиазма я попыталась открыть артефакт, и обложка с неохотой, словно хорошенько подумав, откинулась в сторону. Только страницы книги оказались девственно пусты.

Я тихо выругалась. В уголке на титульной странице имелся значок полумесяца, ясно говорящий, что прочитать фолиант можно лишь при свете луны. Подобные ограничения встречались редко, обычно в случае со сложными заклятиями, когда автор боялся, что, несмотря на все ухищрения, заклинания все равно сбегут со страниц.

Вернув гримуар на полку, я с сожалением посмотрела на его корешок. Сегодня участник отпускали по домам, и поэтому, как ни крути, прочитать не выйдет.

Может, оно и к лучшему? Зачем себе врать? У меня вряд ли выйдет столь мощное заклятие.

Осторожно выглянув в первый зал библиотеки, я задержала взгляд на вновь оставленных игровых костях. Их грани привлекающе поблескивали в солнечном свете. Я отвернулась от кубиков и, больше не задерживаясь, покинула помещение, спеша в свою спальню. Вот-вот должны были принести завтрак.

Я не выживу в этих условиях, если нормально не поем.

Глава 6. Истинная причина

Небо заволокло тучами — темными, нависающими, как теплые перины, над землей. Они клубились и меняли форму, несомые ветром, что наверху был без сомнения намного сильнее, чем у поверхности.

Цветки качали бутонами, будто в такт неведомой мелодии. Иногда раздавался шелест, словно где-то проползала гремучая змея, но на самом деле это магические выюнки меняли положение. Растения двигались, оплетали камни, окутывали стебли, поднимались по веткам невысоких деревьев и даже опутали мне лодыжку, когда я засиделась на лавочке в ожидании своей очереди.

В этот раз претенденткам давалась возможность поговорить с ректором — десять минут в белокаменной беседке. Слишком долгий срок для меня и ничтожно маленький для остальных девушек.

Я вновь стояла последней в очереди, но времени зря не теряла, наблюдая за невестами и пытаясь завести разговор с незнакомыми девушками. Теперь же, когда сад опустел, я обдумывала то, что вскоре скажу ректору.

Продолжая сидеть на лавочке, я вновь откинула голову назад, утопая взглядом в облаках.

— Я удивилась, услышав твое имя. — Мелания встала рядом, смотря сверху вниз. Девушка слегка улыбалась, инстинктивно располагая к себе.

Милая. Красивая. Умная. Стерва.

— Да, сама не ожидала, что попаду сюда, — вернув улыбку и отстранившись от спинки лавочки, ответила я. — Прекрасный сад. Никогда подобного не видела.

Тарт кивнула, садясь рядом, как закадычная подруга. Я с трудом заставила себя не сдвинуться в сторону хотя бы на сантиметр.

— У нас в поместье Ветреного залива похожий сад, только чуть поменьше, — протянула Мелания, невинно заправляя лезущий в лицо локон каштановых волос. — Сочувствую тебе.

Наверное, тяжело расти без родителей, да еще в окружении таких же сирот.

— Быстро привыкаешь, — сдержанно отозвалась я.

Ее сочувствие как кость поперек горла.

На руку упала одинокая капля, но дождь так и не думал вступать в силу, лишь изредка накрапывая.

— К роскоши, думаю, тоже можно быстро привыкнуть? Или нет? Не бывает, что ты чувствуешь себя не в своей тарелке... чужой? — Мелания повернулась, склонив голову и рассматривая мое лицо. Золотые пуговицы на рукавах ее пиджака мерцали, даже несмотря на столь мрачную погоду, а на изящных белых пальчиках виднелось кольцо с драгоценным камнем, что был размером с маленькую вишенку. Сережки и кулон на шее, что теперь оказался скрыт за тонким кремовым шарфиком, имели точно такие же камни.

Скорее всего, гарнитур стоил целое состояние.

— К роскоши люди привыкают крайне быстро. Не думаю, что я исключение, — улыбнувшись, ответила я, борясь с собой и своими эмоциями. Целое искусство оставлять их глубоко внутри и не пускать на поверхность, и видимо, я не освоила его до конца. — Как думаешь, каковы мои шансы стать женой Бенедикта? Хотя извини, что задала тебе такой вопрос. Некорректно с моей стороны. Просто у тебя все есть, Мелания, — дом, любящие родители, перспективы... Почему бы не помочь мне? В будущем я была бы в неоплатном долгу перед тобой.

— Так значит, тебя интересуют только его деньги?

— Да. Только они. — Я бессовестно врал, проверяя сокурсницу, — покажет ли она свое истинное лицо?

Во мне играли эмоции — иначе я бы с ней просто не связывалась. Слишком чревато последствиями. Слишком опасно.

Мелания трагично опустила голову и смущенно прошептала:

— А я люблю его, Эльза. Сильно. Уже давно. Еще когда была маленькой девочкой.

Я обомлела, почти поверив, — настолько она выглядела правдоподобной, — но как ошпаренная вскочила со скамейки, когда она посмотрела на меня и добавила:

— Если дело только в деньгах... — Бледными дрожащими пальцами одной руки Мелания скручивала драгоценное кольцо с другой. — Я могу отдать тебе его. И сережки тоже. Даже кулон...

Меня будто облили грязью, сделали дешевкой. На меня градом посыпались воспоминания из детства, в которых я смотрела на других детей и молча завидовала. Будучи сиротой, я была вынуждена даже любимую игрушку делить с другим ребенком, а день рождения единственной подруги не из приюта пропустила лишь потому, что не имела денег на подарок. Она обиделась, а я смирилась.

Растерянность, отвращение и тихая ненависть пробуждались во мне.

— Прекрати, — угрожающе прошептала я.

Мелания застыла, на ее идеальном лице отразилось непонимание, но глаза оставались холодны и бесчувственны.

Дождь участился, его уже невозможно было не замечать. Капельки со звоном били о брусчатку дорожки, а где-то вдалеке полыхнула молния, мелькнув кривым росчерком, словно корни небесного дерева, что ветвились в густоте облаков.

— Эльза, разве не этого ты хочешь? — прошептала Мелания, сделав шаг ко мне.

Эта девица меня не на шутку пугала. Она была жуткой. А я едва сдерживалась, чтобы не поставить ее на место и первой не нарушить нашу игру, правила которой существовали уже давным-давно, — оскорбления под личиной благодеяния.

Вдруг дождя не стало. Он продолжал хлестать, но до нас уже не доставал, стекая по магическому куполу.

Мелания подобралась, озираясь по сторонам и пряча в кулаке кольцо, что совсем недавно предлагала мне.

— Эльза Лост, прошу пройти за мной. — Брюнет шагнул под выставленный им же купол. — И почему вы мокли под дождем?

— Он так внезапно начался... — Мелания робко посмотрела на мужчину, ее щеки заалели. — Как я могу отблагодарить вас за помощь?

— Никак. Я ничего не сделал. Любой первокурсник бы справился с этим заклятием, — строго произнес мужчина и, посмотрев на меня, добавил: — Идемте.

Мелания выглядела оскорбленной. Проходя мимо, я чуть задела ее плечом и направилась дальше. Разговор оставил неприятный осадок, впрочем, лишь заговорив с Тарт, я уже испачкалась.

Погруженная в воспоминания двухгодичной давности, я просто шла за брюнетом. Туфли шлепали по воде, собравшейся между камней брусчатки. На брюках виднелись грязные брызги. Становилось зябко. Нарушив молчание, я прошептала бытовое заклинание, высушившее одежду.

Если простужусь, магия мне точно не поможет.

— Почему вы мокли? — вновь повторил вопрос мужчина.

Я и не заметила, как поравнялась с ним. Искоса взглянув на его ровный профиль, я удивилась четким линиям — угловатый подбородок, выделяющиеся скулы, прямой нос. Волосы слегка блестели от влаги, руки были затянuty в черные перчатки.

— На это были личные причины. — Лучше ответить так, чем вновь соврать. — Как вас зовут? В этот раз я решила не прятать взгляд.

— Рандел, — не замедляя шага, ответил маг. Дорожки в саду петляли, поэтому путь до беседки тянулся едва ли не в три раза дольше, чем если бы мы шли напрямик.

— Красивое имя, — спокойно, без лишней притворности отозвалась я.

Мы неспешно приближались к беседке. Едва я шагнула на мраморную ступеньку, меня окликнули:

— Эльза... — Из уст Рандела мое имя звучало красивее. — В следующий раз не забудьте поесть, прежде чем следить за кем-то.

Я смутилась. Но удостоверилась хотя бы в одном своем предположении — мужчина и правда догадался о моем присутствии тогда в библиотеке. Только как он узнал, что это была именно я?

— Это вышло случайно. Но спасибо вам за помощь, — поспешно произнесла я и скорее ретировалась в беседку, окруженную похожим магическим куполом.

Внутри оказалось значительно теплее, словно где-то источал жар камин. Ректор сидел за столом, рядом разливала кипяток по чашкам служанка.

— Долго же вы шли, Эльза, — сделал замечание Бенедикт и, обратив взор на работницу, добавил: — Можете уйти. Насовсем. Потом все уберете.

Девушка мигом прошмыгнула мимо меня на улицу, под дождь. Я проследила за ней тревожным взглядом.

— Так вышло.

Прошла вперед и села на пустующий стул.

— Мне показалось, вы довольно близки с моим другом, — с непроницательным видом продолжил ректор.

В этот раз он был одет как-то по-домашнему — в тонкую темно-синюю кофту и коричневые брюки. Но цепочка артефакта все равно виднелась на шее, и лишь теперь я обратила внимание на внушительный перстень на его пальце — серый металл и черный камень с алой трещиной в центре, что словно рассекала его пополам.

— Нет. Не близки. — Несмотря на мой ответ, ректор нахмурился.

— Тогда о чем разговаривали? — допытывался он, а мне стало не по себе. Все же мы собирались обсудить совсем иные вещи.

— Я просто спросила его имя.

— Зачем?

— Он показался интересным и умным человеком, вот и все, — сохраняя спокойствие, отозвалась я. Одного конфликта мне было достаточно.

Лицо Бенедикта напоминало непроницаемую маску.

— Что же насчет меня? — донесся вопрос, а я обожгла язык кипятком.

Торопливо, со звоном поставив чашку обратно, я спросила, что он имел в виду. Карие глаза ректора смотрели на меня упрямо, даже с толикой наглости, словно он не просто спрашивал, а требовал, чтобы я удовлетворила то ли его сиюминутную прихоть, то ли очень важное желание.

— Что скажете обо мне? Каким вы видите меня? Говорите правду, иначе договор даст об этом знать.

— Что? Какой договор?

— Наш с вами.

— Но как?.. — непонимающе протянула я и замолчала, проявив смекалку именно сейчас, а не ночью, когда подписывала свиток.

Я ведь тоже одна из претенденток, поэтому даже не могу соврать о себе!

— Вы... — Слова не находились. Они иссякли. Я рассерженно сложила руки на груди.

Бенедикт поставил локоть на стол. Я отодвинула стул, желая оказаться дальше, а его ножки предательски скрипнули, выдавая меня.

— Так что скажете, мисс Лост? Я все еще жду ответа.

— Почему вас это интересует? — нервно спросила я, потихоньку закипая.

Всю жизнь я была лишена выбора, в приюте за нами следили, решали, когда мы можем выходить в город, а когда нет. Даже обучали нас тому, на чем остановят свой взор работники приюта. В свое время я потратила битые часы на игре на флейте. Четыре года ненавистных занятий, и все потому, что одним прекрасным утром воспитательница принесла футляр с инструментом и сказала, что один из богатей оплатил учителей для приюта и мне достался флейтист.

А теперь с каждой новой встречей с ректором мне казалось, будто я возвращаюсь в прошлое, в котором мне многое дается и я вроде бы должна быть благодарна, но меня лишают свободы выбора и зажимают стальными тисками, погружая в душный плен.

— Хочу убедиться, что ничто не повлияет на ваши суждения, — холодно проговорил Бенедикт.

— Вы на что-то намекаете? — Челюсть уже ныла от того, как сильно я ее сжимала.

Бенедикт отпил чай, словно намеренно растягивая время.

— Нет, говорю прямо. Ни симпатия, ни неприязнь не должны никак сказаться на вашей работе.

— Не беспокойтесь. Может, по мне не скажешь, но я очень ответственна.

— Рад слышать. — Голос ректора звучал подчеркнуто официально.

Вспышка очередной молнии, сверкнувшей снаружи, пробила рассеянным светом сквозь купол над беседкой.

Напряжение напитало воздух. Мои пальцы плотно обхватывали чашку, выдавая дискомфорт, тогда как ректор оставался самым собой. Я словно очутилась на одном из лекционных занятий.

— Я как раз хотела спросить у вас... — Голос предательски дрогнул, выдавая волнение. — Какие качества вы бы хотели видеть в своей жене? Я сейчас общаюсь с девушками и пытаюсь составить свое мнение о тех, с кем ранее была незнакома.

Из маленького кармашка в брюках я достала сложенный лист бумаги и кусочек карандаша, сточенного почти до основания, и приготовилась записывать.

Бенедикт внимательно проследил за моими действиями, никак их не прокомментировав и лишь скептически изогнув бровь.

— Рассудительная, воспитанная, послушная, та, что поможет мне в моих исследованиях и кое-каких имперских делах. Не устраивающая сцен, не дерзаящая... — На этом моменте я остановилась, перестав записывать, а ректор все продолжал с самым невозмутимым видом. — Сильная, умеющая за себя постоять и поддерживать диалог с влиятельными людьми. Но самое главное, что может перечеркнуть недостаток некоторых других качеств, — искренняя, не лицемерная. Я не требую любви, но желаю правды.

Бенедикт замолчал. Я издала неопределенный звук, часто моргая и еще не совсем понимая, как мне относиться к услышанному.

— Что-то не так? — совершенно невозмутимо спросил ректор. Казалось, он надо мной смеется, но в глубоких карих глазах не отыскалось ни намека на шутку.

— Хм-м. Вы уверены, что вам жена нужна? Может, вы помощницу наймете?

— Нет. Мне нужна жена. Хотя должен признать, отбор был вынужденной мерой.

— Я вас не поняла.

— Скажем так, он призван отвлечь людей от иных, более важных событий, происходящих в империи. Все эти съемки, публичная огласка... До подписания договора я не мог вам об этом рассказать. Надеюсь, вам не стоит напоминать, что все сказанное здесь должно остаться в тайне?

Я уставилась на гладкую поверхность стола, складывая пазл воедино.

«Претенденток за меня выбрала Анелин», — примерно так Бенедикт сказал мне вчера. С самого начала он четко обозначил свое отношение к отбору. Но ведь я не думала, что все на самом деле так плачевно...

Эгоистично. Жестоко. Неправильно.

— И вы в самом деле женитесь на победительнице? — бесцветным голосом спросила у ректора. С каждым днем моя неприязнь к нему крепла. Она была интуитивной, вызванной непониманием и его невозмутимостью, с которой ректор влиял на поступки и решения других людей, в том числе и мои.

В какой-то степени я даже не пыталась его понять, сделав ошибку, и из-за предвзятости заранее занесла Бенедикта в список людей, с которыми я бы никогда не завела дружбу.

— Да, конечно. Я не нарушаю обещаний, — с готовностью ответил он.

— У вас ничего не выйдет, — отрицательно качнула я головой. — Если не себя, то девушку вы точно сделаете несчастной. Разве вы этого не понимаете?

— Вы слишком узко мыслите. — Его лицо ожесточилось. — Некоторые на многое способны ради выгоды. Достаточно предложить подходящую цену. Ведь так, мисс Лост? Кому как не вам об этом знать?

Я шумно втянула воздух — его слова вновь вывели меня из себя. У ректора определенно был в этом талант. Интересно, он лишь на меня так действует?

— Не сравнивайте. Это не одно и то же. Всегда есть границы.

— Которые можно расширить, — парировал мужчина.

— Зависит от человека, — упрямо заявила я, чувствуя, что уже на пределе.

Бенедикт откинулся на спинку стула.

— Давайте закончим этот пустой разговор. Ваше мнение ничего не изменит. — Он отстраненно посмотрел в сторону, на размытые очертания темного сада, сквозь водные потоки, стекающие по магическому куполу. — У вас есть что-то для меня?

Я растерянно на него посмотрела.

— Я о девушках, Эльза. Вы ведь не зря провели весь этот день?

Ах, вот он о чем...

До нашей встречи я готова была назвать несколько претенденток, к которым стоило присмотреться, но теперь они точно не подходили.

— Нет. Пока нет.

— Что ж, — Бенедикт выглядел недовольным, — полагаю, это всего лишь начало. Не забывайте, завтра вечером мы выезжаем на Восточное побережье, надеюсь, там вы покажете себя намного лучше.

— Обязательно, — выдавила я сквозь зубы, поднимаясь из-за стола.

В этот самый миг Бенедикт Карр не выглядел как ректор академии. Скорее как властелин с темной аурой, направленной на то, чтобы раз за разом подавлять своих слуг. И, словно окончательно вжившись в образ, он добавил:

— Не забудьте о нашей сделке, Эльза.

— О, что вы, как я могу забыть, — уже стоя у двери, ответила я.

На протяжении всех выходных я желала вернуться в академию, хоть и понимала, что не выйдет оставаться невидимкой, как прежде. Так и получилось — даже те, с кем я едва парой слов перекинулась за все время, вспомнили о нашей якобы дружбе и пытались разузнать подробности отбора. Уже ко второй половине учебного дня я ощущала себя усталой и измученной.

А еще из головы никак не выходила последняя беседа с ректором, после которой стало очевидно: Бенедикт не ищет любви. Он в поиске той, с кем сможет разделить свои обязанности или хотя бы такой девушки, что не станет мешаться под ногами.

Я не понимала его позиции, и теперь задача подобрать ему подходящую жену стала в разы сложнее.

Заносчивый сноб. За что он свалился на мою голову?

Я тяжело вздохнула.

Гримуар, Эльза, помни о нем. Эта книга заслуживает и не таких жертв.

С самого утра я отправила весточку мистеру Сприггатто с просьбой о выходных. Знала, что Саранча будет недоволен, но выбора не оставалось — я не могла работать в прежнем режиме. В ближайшие дни я намеревалась лично сходить в лавку, пока ее хозяин не начал беспокоиться. Иначе в будущем у меня возникнут большие проблемы.

— Мелания лидирует, — невзначай сказала подруга, которая с интересом следила за развитием тотализатора.

Я была почти уверена, что Маргарет тоже сделала ставку.

Академия оживала после обеденного перерыва. Коридоры наполнялись студентами, спешащими на занятия. Среди них были и мы. Под потолком потрескивали светильники с настоящим огнем в своих сердцевинах. Он не тух на протяжении всего дня, освещая темные залы и аудитории замка с узкими неширокими окнами. Лишь ночью свет исчезал, погружая здание в непроглядную тьму.

— Рада за нее, — без энтузиазма отозвалась я, не оглядываясь по сторонам.

— А ты третья, — продолжила довольная подруга.

Я удивленно остановилась.

— Третья? Почему?

— Потому что ты себя недооцениваешь, — нагнал нас Патрик. Он выглядел хмуро, будто был чем-то недоволен. Парень поправил сумку на плече. Следующее занятие по магическим боям у нас проходило совместно. В академии не было четкого разделения на специализации, все обучались по общей программе. Лишь на старших курсах студенты сами выбирали предметы, которые желали изучать, в основном руководствуясь предрасположенностью к определенным видам магии.

— Тарт много красится, волосы укладывает и украшения всякие цепляет. Не знаю, что еще девчонки делают ради своей внешности. Но ты ни над чем не заморачиваешься, и все равно выглядишь привлекательно. Хотя, по мнению некоторых, слишком простовата, и поэтому недоотягиваешь.

Переглянувшись с подругой, я с толикой угрозы уставилась на парня.

— Вы нас обсуждали?

Он сконфуженно покосился на меня и пробурчал:

— Я не обсуждал. И я не считаю, что ты простовата.

Маргарет поджала губы, скрывая улыбку. Мне стало неловко.

— Эм-м, спасибо, — сказала я, намеренно переводя диалог в другое русло. — Сегодня же на боевой подготовке обещали защиту от водных заклятий?

Патрик кивнул. Между нами повисло молчание. Вскоре парень покинул нас с Маргарет, убежав вперед.

— Ты ему нравишься, — шепнула подруга, смотря приятелю в спину.

— К сожалению, — ответила я.

— Почему? Он вроде неплох. Симпатичный. Я его как-то без футболки видела — сплошные мышцы! Случайно, не смотри на меня так! Я, конечно, знаю, что нам не до любви, но иногда легкая романтика дает расслабиться.

Рассуждение подруги меня насмешили.

— Идем, Маргарет. Хватит. У меня уже есть поклонник, с которым надо разобраться.

— Ректор?

— Нет. Этот каменюга слишком чопорный и раздражающий. Кстати, вечером мы выезжаем на Восточное побережье.

— Ты врешь!

— Нет.

— Как думаешь, ты сможешь провезти меня в своей сумке? — заговорщицким шепотом спросила подруга.

Я сама предвкушала поездку, хотя причина, по которой туда отправлялась, радости не внушала. Восточное побережье славилось высокими обрывами, что в некоторых местах сменялись кусочками белоснежного песочного пляжа. Когда-то пласты земли снимали заклятиями, чтобы обеспечить комфортный выход к морю.

Претенденткам не говорили о том, что их ожидает во время путешествия. Все грядущие испытания оставались тайной. Но я не волновалась и почти о них не думала. Ведь не я боролась за сердце Бенедикта Карра, которое, по всей видимости, отсутствовало. Последний наш разговор окончательно убедил меня в том, что мужчина относится к отбору весьма цинично, прагматично заботясь о том, чтобы ничто не помешало ему сделать правильный выбор.

— Студентка Лост. — Тяжелая ладонь легла на плечо.

Маргарет обернулась первой, и ее глаза испуганно забегали.

Вспомнишь гадость, вот и «радость»...

— Вы уронили. Не потеряйте. — Бенедикт закинул мою тетрадь в открытую настежь сумку, выглядя при этом крайне учтиво, но его холодные глаза несли скрытую угрозу. Я сжалась, но, даже испуганная, не смогла промолчать:

— Для ректора вы очень внимательны.

Должно быть, смелость и заключается в том, чтобы, несмотря на опасения, оставаться собой и действовать. Трусость же выбивает почву из-под ног.

— Предпочитаю ответственно подходить к любым аспектам работы. — Бенедикт выглядел высокомерно. В академии особенно подчеркивалась разница между нами — девушка без рода и имени и могущественный маг с кровью императорского рода в жилах. — Настоятельно советую вам тоже относиться к своей работе ответственно и беспристрастно.

Маргарет молчала, тревога на ее лице сменилась удивлением и непониманием.

— Благодарю за совет, господин ректор. Вы, как всегда, очень предусмотрительны. —

Почтительный тон, нервная улыбка на устах.

— До встречи, студентка Лост. — Ректор направился вперед, как самая настоящая скала рассекая людской поток.

Я выдохнула, чувствуя свою беспомощность.

— Он ведь слышал про каменюгу? — кисло спросила у Маргарет. — Или нет?

— Еще как слышал, и не надейся.

— Если я не вернусь с Восточного побережья, ты же будешь меня искать? — поглядела на подругу, как на единственную спасительницу.

— А как же? Кто если не я? — пошутила Маргарет, но взгляд ее оставался серьезным и задумчивым. Ее что-то беспокоило. Но я хорошо знала девушку, чтобы не расспрашивать, — когда сочтет нужным, сама поделится со мной.

Оставшийся путь до раздевалок, имевших прямой выход на арену, где проходили занятия по боевой подготовке, мы проделали молча.

Студенты, видевшие, но не слышавшие мою с ректором перепалку, рассказали другим. И уже после занятия, стоя в раздевалке и наливая воду в стакан из большой бутылки, приделанной к стене, я узнала, что поднялась на строчку выше, находясь прямо за Меланией Тарт. Но в конце концов, самым популярным исходом событий была победа кого-нибудь из выпускниц академии.

Тотализатор набирал обороты. Его фонд рос скачками, становясь баснословным, и уже заслуживал отдельную ячейку в банке. Количество вовлеченных множилось, как и нарастающий ажиотаж.

Мелания делала вид, что ее не волнуют чужие ставки, — ради предосторожности я наблюдала за ней издали. Только меня не обмануть. Улыбка Тарт стала по-настоящему жуткой, всего на секунду, в тот момент, когда ее взгляд соприкоснулся с моим. А красное платье, надетое на ней

сегодня, показалось мне единым кровавым ступком, что собрал в себе все самые гнусные поступки названной красавицы.

В воспоминаниях всплыло лицо Софии — блондинка с голубыми глазами и белой кожей, прекрасная принцесса без короны. Так было раньше, когда она училась в академии, теперь, говорят, работает в таверне на окраине Бурсбурга, со шрамом от кончика носа до скулы. Тот, кто ее поранил, потрудился смазать клинок ядом, чтобы ни один целитель не смог излечить рану, обезобразившую лицо.

Я думала, что Софии просто не повезло. Жизнь не всегда справедлива. Но мне слишком поздно открылась правда — жестокая истина и чужая подлость. Имелись неоспоримые причины опасаться Меланию, поэтому сейчас я должна быть с ней осторожна как никогда.

После столовой мы с Маргарет разошлись по разным аудиториям. Голова слегка кружилась, но я не придавала этому значения, пока не зашла в помещение и не заняла свое место.

Я заподозрила неладное после начала занятия, когда студенты уже расселись перед небольшими котелками со слоем копоти и мешаниной запахов в жерлах, переживших столько неудавшихся зелий, что, казалось, каждое оставило свой след. Сознание заволокло дымка. Я неотвратимо пьянела. Едва поднявшись, вновь рухнула обратно на стул, вызвав недоуменные взгляды.

Преподавательница славилась своим тяжелым нравом и, по моему мнению, еще и ленью. Имея дар к зельеварению, она давно утратила желание совершенствоваться, углублять знания. И ее малодушие отражалось во всем, даже в расплывающейся фигуре, что поддерживалась нескончаемым запасом конфет и печенья на столе. Свою самооценку она поднимала за счет студентов, порою действуя до абсурдного строго. Поэтому, когда я привлекла внимание и заплетающимся языком попросилась выйти, магистр Гарлак отказала.

Я тряхнула головой, пытаюсь не шататься на месте. Когда ты пьян, сознание теряешь не сразу. Вот и я еще пыталась разобраться в произошедшем.

Мне определенно подлили Синюшное зелье, поэтому я не почувствовала ни запаха, ни вкуса. Только когда? Точно не в столовой, там слишком много людей. Тренировка... Бутылка с водой! Синюшное зелье до тех пор, пока не выпито, остается жидкостью без цвета и запаха, а попадая в организм, вызывает признаки, похожие на опьянение.

Закрыв глаза и с трудом их разлепив, я поняла, что мысли становятся все бессвязнее.

— Эльза, ты в порядке? — спросил однокурсник, сдвинув брови к переносице.

— Не-е-ет, — протянула, качнув головой, и, неуклюже подняв руку, расслабила воротник блузки. С горем пополам я поднялась на ноги.

Надо же как штормит... Будто я превратилась в мотылька, летающего в непогоду.

— Магистр, с Эльзой что-то не так! — обеспокоенно крикнул Зак, сидевший по соседству.

Женщина развернулась.

— Напилась, — слышался шепот и хихиканье однокурсников, отдавшееся эхом в голове. — Кто это ее так?

Магистр недоверчиво посмотрела на меня, продолжая жевать. Она только что отправила в рот шоколадную конфету, цветная обертка которой теперь лежала смятой на краю стола.

В голове шумели колокола, а рамки приличия сокрушались под гневом от понимания того, что меня намеренно отравили.

— Ну-у-у... Ладно, отведи ее туда куда надо, — беспечно махнула рукой преподавательница.

Я порывисто отодвинулась от однокурсника, где-то на грани сознания искренне возмущенная безразличием магистра. Слабость отошла на второй план, дав волю словам.

— Вы занимаете не свое место. В сложных зельях вообще ничего не мыслите... — Я даже не заметила, как преодолела расстояние до ее стола и смела кипы бумаг на пол.

Женщина ойкнула, подавившись. Хихиканье за спиной усилилось, а кто-то попытался оттянуть меня от стола, схватив за талию, но произнесенное заклятие онемения избавило меня от этой проблемы.

Магистр медленно, неуклюже поднялась.

За считанные секунды я превратилась в скандалистку, и пусть высказывание было спровоцировано зельем, я на самом деле так думала.

— Какое зелье вы хотели приготовить? — подскочила к магистерскому котлу, рассматривая ингредиенты.

Я взяла в руку нож, что предназначался для нарезания ингредиентов. Весь металл был в потеках и засохших остатках после предыдущих занятий — халатность, что непременно повлияет на новое зелье. Пренебрежение, достойное первокурсника, но никак не преподавателя по зельеварению.

Боже, да его только выкинуть! Такой инструмент испоганила!

Сердце сжалось от сожаления и досады. Я заученным движением откинула нож в сторону, и он впивался в меловую доску — неглубоко, но достаточно, чтобы остаться на весу и не упасть на пол. У меня тоже были испорченные ножи, но лишь потому, что Спригатто на всем экономил и то, что он покупал мне для работы, быстро ржавело. Когда ножи приходили в негодность, их не жалко было и покидать в стену, в минуты перерыва или ожидания готовности очередного варева. А лезвие магистра Гарлаг было изготовлено из дорогой зачарованной стали.

— Лост! Немедленно прекратите! — Преподавательница стояла малиновая от возмущения, но колдовать не пыталась.

Я фыркнула. Смешки нарастали. Все это напоминало плохую комедию, в которой мне было абсолютно плевать на последствия.

Кажется, в Синюшное зелье подсыпали что-то еще...

Мир вновь закружился, и мои ладони впились в поверхность стола.

— Эльза, давай я тебе помогу. — Зак крадучись подошел ко мне.

Я с немым недоумением уставилась на его протянутые ладони.

— Помочь в чем?! Разобрать этот беспорядок? — Когда я посмотрела на стол, там царил еще больший разгром, чем вначале. Момент, когда я сотворила его, стерся из памяти.

Голова трещала. В какой-то момент я остановилась, пошатываясь и пытаясь сохранить хоть остатки разума. Ладони тряслись, как у заядлой пьяницы.

— Почему вы смеетесь? — едва слышно прошептала я, покачав головой и устремив взор на ту часть однокурсников, что так веселило абсурдное представление имени меня. — На моем месте может оказаться каждый!

Зак взял мою ладонь. Дверь аудитории распахнулась, являя Бенедикта Карра. Волосы его были безукоризненно уложены, а вот дыхание — ускоренным. Он спешил.

— Ректор... — послышался лепет преподавательницы.

— Что с ней?

Мужчине рассказали о моем поведении. Он посмотрел на меня строго, как на ходячую проблему, я криво улыбнулась, и не думая облегчать ему задачу.

— Я ее забираю.

— Ме-е-еня? И почему это? Я не хочу. — Язык нещадно заплетался, слова смешивались в единый бессвязный поток. — Как ты там говорил, я ...

Ректор сделал шаг вперед, полы его мантии всколыхнулись, а рука взметнулась вверх, и я залюбовалась движением его ладони, что застыла в магическом пассе, а когда вновь пришла в движение, тонкая полупрозрачная веревка, сверкающая золотыми искрами, обвила меня с головы до ног, а во рту появился кляп.

— Где ее вещи?

Пока я мычала, упорно намереваясь озвучить все, что я думаю о ректоре, Бенедикт взмахнул рукой. Я вновь, как уже бывало когда-то, повисла горизонтально в воздухе, а на живот мне легла моя собственная сумка.

Как груз, что не бояться потерять и о котором почти не заботятся, я поплыла вслед за Бенедиктом Карром.

Мысли об отравлении отошли на второй план. В этот самый момент я вновь злилась от бессилия, чувствуя жар по всему телу. Я почти ненавидела ректора своей академии. И что самое странное, причин для этой злости имелось не больше, чем для непознаваемого страха, возникавшего столь постоянно.

Бенедикт шел вперед, его прямая гордая спина притягивала взгляд, а аура беспрекословной власти заставляла неосознанно подражать ему.

Тяжело признаваться себе в своих недостатках и темных желаниях, но когда сознание находится где-то за гранью здравого смысла, истина порою легко прорывается на поверхность.

Я завидовала ему. Я хотела быть на него похожей — такой же могущественной и уважаемой.

Но Бенедикт раз за разом заставлял чувствовать бессилие, невозможность и недостижимость цели. Между нами разница в пропасть, но между тем мы похожи как две стороны одной медали.

Нас раздражает в других то, что есть в нас самих...

* * * * *

Когда ректор и Эльза покинули занятие и дверь в аудиторию закрылась, внутри воцарилась неестественная тягучая тишина.

Магистр, до сих пор пребывающая в прострации, подошла к меловой доске и попыталась выдернуть из нее ножик, но он сидел прочно. Хрупкое равновесие женщины оказалось нарушено, несмотря на возмутительное поведение студентки, преподаватель была больше занята мыслями о себе и своей жизни.

«Как давно я варила новые зелья и учила что-то новое?...»

— Магистр, давайте помогу. — Зак подошел и выдернул ножик, передав его рукоятью вперед.

— Вы ведь не накажете Эльзу? Она всего лишь жертва.

— Посмотрим, садитесь на место, — отстраненно сказала магистр Гарлаг. — Кто из вас сообщил о происшествии?

Женщина оглядела аудиторию. У каждого учащегося на шее висел студенческий амулет, благодаря которому можно было призвать помощь. Обычно заклятие уведомляло лекарское крыло и помощника заместителя академии.

Старшекурсники с недоумением оглядывались друг на друга, но никто и не думал откликаться на вопрос преподавательницы.

— Кажется, никто, магистр... — неуверенно отозвался староста их курса.

Женщина нахмурилась.

— Получается, ректор сам пришел? — прошептала она. — Но как он узнал?

Студенты промолчали, не зная ответа.

Глава 8. Начало изменений

Бенедикт порывисто ворвался в свой кабинет. Недовольное лицо его напоминало камень.

Когда тело девушки влетело вслед за ним, дверь захлопнулась. На секунду замерев, оно перевернулось, будто студентка встала на ноги.

Кабинет ректора находился на вершине башни в круглой комнате. Стены наполовину были обшиты темным рельефным деревом, а другую часть представляла ничем не укрытая крупная каменная кладка. Люстра отсутствовала, замененная стеклянными светильниками от пола до потолка, расставленными по углам. Если приглядеться, то можно было заметить светящиеся частицы, что как мошки кружились внутри. На каменном сером полу с темными рельефными жилами лежал тяжелый красный ковер с коричневыми узорами по всей поверхности. Несколько шкафов с витражными стеклами в дверцах таили в себе толстые потертые фолианты. Но самым неуместным предметом в помещении выглядел клавесин с откинутой расписной крышкой, стоявший на нескольких выгнутых ножках.

Щеки студентки заалели, как спелые красные яблочки, а взгляд оставался неясным и рассеянным. Даже радужка стала менее насыщенной, словно ее заволокло туманом. Несмотря на свое плачевное состояние, Эльза все еще что-то бурчала, сердито сведя брови к переносице. Недовольство во взгляде Бенедикта сменилось задумчивостью. Он в который раз себе напомнил, что девушку отравили и она неосознанно создала очередные проблемы.

Мужчина подошел ближе, склоняясь над Эльзой, — разница в их росте была слишком велика.

Подняв ладонь, словно раздумывая над чем-то, он сделал неуловимое движение запястьем.

Повязка исчезла. Вербка, опутывавшая тело, осталась.

Пара долгих, томительных и неопределенных секунд прошли в тишине, за пристальным разглядыванием друг друга, пока внезапно не прервались.

— Апчи!

Ректор, на секунду прикрыв глаза, поморщился, а после, медленно отодвинувшись, с отстраненным видом достал из кармана белый платок и демонстративно вытер лицо.

— Одни лишь неудобства, — покачал он головой, теперь уже озвучивая свои мысли.

— Ты их сам на себя навлек, — растягивая и коверкая слова, протянула Эльза. Удивительно, что ее речь до сих пор звучала разумно. Видимо, зелье еще не подействовало во всю силу. Она икнула.

— У нас соглашение. — Бенедикт сложил руки на груди.

— Соглашение, соглашение... — пробурчала Эльза, надув губы. — Только меня... ик... одну похищают! Врываются посреди ночи! Да еще смотрят так, что глазами съедают. А ты... ты меня постоянно оскорбляешь! Из-за тебя я будто ничто, словно пустое место! Ведь так? Она уставилась на Бенедикта, пьяно и мирно ожидая ответа. Но он молчал, оставаясь неподвижным, подобно статуе, и Эльза продолжила, и снова ее настроение скакнуло от смирения к недовольству.

— Они все пришли на этот отбор ради тебя! А по какому принципу ты собираешься выбрать невесту? Разве это не дико? Они серьезны, почему же ты относишься к этому, как к чему-то, что надо скорее закончить, цинично выбирая подходящую по параметрам?! — Эльза прожигала Бенедикта взглядом, а он лишь молчал, все так же странно и задумчиво смотря на нее. — Должно быть дело в том, что у тебя всегда все было! Ребенок имперского рода. Ты привык, что все делается в угоду тебе!

Бенедикт сглотнул, так что кадык дернулся на его шее.

— Закончила? — пронзая взглядом насквозь, спросил он.

Эльза кивнула — рассерженно, но излучая толику опасения.

— Хорошо. А теперь послушай меня. — Он шагнул вперед, хватая девушку за подбородок и заставляя смотреть на себя. — Ты меня не знаешь, чтобы судить. Запомни это. Я видел, как умерли мои родители. До самого взросления я жил в чужой стране, у людей, которых попросили присмотреть за мной. В соображениях безопасности они не знали моего происхождения. Не знали, и поэтому относились с пренебрежением, а когда правда открылась...

Бенедикт усмехнулся. Он говорил с улыбкой, как будто рассказывал не историю своей жизни, а сказку на ночь.

— Они попытались все изменить, но я насквозь видел их фальш. Я ненавижу двуличие, Эльза. И не потерплю рядом с собой такого человека. Поэтому помоги мне этого избежать, или я выберу тебя. — Ректор приблизился, говоря почти в губы, а девушка оцепенела. То ли алкоголь, то ли что-то необъяснимое заставило ее сердце стучать, а дыхание ускоренно вырываться из легких.

«Страх и страсть похожи — они вызывают помутнение, адреналин в крови и желание бежать без оглядки. Своеобразное опьянение. Но если одновременно бояться и желать, к чему это приведет?» — возникла поразительно ясная мысль в голове девушки.

— И тогда ты накличешь беду... — прошептала девушка.

Бенедикт широко ухмыльнулся, оскалив зубы и на мгновение отведя взгляд

— Но она хотя бы будет настоящей, — прошептал он, стремительно сокращая расстояние.

Властно, с отчаянным желанием он поцеловал Эльзу. Она ответила, почти сразу и не раздумывая. Бенедикт, словно в зеркале, видел отражение своих эмоций в ней. За исключением одного — мужчина понимал, насколько их поцелуй неправилен, а его действия постыдны.

«Она пьяна», — промелькнула мысль, когда его руки уже обвили ее талию, притягивая девушку к себе. И она гулким эхом раздавалась в его голове, пока его губы прижимались к губам Эльзы, а поцелуй прерывался лишь краткими вздохами.

«А ты глуп, раз, так долго наблюдая за ней, полагал, что она тебя совсем не интересует, — вторил внутренний голос. — Сможешь ли теперь исполнить данное тобою обещание?»

Бенедикт отстранился, моргая, будто оказался в тумане и надеялся его прогнать. Ошеломление. Изумление. Растерянность. Он никогда не полагал, что чувства способны взять верх над разумом.

Глубокое дыхание Эльзы и то, как вздымалась ее грудная клетка, не давало забыть о ней ни на секунду. Лицо девушки было все таким же красным, а вот губы опухли.

— Нет, так нельзя, — прошептал Бенедикт, бережно и осторожно, словно боясь, накрывая ее щеку ладонью.

Сердце бешено билось в его груди, будто только теперь осознало, для чего существует на самом деле. Мгновение превратилось в вечность, и реальность словно перестала существовать, когда

красная вспышка от кольца мужчины неожиданно озарила пространство, забирая сознание девушки с собой.

Глава 9. Воздушный корабль

— Где ты была, непослушная девчонка?! — Лицо смотрительницы искажает гримаса.

Я сжимаю ладони, пряча руки за спину, и опускаю взгляд.

— Что у тебя там? — Она стремительно обходит меня, хватая за руку и выворачивает запястье, оставляя на нем красные следы своих пальцев. — Откуда она у тебя? Украла?

Ведьма отнимает цветную фигурку из обожженной глины — птицу с распущенными крыльями, выкрашенными в белую краску. Прекрасная работа, но поспешная, лишенная точных деталей. Я помогла мастеру на рынке разложить товар и взамен получила награду.

Мне всего семь лет и для меня птичка сродни сокровищу.

Только без разрешения уходить из приюта нельзя, но мне так скучно в четырех стенах, что я все равно раз за разом выбираюсь наружу. И в этот раз меня поймали...

— Отдайте! Мне ее подарили! — подпрыгиваю, пытаюсь отобрать птичку, но ведьма слишком высока.

Она смотрит на меня с пренебрежением. Смотрительница любит послушных детей, молча следующих любому ее указанию, ничего не желающих, не играющих, не смеющихся и, наверное, вообще не живых... Но я не такая и постоянно за это расплачиваюсь.

— Нет. Ты ее украла. — Она говорит медленно, с какой-то садисткой улыбкой на устах.

— Нет-нет-нет, не надо, — молню я, понимая, что она собирается сделать, но уже поздно.

Я слышу треск, и кусочки керамики падают на пол. Несколько секунд я смотрю на жалкие остатки фигурки. Слезы подступают к глазам, но я упрямо смаргиваю их, решая, что ни за что не стану плакать.

— Убери здесь все, — удовлетворенным голосом говорит ведьма. — И отправляйся на кухню, там нужна помощь. Это будет твое наказание.

Открыв глаза, я сразу узнала помещение лекарского крыла. На стенах, потолке и даже на полу — повсюду красное дерево, что создавало уют и разительно отличало это место от любого другого в замке.

Я медленно подняла руку, касаясь головы. Кровать подо мной тихо скрипнула.

Почему мне приснился приют?

В первые годы я старательно работала над собой, чтобы не вспоминать его и не жить прошлым. И мне это удалось, но вот опять...

Опустив ладонь, я потрясенно коснулась губ. Несколько секунд прострации сменились бурей чувств, и я порывисто поднялась, сев на кровати.

Мой взгляд бегал по пустой комнате, будто не знал на чем остановиться.

Поцелуй, поцелуй, поцелуй...

Мысли крутились как юла вокруг одного крайне странного, поражающего и будоражащего кровь факта — Бенедикт Карр поцеловал меня. Я целовалась с ректором академии... Холодный аристократишка покусился на мои губы!

Как ни переименовывай, а суть не менялась.

А я ответила, и мне даже понравилось, если таким блеклым словом можно выразить мои ощущения в тот момент.

Так, о какую стену мне убиться?

Теперь я вполне осознанно рассматривала комнату, выбирая подходящий участок.

Дверь скрипнула, впуская целительницу. План самоубийства пришлось отложить.

— Вы вовремя очнулись. — Она подошла ко мне и приложила руку ко лбу, шепча заклинание.

По моему телу прошла волна тепла, что вскоре сменилась мурашками. — Состояние хорошее, но в ближайшие сутки постарайтесь больше не принимать никаких магических веществ.

— Как я здесь оказалась? — Пусть и глупо было задавать этот вопрос, но я все же спросила.

— Вас доставили из кабинета ректора. Он дал вам редкий эликсир, что снимает свойства большинства слабых зелий. Можно сказать, вам повезло, что вы так быстро пришли в себя.

Если будет возможность, обязательно поблагодарите господина Карра, — монотонным голосом ответила женщина. — Занятия недавно закончились — можете идти домой. Меня просили напомнить вам, что вас ждут вечером на Крылатой станции.

— Да, спасибо. Подождите, а насчет моего отравления... Я ведь не сама выпила Синюшное зелье, возможно, оно было в бутылке в раздевалке девушек. Может, кто-то еще выпил его по ошибке? — Мысли роем кружились в голове — я желала найти виновного.

Уверена, это все из-за отбора. Если я найду того, кто это сделал, Синюшное зелье покажется ему сущей безделицей. В одной из книг был прекрасный рецепт слабительного.

— Я ничего не знаю. — Целительница покачала головой. — Моя работа проследить за вашим состоянием, все остальное меня не волнует. Освобождайте палату.

Женщина развернулась и с тем же безразличным видом вышла за дверь.

Шумно выдохнув, я спустила ноги на пол, вставляя ступни в аккуратные черные лодочки.

Самоубийство отменилось, но стоило вновь вспомнить случившееся, и щеки вспыхнули.

Почему он это сделал? Зачем?!

Много мыслей возникало на этот счет. Но о своих ощущениях я старалась не думать — игнорировать их и не искать причину, почему я ответила на поцелуй.

Оказывается, можно почти ненавидеть человека, но при этом терять голову от поцелуев с ним.

Лучше считать, что виною всему мое нетрезвое состояние. Пусть будет так.

Крылатая станция — место отправления всех летающих кораблей, лучшего средства передвижения на дальние расстояния. Паруса, растянутые над палубой, состояли из тончайших металлических ромбиков, сплетенных между собой. Они собирали магическую энергию прямо из воздуха, передавая ей по мачте к дну судна. Благодаря артефактам, закрепленным по всему корпусу, и постоянной подпитке энергией, корабль взмывал в небо.

Понемногу меня охватывал мандраж. Особенно когда мы с Маргарет, Патрик и его друг — они предложили проводить меня, а я не отказалась — вошли внутрь Крылатой станции.

Несколько кораблей зависли в воздухе, цепи от их кормы тянулись к толстым мощным столбам, растущим из земли. Чтобы сесть на корабль, надо было подняться по ступенькам к одной из каменных площадок, у которой уже, судя по всему, зависло наше судно.

— После случившегося тебя вынудили тащиться сюда, — проворчала Маргарет.

Подруга знала лишь об отравлении. Впрочем, о нем было невозможно не узнать —

растрезвонили на всю академию. Я скоро и зевнуть не смогу, чтобы об это не обсудили.

Мы прибыли пораньше, но несколько кандидатов уже находились на воздушном причале, кто-то в одиночку, а кто-то, судя по возрасту, с родителями.

Перила поблескивали позолотой, а деревянный корпус судна восхищал искусной резьбой.

Паруса звонко позвякивали, уже развернутые во всю ширь. Наверху копошились матросы и капитан. Обычно на такую работу отправлялись маги, что не смогли получить полноценное образование в академии, или слабо одаренные, которые прошли курсы бытовой магии и узкоспециализированных занятий, необходимых для управления воздушным кораблем.

— Ух, ничего себе кораблик. Ректор-то не поскупился, — оглядывая посудину, высказался друг Патрика.

Я подозревала, что парень увязался с нами лишь из-за любопытства.

— Корабль как корабль, — фыркнул Патрик, державший в руке мой багаж. — Будь осторожнее, кто знает, что еще может произойти.

— Ты слишком беспокоишься обо мне, — беззаботно улыбнулась я, пытаюсь развеять напряжение, вызванное его нетипичным поведением.

Маргарет оглядывалась, осматривая все прибывающих девушек.

— Это плохо? — неожиданно спросил Патрик, смотря прямо на меня.

Я сглотнула.

— Нет, спасибо. Просто не привыкла. — И отвела взгляд в сторону.

Забота мне была чужда. Я всегда справлялась со всем в одиночку. Пусть я знала, чем именно было вызвано беспокойство Патрика, все равно оно застало меня врасплох. Неожиданно для себя самой я почувствовала благодарность, словно сердце согрели лучами солнца.

— Эльза. — Я вздрогнула, услышав глубокий мужской голос. Рандел, одетый в форменную одежду командира, — похожую я видела однажды на начальнике стражи Бурсбурга, когда приюту сделали крупное пожертвование на празднике. — Вы добрались сами?

— Эм-м, да. Что-то не так? — озадаченно спросила я.

— Мы вас потеряли. За всеми участницами отправили кареты, и когда мы вас не нашли... — Он многозначительно промолчал. Карие глаза смотрели лишь на меня, будто Рандел намеренно игнорировал окружающих.

— Мне никто об этом не сказал. Надеюсь, больших проблем из-за этого не возникло?

— Нет. Главное, что вы здесь. — Взгляд Рандела переместился на что-то позади меня.

Я обернулась. С корабля неспешно, о чем-то разговаривая с матросом, спускался Бенедикт Карр. Его волосы были собраны в короткий хвост, видимо, чтобы их не трепал ветер. Мантия вновь сменилась повседневной удобной одеждой.

По площадке пронёсся ветерок, будто забравший с собой спокойствие всех присутствующих — претенденток, их провожающих и, к глубокой досаде, мое тоже.

Забудь, забудь, забудь...

— Извините, мне надо попрощаться с друзьями, — вновь повернувшись к Ранделу, прозрачно намекнула я.

— Да, конечно.

Рандел отправился к кораблю. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в алые цвета. Красное блюдце светила окружала туманное марево, делая его контуры слегка расплывчатыми.

— Кто это был? — прошептала Маргарет, косясь на спину ушедшего.

— Друг, — ответила я и поспешно добавила: — Не мой, а Бенедикта.

— Хах, уже привыкла, подруга? Ректора по имени зовешь... — глумливо рассмеялся друг Патрика, похлопав меня по плечу.

Моя бровь скептически изогнулась. Я недовольно покосилась на руку парня, словно на муху, посмевшую летать рядом, и только собралась произнести чесоточное заклятие, как Патрик сам разобрался со своим знакомым.

— Прекрати, — процедил он, перехватив его руку за запястье и скинув с моего плеча.

«Совсем скоро я не смогу его игнорировать...» — с тревогой подумала я, смотря на Патрика.

— Я оговорила. Привыкла к тому, как его называли в поместье, — пояснила я, смотря на Маргарет. На ее лице вновь блуждало то самое задумчивое выражение.

Вскоре даже она перестанет мне верить и начнет подозревать, что меня с главой академии связывают близкие отношения.

По Крылатой станции разнесся гудящий вибрирующий звук, послышался женский голос диктора, объявивший скорое отправление Лазурита и попросивший пройти всех улетающих на корабль. Потребовалась всего секунда, чтобы возле судна образовалась очередь из девушек и их огромных чемоданов, обтянутых плотной коричневой кожей, что один за другим уносили матросы.

— Похоже, мне пора, — с неохотой произнесла я. Наша компания медленно, с явным нежеланием приблизилась к кораблю. Пока претендентки поднимались вверх по каменной лестнице, парящей в воздухе, мы стали прощаться.

Маргарет крепко обняла меня и прошептала:

— Будь осторожна, Эль. Я не уверена, но ты наверняка тоже думаешь, что в сегодняшней подставе виновата она

. — Подруга отошла, сохраняя серьезный вид.

Да, у меня тоже возникали подобные мысли. Только я не могла отметить того факта, что отбор вызвал ажиотаж в академии и кто угодно мог подшутить над одной из его участниц.

— Эльза, можно я кое-что спрошу у тебя? — Патрик смущенно замялся, опустив взгляд и взлохматив волосы пятерней.

— Да, конечно. Только быстрее. — Очередь перед кораблем стремительно редела.

— Наедине, — добавил парень.

Маргарет хитро улыбнулась и, не дожидаясь моего ответа, отошла в сторону, утянув за собой друга Патрика, что как дурачок засунул руки в карманы и с открытым ртом рассматривал засиявшие паруса.

Где-то поблизости зазвучали мужские голоса, они становились все громче, но я не обращала на них внимания.

— Что ты хотел спросить? — пришлось поторопить приятеля.

Патрик тяжело вздохнул, поджал губы, и лишь потом, словно набравшись смелости, выпалил:

— Ты правда не хочешь участвовать в отборе? И если бы у тебя была возможность, отказалась?

Только ответь честно, Эльза. Для меня это важно. — Он замолчал, шумно дыша.

В какой-то момент я хотела соврать, ведь в нынешних обстоятельствах утверждать обратное больше не имело смысла. Но смотря на Патрика, понимая, насколько ему это важно, я просто не смогла утаить правду.

Ему понадобилась смелость, чтобы спросить. Именно этим он так отличался от Бенедикта

Карра, и я даже не взялась бы точно ответить, что хуже — наглость или робость.

— Я не хочу участвовать, но я обязана, — тяжело сказала я. Не соврала, но и всей правды не поведала. — Мне пора, Патрик.

Я протянула руку, намереваясь забрать свою сумку.

Он хотел еще что-то сказать, но я не дала, распознав знакомый голос и тревожно обернувшись.

Буквально в паре метров от нас стоял ректор и, судя по цветной нарядной форме, — капитан

корабля. Бенедикт с самым сосредоточенным видом смотрел на раскрытый свиток в руках.

Похоже, они с капитаном обсуждали что-то важное и ректор меня не замечал. По крайней мере, так я думала, пока собеседник Бенедикта не сказал:

— Господин Карр, свиток в ваших руках... Он же перевернут. — В его голосе звучало искреннее недоумение.

Тишина. Неловкость. Удивление.

Лицо ректора оставалось все таким же невозмутимым. Лишь после замечания капитана я увидела, что герб воздушных линий — корабль с раскрытыми парусами, заключенный в круг, — находящийся на обороте свитка, действительно перевернут.

— Мне так удобнее, — донеслось безразличное оправдание.

— Да? Раньше я за вами такой привычки не замечал... — озадаченно проговорил капитан.

— Давайте вернемся к делу, — тяжелым голосом, выделяя каждое слово, процедил Бенедикт.

— Да-да, конечно, — пугливо откликнулся мужчина.

Они стали медленно отдаляться, а я прикрыла лицо ладонью, скрывая улыбку.

Ректор нас подслушивал! Я была абсолютно в этом уверена. Плевать, зачем Бенедикт это делал, но то, как глупо он попался, сравнимо с маленькой мстостью.

Увидеть промах самоуверенного ректора дорогого стоит!

— Ну, теперь мне точно пора. — Я перехватила свою сумку из рук Патрика.

У корабля уже раздавались крики, поторапливающие меня.

— Хорошо. Удачи. — Его голос звучал невыразительно. — Увидимся, когда приедешь.

Маргарет предлагала сходить в таверну, если, конечно, у тебя будет свободное время...

— Да, думаю, найду. Пока. — Я приобняла его, перед тем как окончательно попрощаться и уйти к кораблю.

Уже поднимаясь по трапу, я все же не сдержала идиотскую улыбку, мысленно посмеиваясь над Бенедиктом.

Слуга унес мою сумку, предварительно сообщив номер каюты. На самой палубе царила суматоха — матросы проверяли паруса, что теперь звенели куда громче. По мачте мерцающими волнами вниз уносились импульсы энергии, а дно корабля, как я заметила еще на трапе, подсвечивалось.

Я пронаблюдала за тем, как Бенедикт с капитаном спешно поднялись на воздушный корабль, и потеряла их из вида, отвлекшись на купол в виде сферы, окруживший судно.

Шум Крылатой станции утих. Сердце совершило кульбит, когда корабль качнулся, и я крепко вцепилась в перила.

«Вот ты и полетишь, Эльза», — прошептал внутренний голос.

— Но не так я себе это представляла, — прошептала я, смотря вниз на каменную площадку, где стояли мои друзья.

— Полагаю, ваши ожидания часто не совпадают с реальностью, — холодно проговорил ректор, становясь рядом.

Я сделала шаг назад, отодвигаясь, и оцепенела, только что поняв одну удивительную вещь — поцеловав единожды, порою хочешь попробовать сделать это вновь. Даже если мужчина, с которым ты целовалась, порой пугает тебя до дрожи или злит до зубовного скрипа.

«Ты не знаешь меня. Я ненавижу двуличие...» — прозвучали в голове сказанные им слова. Несмотря на отравление, я помнила их поразительно четко.

Должно быть, в свое время ему было нелегко. Жить в чужой семье, которой ты не нужен, а потом наблюдать за тем, как их отношение внезапно меняется.

Только у меня вообще никакой семьи не было...

— Не знаю. Но в вашем случае они до сих пор оправдывались.

— Не грубите.

— Зачем вы меня поцеловали? — Я смотрела на Маргарет, избегая взгляда Патрика. Они прекрасно видели, с кем я беседовала.

— Кажется, мы перешли на «ты», Эльза.

— Знаете, предпочитаю думать, что произошедшее в нетрезвом состоянии не считается, — довольно чопорно ответила я. — И я хотела бы знать, кто это устроил.

Хех, сама не лучше. Кажется, веду себя так высокомерно...

— Давайте оставим препирательства и поговорим серьезно, — неожиданно сказал Бенедикт. Я недоверчиво покосилась на него, испытывая смешанные чувства, — с одной стороны мне хотелось бы, чтобы отношения между нами стали менее враждебными, а с другой... Лучше пусть он остается таким же несносным, что и всегда! Ведь в этом случае, когда придет время, я благополучно о нем забуду.

Необходимо скорее свести его с кем-нибудь.

— Хорошо. Когда? — решительно спросила я.

— Ночью после двенадцати. Приходите на палубу, — по-деловому проговорил Бенедикт. — Также рассчитываю, что сегодня за ужином вы используете время с пользой, чтобы понаблюдать за девушками.

— Да, конечно, я постараюсь. Но, надеюсь, придете вы, а не кто-то другой? От прошлого раза у меня остались не очень приятные впечатления, — намекнула на его секретного помощника, который выкрал меня из общежития и вздумал прикасаться ко мне, пока я спала.

— Нет. Приду я.

— Замечательно. Тогда до встречи, не заставляйте других претенденток беспокоиться.

— Спасибо за заботу. — Он сделал шаг назад, но я внезапно обернулась и спросила:

— Зачем вы подслушивали нас? Только не врите. — Почему-то мне было важно узнать ответ. Бенедикт поджал губы, даже показалось, что я выбила его из колеи. Но мне лишь показалось. Всего секунда, и карие глаза вновь напоминали льдинки, не предвещающие ничего хорошего.

— Пусть у нас соглашение, госпожа Лост, но правила отбора вы обязаны соблюдать. Я лишь убедился, что вы их не нарушаете. До встречи. — Развернувшись, он пошел прочь, и я проследила за его суровой фигурой, темной на фоне узкой полосы зелени и закатного неба. Вот же... Даже если между мной и Патриком что-то было, какое ему дело?

Я искренне ненавидела, когда меня пытались контролировать, пусть даже в мелочах.

Внезапно корабль покачнулся, и я едва устояла на ногах. Внизу, на опустевшей каменной площадке, закружил вихрь, температура поднялась на несколько градусов от тепла, излучаемого парусами. Когда судно стремительно поплыло вверх, все мои внутренности, наоборот, остались внизу. Я едва удержалась в вертикальном положении, присев на корточки и хватая ртом воздух. Наше путешествие началось...

Глава 10. Новая знакомая

Полет до Восточного побережья должен занять всю ночь, уже утром мы приземлимся в воздушном порту одного из ближайших к берегу городков.

Моя каюта оказалась небольшой, но уютной, под стать всему кораблю — ухоженному, с элементами роскоши.

После того как судно набрало высоту, мне потребовалось несколько секунд, чтобы выдохнуть, собрать всю смелость и взглянуть на землю, где маленькими островками цветных пятен — голубых, насыщенно-зеленных и светло-коричневых, почти золотых — виднелись озера, реки, леса и поля.

Купол, окружающий корабль, почти не пропускал холодные сильные ветра, царившие снаружи. Судно словно превратилось в гигантскую птицу, и мне не хотелось думать, что произойдет, если паруса закроются или артефакты выйдут из строя. Но все же чувство полета было прекрасно, сердце стучало, словно подбираясь все ближе к горлу, руки вспотели, а я незаметно для самой себя стала улыбаться — глупо, счастливо и по-детски.

Ну а чего еще ожидать от девушки, там мало повидавшей в жизни?

Вскоре я спустилась внутрь корабля, умылась, заново заплела волосы и поднялась, когда наверху уже накрыли стол. Раз выходные закончились, запрет на посещение совместных приемов пищи отменился.

На палубе разместили четыре круглых стола — участниц было слишком много, чтобы устроить всех за одним. Бенедикт отсутствовал, а вот распорядители отбора поделились так, чтобы хотя бы один сидел вместе с девушками.

Претендентки мялись, гадая какое место им занять, ведь когда придет ректор, кто-то окажется в куда более выгодном положении. Я же руководствовалась двумя правилами: первое — чтобы не рядом с Меланией, а второе — соседство с незнакомыми девушками, с намерением узнать их получше. Уже сегодня я планировала предоставить Бенедикту отчет и назвать имена участниц, к которым стоит приглядеться.

Осмотревшись, я прошла за крайний столик, возле палубы. Из всех сидевших за ним лишь с двумя я разговаривала раньше. Одним из них был Широн, мужчина в артефактах, обещавший за мной приглядывать, и девушка с первого сбора в поместье, которой я загродила путь, — остальные четверо оставались для меня темными лошадками, и я поторопилась, занимая последнее свободное место.

— Хм, у нас прибавление? — воодушевился Широн. — Полный комплект?

— Эм-м, наверное, — чуть нахмурившись, сказала я.

Должно быть, мне повезло, что я попала в компанию именно этого человека, потому что совсем скоро мужчина заставил всех назвать свои имена и представиться друг другу.

Будто на первом курсе оказалась.

Девушки были не в восторге, но по их поведению и реакции я уже делала первые выводы. Хотя внимание разбредалось, слишком много претенденток еще оставалось на отборе.

Клара, Далия, Елена, Инна, Матильда... И это лишь мой столик!

— Так, девушки, поделитесь своими историями. Что подтолкнуло вас участвовать в отборе? —

Ничуть не стесняясь спросил мужчина. И я окончательно убедилась в том, что мне правда повезло. Широн выполнял всю работу за меня.

Несколько участниц рассказали что-то про симпатию. Чушь. Я поверила лишь одной из высказавшихся, ее слова звучали искренне, а у других заученно, словно они пришли устраиваться на работу. Они говорили то, что от них ожидали услышать.

— Я проспорила, — вдруг ляпнула Клара. Та самая, что подозревала меня в привлечении внимания на первом сборе. — Случайно вышло.

Широн улыбнулся, подавшись вперед.

— Как? Расскажи.

— Таверна. Выпивка. Игра. А учитывая то, что я из следственного отдела столицы, у моих коллег специфическое чувство юмора. Мелкими гадостями они не занимаются, — задумчиво проговорила она. Клара отличалась серьезным взглядом и сдержанностью, хотя, по-моему, это влияние обстановки. Людям свойственно вести себя по-разному с друзьями и незнакомцами. — Хотя скорее у моего напарника фантазии на большее не хватило.

На секунду Клара раздраженно скривилась, крепко сжимая столовый прибор, и стало понятно — она рассержена куда больше, чем показывает.

Забавно.

— Это ребячество — из-за какого-то спора занимать чужое место, — высказалась одна из девушек. А другая дала совет:

— Лучше уйди первой. Если кого-то исключат, а тебя оставят, это никому не понравится.

— Давайте не будем так категоричны. Кто знает, как все обернется. — Широн с хитрым видом поднял бокал с вином и, отсалютовав, отпил.

На миг взгляд мужчины остановился на мне. Хотя он наблюдал за всеми, и скорее всего мне лишь показалось, что я удостоена какого-то особого внимания.

— Хм, по мне это весело. А чем рисковал твой коллега? — поинтересовалась я у Клары, хотя, окажись я на ее месте, точно бы не обрадовалась. Вообще на все сложные и абсурдные ситуации у меня существовал один девиз: «Будет что вспомнить в будущем».

Может быть и с отбором так же? Потом, вспоминая, посмеюсь.

— Не думаю, что об этом стоит говорить за столом. Аппетит испортит, — поведала Клара, внимательно глянув на меня. — А почему участвуешь ты?

Судя по воцарившемуся молчанию, остальные тоже ожидали моего ответа.

Я сглотнула. Во мне не должны чувствовать конкурентку. Что же сказать?

— Хочу, чтобы ректор помог мне с итоговой работой, стал руководителем. Думала, если попаду на отбор, смогу его уговорить, — сориентировавшись, невозмутимо рассказала я.

От руководителя на итоговой работе зависело многое — оценка и твое будущее трудоустройство. А если представить, что твой личный преподаватель глава академии, который никому и никогда не преподносил подобный подарок, то ради этого можно постараться. Цель оправдывает средства.

— Ты все продумала, — протянул Широн.

— Почти.

— Похвально, — Мужчина рассеяно глядел в сторону: — Мы ведь все взрослые люди, так к чему притворство. Например, я самый лучший вор в империи. Если вам понадобится что-то украсть, обращайтесь. Только расценки мои высоки.

Уголки его губ растянулись в кривоватой улыбке. Оставалось загадкой — шутит мужчина или говорит всерьез. Мне же показалось, что он над нами издевается.

За столом воцарилось молчание. Острый пронзительный взгляд Клары остановился на Широне.

— Ох, как я мог забыть? С нами же сотрудница следственного отдела. Считайте это шуткой. Я правда пошутил, — беззаботно продолжил он, вновь наполняя бокал. — Кстати, смотрите, Бенедикт идет.

Я проследила за движением руки Широ́на. Ректор и правда поднялся на палубу. Невозмутимый, холодный, словно каменное изваяние, он не обратил внимания на множественные взгляды, прикованные к нему. Остановился, огляделся и спустя мгновение направился за стол к леди Анелин Каррин, занимая пустующее место.

Как же я не сообразила?!

Внутри разлилось горькое чувство досады, ведь по другое плечо от ректора сидела не кто иная, как Мелания Тарт. Если вначале отбора я подумывала, что будет прекрасно, если эти двое — моя сокурсница и Бенедикт — отыщут друг друга, то после сцены в саду мое мнение кардинально переменялось.

«Я ни за что не позволю тебе выиграть. Ты его не получишь. Кто угодно, главное не ты», — гипнотизируя красавицу всего курса, решила я.

Пусть я не всевластна и самонадеянна... Но ведь кто-то должен восстановить справедливость? Маленькая месть не ради себя, но для Софии. Откровенно говоря, это наименьшее, что я могла для нее сделать.

На лице Мелании промелькнула победная улыбка, незаметная — уголки губ едва приподнялись. Ректор, ни о чем не подозревая, разговаривал со своей родственницей, когда бокал с вином, «нечаянно» задетый рукой Тарт, стал падать на стол в его сторону.

Бокал бы опрокинулся, вино бы разлилось, а Тарт, извиняясь, кинулась его вытирать.

Идеальный сценарий. Банально, но действительно.

Однако бокал завис в воздухе, словно остановленный во времени, и спустя мгновение качнулся и встал на место.

— Будьте осторожны, — жестко бросил ректор, подхватывая сосуд и передавая его слуге. — Уберите, — приказал он и вновь повернулся к леди Анелин.

Мелания сидела ошарашенная, сконфуженно глядя на стол перед собой. Похоже, я была единственной, кто заметил ее маленький позор и предусмотрительность ректора. Он будто догадался. Будто прочитал ее мысли.

Мелочь, но его готовность ко всему неизменно раз за разом поражала меня.

Остаток ужина я просидела с прямой как палка спиной, стараясь не смотреть на Бенедикта, и облегчённо выдохнула, только когда он поднялся из-за стола. Стоило ему скрыться, как девушки расслабились, разговоры стали громче и веселее. Я выждала несколько минут, без аппетита ковыряя вилкой салат, и удалилась в свою каюту. По пути несколько раз оборачивалась — между лопатками зудело от чьего-то взгляда, но понять, кто за мной наблюдал, не удалось.

Когда стемнело, я вернулась на палубу. Мачта и паруса подсвечивались, разгоняя мрак, отчего звезды на небе едва виднелись. Облака, словно стая серых птиц, стремительно проносились мимо — за магическим барьером, окружавшим корабль, неистовствовал ветер.

Тихо ступая, я минула храпящего матроса, устроившегося на одной из бочек. Я его прекрасно понимала — сама, сидя в каюте и дожидаясь темноты, едва не уснула от мерного покачивания корабля. Но сейчас мое сердце замирало от восхищения. Ночью, в относительной тишине и одиночестве, полет был еще более захватывающим.

Мне до сих пор не верилось, что я находилась здесь. Слишком невероятно.

Я заметила темную фигуру у борта корабля. Ректора невозможно было не узнать, хотя в этом он был не одинок. Все друзья Бенедикта казались особенными людьми.

Подобное притягивает подобное. Что ж, жизненная мудрость работает и в случае господина Карра.

— Это вам, — без приветствия и промедления протянула я свиток, в котором на основе своих наблюдений записала семь имен. Даже высказала вкратце мнение о каждой из предложенных претенденток. — Прошло еще слишком мало времени, и я могу ошибаться, но думаю, вам стоит к ним присмотреться.

Бенедикт молча раскрыл свиток и взглянул на неровные строчки.

— Ваш почерк... В следующий раз пишите аккуратнее.

Я нахмурилась, заглядывая через его руку в список.

— Вы сильно удивитесь, если я скажу, что старалась?

— Неужели? — саркастически раздался голос надо мной.

— Да, — кивнула я. — Обычно мысли бегут впереди меня. И это сказывается на письме.

Подняв голову, оказалась с ректором лицом к лицу. И ведь не заметила, что мы стоим так близко. Еще несколько дней назад такого произойти не могло — чем чаще я с ним общалась, тем меньше боялась.

Отшагнула назад.

— Что ж, видимо, это лучшее, что я смогу увидеть, — сухо констатировал Бенедикт, сворачивая свиток.

— Рада услужить, — буркнула я.

Кажется, план найти к компромисс шел под откос.

И это неправильно.

Я со смешанными чувствами посмотрела вдаль, на пелену облаков, плывущих чуть ниже корабля.

Надо извиниться. Хватит вести себя как маленькая девчонка. Это не серьезно. Но признавать свои ошибки нелегко, и я медлила. Да и он тоже хорош. Бывает такой тип людей, с которым просто невозможно сойтись.

— Хочу извиниться перед вами. Я был не прав, — вдруг проговорил ректор. — Мое поведение было недостойным. И мне сложно найти причины, которые его оправдают. Я про свои слова в башне и то досадное недоразумение.

Недоразумение? Впервые я встречала такую формулировку.

— Вы хотели сказать поцелуй? — оглянувшись и убедившись, что мы одни, спросила я.

— Да.

— Знаете, вы не производите впечатления человека, подвластного чувствам. Вы меня удивили. Очень. Я представляла вас немного другим. — Меня словно прорвало, я говорила все, что приходило в голову.

— Давайте на «ты». — Бенедикт же оставался серьезен. Он улыбался не столь часто, но выражение его лица смягчалось, когда мужчина был настроен миролюбиво.

— Ладно, — в этот раз благосклонно согласилась я.

— И каким же ты меня представляла, Эльза? — облокотившись на борт воздушного корабля, вкрадчиво спросил ректор.

— Мне все так же нельзя врать?

— Нет.

— Зато ты можешь на меня разозлиться, и потом... Как ты говорил, решаешь проблемы личного характера совсем иначе, чем академические?

Бенедикт отвел взгляд, вздохнул.

— Ты ведь еще цела? Хотя должен признать, характеристика меня как каменюги, потому что я слишком чопорный и раздражающий, совсем не то, что мои уши предпочитают слышать.

Я потупила взгляд, но между тем все равно нашлась что ответить:

— Зарвавшаяся девица — тоже далеко не самый приятный комплимент.

Почему-то, когда дело касалось ректора, я словно превращалась в другого человека. Поведение, реакции, а порой и мысли менялись до неузнаваемости. И это меня настораживало — я хотела контролировать себя.

— Ладно, теперь ты меня извини. Я нервничаю, и из-за этого грублю. Это защитная реакция.

Наверное...

Вот так понемногу боевой запал, да и вообще разговор сошел на нет.

Потихоньку меня стали одолевать мысли о прошлом, и в какой-то момент я даже забыла, с кем нахожусь рядом.

— Знаешь, я всегда грезила о полете на воздушном корабле. Хотя должна признать, я вообще о многом мечтала, наверное, как и любой ребенок, — хрипло прошептала я.

— И что же испытываешь теперь? — Голос Бенедикта не привел меня в чувство. В нем, наоборот, звучал интерес, и я невольно раскрылась:

— Странно, но почти ничего. Нет, вид, конечно, красивый, особенно если смотреть вниз. Но на этом все. И это меня пугает.

— Почему?

— Я... боюсь разучиться мечтать. Пусть это звучит глупо, но я хочу смотреть на мир глазами, полными восхищения, а не усталым взглядом старика. Те, кто становятся такими, часто оправдываются тем, что они выживают. Это печально. Не хочу так. Хочу жить, а не выживать. Боже, кому я это рассказываю? Бенедикт больше чем в два раза старше меня. Наверное, в его глазах я совсем ребенок, лепечущий о ерунде.

Еще несколько секунд, и я бы закрылась и попросила забыть обо всем сказанном, но неожиданно услышала отклик.

— У тебя была сложная жизнь, Эльза. И она многому тебя научила. В том числе и правильным мыслям.

Я кивнула, признавая его правоту.

Мы могли бы простоять здесь вечность, обманчивое чувство родства разливалось в груди.

Словно я наконец-то отыскала человека, способного меня понять. Но вместе с тем я не заблуждалась и знала, что уже завтра грянет новый день и испытание, подготовленное невестам.

— Рада, что мы поговорили спокойно. Пусть не о самом деле, но все равно. — Я отстранилась от борта. Хотелось спать, а завтра меня ожидал тяжелый день. Но еще одна фраза жгла горло.

— Давай забудем о том поцелуе, хорошо? Я со всем усердием выполню свою работу, но больше переходить черту не желаю.

В какой-то момент мне показалось, что я говорю в пустоту. Бенедикт молчал, его профиль очерчивал лунный свет. И он совсем не шевелился. У меня даже закрались сомнения — а услышал ли он меня вообще?

Неловко подождав еще несколько секунд, я развернулась, исчезая внутри корабля. Доски поскрипывали под ногами, а я, недавно радовавшаяся спокойствию, что воцарилось между мной и ректором, вновь раздраженно вспоминала его персону.

Совсем не понимаю, что у него на уме.

Корабль пошатывало, и в узком коридоре между каютами приходилось держаться за стену — гладкую, выкрашенную светлой краской. Завернув за угол, я наткнулась на Рика, сидящего прямо на полу, спиной к стене, из-за нехватки места согнув в коленях ноги.

Иллюзия совсем не искажалась — либо это какое-то мощное заклятие, либо комплекция оригинала почти от нее не отличалась.

Я подошла к своей двери и вставила ключ в замочную скважину.

— Даже не здороваешься? — Рик поднял голову, смотря прямо на меня и оставаясь при этом абсолютно расслабленным. Похоже, место на полу его вполне устраивало.

— Я думала, ты спишь, — ответила, проворачивая ключ.

— Врешь. — Он улыбнулся.

— Возможно, — неопределенно пожала плечами я, открывая дверь. — Но доказательств у тебя нет.

— Ты только что сама согласилась.

— Я сказала возможно

— Хитрюга. — Рик тихо рассмеялся — глубоко, завораживающе. Я замерла, не решаясь переступить порог.

— Ты чем-то расстроен?

Надо же, еще несколько дней назад Рик задавал мне такой же вопрос. Как удивительна жизнь.

— Да, — сухо подтвердил он, подтягивая ноги к себе, опираясь ладонями об пол и поднимаясь. Мужчина повернулся ко мне боком, склонил голову, а темные длинные волосы поделили лицо на неровные части. — Талантливая студенточка совсем обо мне не вспоминает, как же мне не расстроиться?

Спросила на свою голову...

Почему мне в последнее время попадают такие самоуверенные мужики? Но ректор хотя бы соблазнить не пытался, а Рик — сексуальный, не обделенный харизмой — прекрасно понимал свою привлекательность.

У меня от одного его вида сердце забилося, как у влюбленной девицы.

— Ну, может, у «талантливой студенточки» полно других забот, кроме как думать о незнакомце, прячущемся за иллюзией? — откликнулась я, критически разглядывая мужскую фигуру с целью найти недостатки.

Что если представить его в юбке? Никому не понравятся волосатые мускулистые ноги, облаченные в нечто развевающееся, да еще и выше колен.

Я посмотрела вниз. Воображение уже рисовало весьма живую картинку, уничтожавшую очарование Рика.

— А хотелось бы, — лениво растягивая слова, проговорил он. — Знаешь, Эльза, я предпочитаю, чтобы мне смотрели в лицо, а не ниже пояса. Это наводит на некоторые мысли.

— Так, все, я пойду. — Мужчина напрочь уничтожил все мои старания. — Было приятно с тобой встретиться.

Я поторопилась скрыться в каюте.

— Подожди, — попросил он, и я столкнулась с невидимой стеной, внезапно возникшей в проходе, и едва не упала. — Извини, не хотел. Сильно болит?

Рик придержал меня за локоть, заботливо вглядываясь в лицо.

Слишком близко. Я ошарашенно уставилась на него.

— Вообще бы не болело, если бы не твое заклятие, — пробурчала я, твердо становясь на ноги и вырывая локоть.

После того как я едва не распласталась перед собственной дверью, разболелись голова и нос.

— Хотел задержать.

— В следующий раз выбери другой способ.

— Попросить?

— Неплохой вариант, — кивнула я.

— А ты бы остановилась? — Рик буравил меня пронизательным взглядом.

— Нет, — со вздохом ответила я, почему-то решив быть честной. — Потому что сейчас ночь, и я очень хочу спать, а не играть в угадку.

Скрипнуло дерево, будто кто-то двигался в нашу сторону.

Или подслушивал.

Тусклое освещение на потолке заморгало, то и дело погружая коридор во тьму, а корабль затрясло, так сильно, будто он вот-вот сорвется вниз.

Внутри судна совсем забываешь, как высоко мы над землей.

— Воздушная яма, не бойся, — пришла подсказка от Рика. — Так ты согласна?

— Спор? Нет, — мотнула я головой, проверяя вход в свою комнату на наличие невидимой преграды. К счастью, она исчезла. — У меня правда слишком много забот и обязанностей. Я не могу позволить себе заниматься ерундой.

Возможно, неправильно заявлять такое мужчине. Маргарет говорила, что они принимают подобное как вызов. Но зачем юлить? Соглашаться я была явно не намерена.

Путешествие только началось, а я уже утомилась от приключений. Они, словно темный увлекательный водоворот, затягивали меня в свое жерло. Но самое странное — мне начинало это нравиться, они будоражили кровь. А наблюдение за девушками давало ощущение власти, хотя я понимала, насколько это гадко. Люди двойственны, в каждом есть светлое и темное начало, и я не исключение. Но до сих пор мне удавалось прогонять мнимое чувство превосходства и оставаться собой.

Рик посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом, и в какой-то момент мне показалось, что он возьмет и утащит меня куда ему заблагорассудится. По моим расчетам, у него еще оставался сонный порошок, если, конечно, мужчина не потратил его на кого-то другого.

— Ладно, — неожиданно с легкой улыбкой сказал он. — Еще увидимся, Эльза.

К гадалке не ходи, что-то задумал.

— Похоже, да. Спокойной ночи. — Думать о Рике и его словах не оставалось никакого желания.

— Спокойной, — раздалось в ответ, и я прикрыла дверь, оказавшись в темной каюте наедине с собой.

Опомнившись, я быстро закрылась на замок и вздохнула с облегчением. Больше всего сейчас я желала тишины и одиночества.

* * * * *

Мужчина задержался у двери в каюту Эльзы всего на пару секунд, а потом, неспешно развернувшись, засунул руки в карманы и направился к лестнице, ведущей на палубу. Оказавшись наверху и безошибочно выбрав направление, Рик отыскал ректора. Мужчины обменялись спокойными взглядами.

— Зачем ты разгуливаешь по кораблю в этом облике? — недовольно спросил Бенедикт.

— Не помню, чтобы мне требовалось разрешение.

Ректор покачал головой.

— Можешь кого-нибудь напугать.

— Та, с кем я встречаюсь, меня уже не боится. Впрочем, как и тебя, верно?

— Не знаю. Может и боится, — пожал плечами Бенедикт, глядя вдаль. Облака его завораживали, и ночное время суток он любил гораздо больше дневного света.

— И тебя это не волнует?

— Кто знает... — На лице ректора появился намек на улыбку.

— Раздражаешь, — бросил Рик, недовольно сощурившись. — Так или иначе, ты мне обещал, что на финальное испытание в Карликовых скалах она не попадет. Посмотрим, чего стоят твои обещания, друг.

Мужчина похлопал ректора по плечу и удалился, а лицо Бенедикта превратилось в камень — холодный и безжизненный.

Глава 12. Первое испытание

Мы прилетели в небольшой городок у восточного побережья, где аккуратные мощеные улочки спускались к океану. Фасады домов были покрашены во все цвета радуги, радуя своей веселой аляповатостью, а на покатых крышах высились громадные громоотводы. Солнечно. Жарко.

Спустившись с корабля, я забеспокоилась, а не слишком ли теплую одежду взяла с собой?

Но место, где решили провести следующий этап отбора, находилось в некотором отдалении от городка. В особняке, вблизи берега.

У входа местной Крылатой станции всех прилетевших ожидало несколько карет. Раньше в них запрягали лошадей, но то время давно ушло. Тонкие колеса заменились на широкие и прочные, со специальным толстым покрытием из смолы, добываемой из магического вида деревьев — я никак не могла вспомнить название, — благодаря чему она развивала куда большую скорость, чем ее предшественницы. В движение же ее приводили артефакты-накопители, активируемые заклетами энергии.

Карет было несколько, но главной неожиданностью и неприятным сюрпризом оказались журналисты — трое, во главе с той женщиной, что руководила фотосъемкой для «Ежедневника столицы».

Кстати, интересно, та газета уже вышла?

Глядя на женщину с темными прямыми волосами до лопаток, несмотря на жару, одетую в строгий черный костюм, я размышляла о том, какие же снимки окажутся на страницах. Решив, что в моем случае это наверняка будет что-то провокационное, я постаралась больше об этом не думать.

Пока все вещи грузили в отдельную карету, фотограф ходил поблизости и постоянно снимал. Я стояла рядом с Кларой — мы с самого утра не сговариваясь сели за один столик за завтраком, а потом к нам присоединилась Летиция. Именно от нее я и узнала об особняке за городом.

— Интересно, они с нами и на самом испытании будут? — спросила у Клары.

— Наверное, — пожалала она плечами. — В столице первые фото опубликуют уже завтра.

Напарник сообщил.

— Тот самый? Из-за которого ты здесь? — заинтересовалась я.

— Да.

— По твоему голосу понятно, как ты его «обожаешь».

— О да, почти с первого курса «обожаю», — хмуро подтвердила Клара, давая понять, что с этим самым коллегой они знакомы еще со студенческой скамьи.

Боковым зрением я заметила, что фотограф нацелился на нас, и инстинктивно подняла ладонь, закрывая лицо. Мужчина нахмурился, а Клара, заметив случившееся, обошла меня и встала к нему спиной, закрывая обзор.

Да-а-а, похоже, для нее этот отбор еще большая обуза, чем для меня. Я хотя бы делом занята, награду получу.

Когда вещи погрузили и нас распределили по каретам, мы стремительно помчались к особняку. Впереди ожидал час пути, быстрая распаковка вещей и первое испытание. Любопытство и волнение охватили меня. Я должна была участвовать, и интуиция подсказывала: распорядители подготовили что-то интересное.

Я не намеревалась побеждать — лишь наблюдать, но все могло развернуться таким образом, что не останется другого выбора, кроме как действовать всерьез.

Волны лизали берег, вода удивительного темно-синего оттенка манила ласковой прохладой.

Яркое солнце, голубое небо и морская пучина. Я замерла на спуске с обрыва, вдыхая всеми легкими соленый аромат и вслушиваясь в звуки побережья, словно впитывая их в себя.

Вода и земля — вечные соперники.

Мои проблемы казались такими ничтожными в этом тихом умиротворенном месте. Эта истина немного обескуражила меня, и я отстала от основной процессии, так что пришлось нагонять.

— Здесь пройдет первое испытание. — В этот раз ректор взял на себя долю рассказчика.

Бенедикт обвел всех присутствующих взглядом. Рандел и Широн стояли за его спиной, а блондинчик, замыкавший строй, — рядом со мной. Леди Анелин с дочкой и сыном остались в особняке, а журналисты притаились на вершине обрыва — им запретили спускаться к берегу вместе со всеми.

Ректор вытащил из кармана что-то светлое и показал на раскрытой ладони. Девушки зароптали.

Жемчужина морского народа — главное сокровище океана!

Драгоценность переливалась всеми цветами радуги с примесью белого и перламутра. Земные маги были просто не в состоянии добыть ее из глубин океана, а подводные жители не

продавали их живущим на суше, лишь вознаграждали редких смельчаков за услуги. Если верить учебнику, в ночи она должна сиять.

— Эта жемчужина — главный приз испытания, заполучив ее, вы сможете обменять драгоценность на сутки рядом со мной. Думаю, этого срока вполне будет достаточно, чтобы понять, подходим мы друг другу или нет. — Он сжал ладонь в кулак и, повернувшись спиной, направился к морю.

Блондинчик цокнул и покачал головой. Я недовольно покосилась на мужчину — он провожал ректора насмешливым взглядом, сложив руки на груди.

Здесь такой момент, а он над чем-то потешается!

— Что-то не нравится? — шепотом поинтересовался он, скосив глаза.

— Мне нет, но вам, похоже, да, — серьезно ответила я, делая шаг в сторону и смотря в спину Бенедикту. Все же мне было интересно, что произойдет дальше.

Ректор зашел в воду уже по колено, не заботясь о своей одежде. Звуки птиц над морем усилились, словно предвещая нечто важное.

Он утопиться решил? Хотя вряд ли.

— А кто-то уверял, что не привлекает внимания, — нахально и высокомерно продолжил блондинчик, снова сократив расстояние. — Так почему ты здесь, белка? Тебя же отпустили. Как он меня только что назвал?!

Я раскрыла рот, собираясь высказать ответное оскорбление, но меня прервали возгласы, прокатившиеся по побережью.

Посмотрев вперед, я обомлела. Над поверхностью воды прямо перед ректором возвышались двое из морского народа — мужчина и женщина, абсолютно голые, с синей перламутровой кожей. Волосы в привычном понимании отсутствовали, их заменили несколько десятков отростков длиной не меньше метра, напоминающие щупальца, толстые у головы и тонкие в кончиках. На руках плавники, а глаза большие, с крупными вертикальными зрачками на фоне синей, цвета моря, радужки.

Рядом с ними Бенедикт выглядел ребенком. Морской народ всегда был крупнее людей. И никто из них не владел магией, поэтому иногда им приходилось идти на сделки с магами с земли.

Тишина.

Забыв про оскорбления, я двинулась к берегу, пробираясь через спины остальных. Казалось, что ректор разговаривает с детьми воды, но я не слышала ни словечка.

Морские люди — словно волшебные существа из сказок. Хотя фактически так и есть — они часто выступают героями рассказов и легенд, в которых постоянно отмечается их упертость. Они не принимают людей с суши, называют нас «моршарден», убийцами в переводе с древнего всемирного языка, теми, кто убивает себе подобных. Дети воды не воюют, ими правит король океана, да и гнева и ненависть им несвойственны. В какой-то степени они считают себя выше нас, и в этом их главный грех — гордыня, возобладавшая над всеми остальными чувствами. Их образ жизни, традиции и нравы — единственно правильные в их понимании, а стихия воды — ключевая часть жизни, и они ее часть. У них своя философия и своя вера, которая оставалась неизменной на протяжении многих веков.

Бенедикт протянул руку, и жемчужина оказалась в ладони морского мужчины. Синий хвост, на мгновение показавшийся на поверхности, ударился о воду, подняв столп брызг. Бенедикт промок, но это его ничуть не волновало, под громкие надрывные крики птиц, что черными силуэтами кружили над берегом, он направился к суше.

Промокшие и потяжелевшие полы магической мантии хлопали по его ногам, вниз стекали струйки воды, оставляя за собой следы на песке.

Мужчина провел рукой по лицу, убирая влажные волосы и небрежным движением зачесывая их назад. Амулет на его груди едва посверкивал голубыми искрами.

— Ваша задача проста — добиться того, чтобы дети воды добровольно отдали вам жемчужину, — охрипшим голосом произнес Бенедикт. Он выглядел бледным. — Срок — полтора суток. Как только попытка одной из вас окажется успешной, колокол в особняке возвестит об этом. Удачи. И не забывайте, почему именно вы собрались сегодня здесь.

Бенедикт произнес заклинание, и от его одежды повалил пар. Спустя мгновение ткань стала абсолютно сухой, и ректор тяжелым шагом направился к положому подъему на обрыв. Его друзья двинулись следом.

Мы остались наедине — девушки и морской народ. Морской народ и девушки. И в этой ситуации никто из нас не знал, как действовать.

Спустя несколько часов ничего не изменилось. Первое время прошло в молчании и нерешительности, претендентки просто бродили у берега, раздумывая и пытаясь решить загадку. Морские существа скрылись под водой, спасаясь от палящих лучей солнца, и лишь иногда показывались на поверхности.

Испытание меня не возмутило, даже наоборот. Награда захватила сознание, хоть я и придумала иной способ ее использования.

Удивительно, что Бенедикт потратил ответную услугу детей воды на такую ерунду, как отбор. Разве что она у него не одна, или, если мыслить шире, маг нашел к существам из сказок свой подход.

Первой в воду ступила Нина — я узнала имя девушки, потому что ее окликнула подруга. Она, так же как ректор, зашла в воду почти по грудь, так что волны касались подбородка, а редкие соленые брызги хлестали щеки.

Смелая...

Морские существа показались над водой, закрывая девушку тенью своих блестящих мокрых тел. Затаив дыхание, я привстала на носочки. Кажется, все в этот момент погрузились в тревожное ожидание.

Неужели у нее получится? Не должно...

Я успела изучить Бенедикта Карра, и легкая победа была не в его стиле.

Темно-синий росчерк в воздухе. Вскрик. Всплеск.

Высокая волна в доли секунды домчалась до берега, выбрасывая из своих пучин Нину. Она нахлебалась воды и громко кашляла, приподнявшись на локтях. Те, кто находился к ней ближе всего, бросились на помощь, а морской народ вновь медленно, неотрывно смотря на сушу, скрылись в море.

Обменявшись взглядом с Кларой, я развернулась, отошла и села на серый камень, вырастающий из-под земли, подтянув к себе ноги.

Это загадка. Лучший способ ее решить — хорошенько подумать, а в моем случае еще и понаблюдать.

Притаившись в стороне от других претенденток, я убивала сразу двух зайцев — следила за ними, слушала нервные переговоры, перетекающие в споры, думала над ситуацией и отдыхала, наслаждаясь видом моря.

«И не забывайте, почему именно вы собрались сегодня здесь», — вспомнила слова Бенедикта.

Почему-то эта фраза запомнилась особенно четко. Наверное, из-за особой интонации, с которой он ее произнес.

* * * * *

Бенедикт вошел в особняк и неспешно направился вверх — в просторные покои, ставшие его на время путешествия. Шум океана долетал до здания, врвался внутрь, принося успокоение и умиротворение.

Мужчина поднялся по лестнице, придерживая правую ладонь свободной рукой. Рана давно зажила, а ноющая боль осталась, хотя и беспокоила довольно редко.

— То задание не слишком? — спросил Валентин, вставая с кресла, стоило Бенедикту войти.

Мужчина выглядел слегка обеспокоенным. Ректор покачал головой.

— Нет. Оно не тяжелое. Ни магии, ни особых знаний не понадобится. Даже простое, я бы сказал. — Бенедикт развязал пояс и снял магическую мантию, оставшись в брюках и легкой рубашке.

— Ну не зна-аю, — неопределенно покачал рыжий головой. Он с самого начала выказывал сомнение во всех грядущих испытаниях. — Снова болит?

— Зачем ты пришел, Валентин? Узнать о моем самочувствии? Так ничего не изменилось, и боль в руке давно не новость. — В голосе Бенедикта звучала ирония.

Рыжеволосый вздохнул.

— Мама прислала.

— Надо же, я удивлен, — саркастически ответил ректор, бросив косой взгляд на стол с одиноко лежащей стопкой бумаг, привезенных из Бурсбурга, которую ему предстояло просмотреть.

— Прекрати издеваться. Когда ты ее не слушаешь, она приходит ко мне, — с обреченным вздохом проговорил мужчина, падая вновь в кресло. — Понимаешь, только слепые не заметили твой интерес к одной из участниц и холодную отстраненность к другим.

— И? — невозмутимо спросил Бенедикт, изогнув бровь.

— Еще слишком рано. Только первое испытание. Хотя ты ведь что-то задумал? Ты ведь знаешь, я почувствовал тогда твое присутствие в ее комнате. — Он поднял руку, указывая на свой перстень, практически идентичный тому, что носил Бенедикт, лишь красная прожилка в черном камне имела немного иную форму.

— И кому ты рассказал об этом? — поинтересовался Бенедикт.

— Никому, — качнул головой его родственник.

— Пусть так и остается, — нахмурившись, сказал ректор.

— Ты выглядишь недовольным, — проницательно заметил Валентин.

Бенедикт подошел к окну, с которого открывался прекрасный вид на море. Побережье было скрыто обрывом, но зато морской народ, притаившийся под толщей воды, виднелся издали двумя темными расплывчатыми пятнами.

— Еще бы, — мрачно подтвердил Бенедикт и неопределенно добавил: — Похоже, я дал обещание, которое не захочу исполнять.

Глава 13. Испытание, жемчужина и император

Солнце клонилось к закату, а ветер стал чуть холоднее. Уже больше пяти часов претендентки торчали на побережье. Голод брал свое, да и естественные нужды никто не отменял. К сожалению, чтобы воспользоваться туалетом, необходимо было вернуться в особняк. Некоторые из девушек все же ушли, видимо, решив отдохнуть и попытать удачу завтрашним утром. За время, проведенное на берегу, я видела, как пятерых из них вынесло к берегу. И каждый раз это сопровождалось высокой волной, что не оставляла и шанса устоять на ногах той, что потерпела провал.

Мелания, как и я, держалась в сторонке, одетая в длинную юбку, что развевалась на ветру, волосы ее были скреплены заколкой на затылке.

Соваться на рожон она не станет.

Вчера я едва удержала себя, чтобы не написать о Тарт в отчете для ректора. Точнее, я попыталась изложить все на бумаге, но, перечитав, смяла лист и сожгла. Все выглядело так, будто я жаловалась. Да и кроме собственных ощущений и убеждений, никаких доказательств предложить не могла.

Если письмо попадет не в те руки, то у меня возникнут новые проблемы. Поэтому лучше поговорить о Мелании с ректором лично, когда выдастся время.

Тарт неожиданно обернулась и, недолго думая, направилась ко мне.

Брысь, брысь, не подходи!

Я едва не упала со своего камня, с которого почти не вставала последние несколько часов.

— Сложная задачка перед нами, верно? — Она дружелюбно улыбнулась.

— Верно, — сухо подтвердила я.

Что ей надо?

— Ректор не давал тебе подсказок?

— Зачем ему мне помогать? — Я удивленно уставилась на девушку.

— Вы довольно близки.

— Это не так, — мотнула головой, наблюдая за тем, как морской народ вновь показывается над поверхностью воды. Они выглядели как могучие воины, а их тела, казалось, не имели и капли жира, полностью состоя из упругих мышц. Даже живот женщины был не просто плоским — его покрывали кубики пресса.

— Отвратительно. Почему они не носят одежду? — воскликнула отчаявшаяся Рейра.

— Тихо ты! Услышат! — шикнула на нее подруга.

Разговор перешел на едва различимый шепот. А меня словно ударили обухом по голове, когда ко мне внезапно пришла догадка. Бредовая, но не лишенная смысла. Это как наобум идти в темноте, надеясь, что тебе повезет. Но лишь этим я могла позволить себе заниматься — предполагать, ошибаться и заново гадать.

Поднявшись и попрощавшись с Меланией, я не оглядываясь побрела к особняку, чтобы отдохнуть и поесть. Я намеревалась навеститься сюда вновь, но уже на опустевший берег.

Мне может не повезти, и тогда я точно так же, отплеываясь от соленой воды, окажусь на песке, но если добьюсь успеха, то жемчужина станет моей. Достойная награда, чтобы попробовать ее добыть.

Время близилось к полуночи, голоса в особняке замолкли, подобно тому, как крики чаек затихают с приходом тьмы. С каждым часом, нет, с каждой беспокойной минутой мне все больше хотелось бросить это гиблое дело и не пытаться заполучить драгоценность. Но проблема заключалась в том, что отступить я не любила.

Смелость иногда сродни глупости.

Раскрыв ставни и поблагодарив удачу, из-за которой моя спальня оказалась на первом этаже, я забралась на подоконник и соскользнула вниз, жестко приземлившись на ноги и разорвав кусочек юбки о карниз. Прямо из стены, чуть ниже окна, непонятно с какой целью торчал гвоздь. Я нащупала его шляпку в темноте.

А если бы я приземлилась на него попой?

От открывавшихся перспектив стало не по себе. Боясь привлечь внимание, я твердо решила вернуться под окна при свете дня и убрать кусочек металла из стены.

Покачив головой, стала красться к выходу за территорию. Поначалу шла тихо, оглядываясь на каждый шорох, словно испуганный зверек, а выбравшись на дорогу — более уверенно, замедлившись лишь единожды, чтобы убедиться, что у моря я одна.

Сквозь толщу воды, словно светлячки, виднелись дети моря — от их тел исходило едва заметное слабое сияние.

Ночная вылазка была мне не впервой, но я все равно волновалась. В детстве я слишком часто убегала из приюта на окраине города. Я ничего не воровала, как остальные дети, но иногда отбирала вещи, принесенные ими, и возвращала хозяевам. Из-за этого у меня возникали проблемы не только с воспитателями, но и с другими воспитанниками. Похоже, я была еще той белой вороной. Если вспомнить все мои синяки... Худая и щуплая, силы дать сдачи я все же находила. Да и тогда мне было нечего терять. А теперь есть.

«Но, похоже, своей дурной привычки идти наперекор желаниям других людей я не потеряла. Постоянно наживаю себе проблем», — подумала я, вспомнив то, как порой бесцеремонно разговаривала с ректором.

Так, погрязнув в мысли, я успокоилась и, уже стоя на берегу, сосредоточенно глянула вдаль.

Прохладный ветер теребил волосы, а на губах чувствовалась соль. Звезды россыпью покрывали небо, словно блестки, рассыпанные вплоть до горизонта. Тишина ночи прервалась тихим всплеском, сопроводившим появление морских существ на поверхности. В их огромных глазах отражался лунный свет, а волосы шевелились, словно жили собственной жизнью, и последнего я днем не замечала.

Моря и океаны — их территория, а значит, мы должны подчиняться правилам детей воды.

Гордость — их исключительная черта. Наверное, существует еще много способов уговорить их отдать жемчужину, но я пока придумала лишь один — раздеться.

Оглянувшись назад, я засомневалась. Вновь одолевало навязчивое чувство, что за мной наблюдают, правда, не такое острое, как бывало обычно.

Хватит, Эльза, так и параноиком можно стать!

Выдохнув, я стала раздеваться. Расстегнула пуговицы блузы, сняла юбку, оставшись в одном нижнем белье. Я прикладывала все усилия, чтобы не смотреть на существ в воде.

Не дай бог кто увидит! Эти селедки, наверное, думают, что я идиотка. Но я точно помню, что одна из героинь сказки бывала в их подводном городе, и при этом вскользь упоминалось о ее наготы. Хотя было ли это сказкой? Скорее любовный роман, взятый с запретной полки в библиотеке. Теперь-то с возрастом я начинаю понимать, почему та полка была запретной.

Пришел черед нижнего белья, и это оказалось самым смущающим. У меня никогда не было мужчины, хотя я уже целовалась. Об этом я не жалела — всему свое время. Учеба стояла для меня на первом месте, ведь я страстно желала добиться успеха в этой жизни. Но Маргарет умудрялась ходить на свидания и даже рассказывать мне подробности. Хотя по натуре я довольно закрытый человек и ни делиться, ни обсуждать настолько личные вещи обычно не стремилась, для подруги делала исключение, превращаясь в молчаливого слушателя. Раскрепощенность — не моя сильная сторона. Даже то, что морским существам все равно, голая я или одетая, меня ничуть не успокаивало.

Избавившись от последней одежды, я едва ли не бегом направилась к воде.

Теплая. Но несмотря на это, я все равно задрожала.

Хватит, Эльза. Ну подумай, разделась. Это всего лишь тело... всего лишь тело...

Я продолжала твердить это подобно заклятию, заходя все глубже в воду и ощущая мелкие гладкие камешки под ступнями. Вскоре я уже не могла шагать ровно — движение моря, подобно дыханию, то мягко отталкивало меня к берегу, то, наоборот, подначивало идти дальше. И когда до мужчины и женщины осталось несколько метров, я попыталась прогнать нерешительность и заглянуть им в глаза — темно-синие при свете дня и почти черные, словно уголь, теперь. Я чувствовала, как движутся их хвосты под водой, и как один из плавников коснулся моей лодыжки.

Вблизи лица существ блестели и имели неоднородный цвет — голубые в темную крапинку, точно определить оттенок которой в ночи мне не удавалось. Губы оказались чрезвычайно тонкими, а уши в сравнении с телами обычных людей были в полтора раза больше и имели более округлую форму.

Поблудневшей ладонью я коснулась левого плеча и на мгновение склонила голову, но уже через секунду, выпрямившись, выжидающе посмотрела на детей воды. Это был знак приветствия, распространенный по всему миру с древних времен. По моим скромным предположениям, они обязаны были его знать.

Тревога. Волнение. И вскоре я ощутила движение под водой.

Сейчас они меня выкинут на берег... Как же это будет позорно! А я ведь даже разделась, чтобы получить эту жемчужину. Совсем не хочется это представлять.

Несмотря на попытки успокоиться, дыхание оставалось слишком громким.

Щупальцеобразные волосы на голове женщины извивались все сильнее, а сама она неожиданно подняла руку. Вскоре тяжелая огромная ладонь легла мне на голову, не на шутку перепугав.

Меня придавило ко дну, вынудив опуститься с носочков на всю ступню. Вода коснулась подбородка.

Голова заболела и закружилась.

— Что вы...

Из-за нахлынувшей волны вода попала в рот — я захлебнулась. Происходящее внезапно стало напоминать кошмарное сновиденье с трагичным итогом — моей смертью.

Перед глазами заметались отрывки воспоминаний — приятные и болезненные, унижительные и вдохновляющие. Вслед за болью нахлынула тошнота. Колени стали подгибаться, а я медленно, но верно уходила под воду.

И вдруг все прекратилось, и ладонь существа исчезла с моей головы. Морская женщина что-то прошипела, словно ругаясь, и мертвой хваткой вцепилась в мое запястье, будто в руку надоевшей куклы, потащив меня ближе к берегу.

Легкие разрывались. Я нахлебалась воды.

Хватка ослабла. Мне стремительно и нетерпеливо протянули жемчужину.

Мокрая и дрожащая, я взяла ее, и в тот же миг реальность пронзил отдаленный звон колокола, идущий со стороны берега.

О нет, сейчас все проснется!

— Спасибо, — прохрипела я.

Женщина что-то прошипела в ответ — из-за ее невыразительного лица и грубого голоса казалось, будто она ругается. Меня окатило водой, когда существо нырнуло в море, на миг явив полупрозрачный плавник на конце хвоста, мелькнувшего в воздухе.

Всего несколько секунд, и морские люди исчезли, а звон и не думал прекращаться, громко возвещая о свершившемся на весь особняк.

Так, потом буду предаваться размышлениям — я все еще голая! Скорее к берегу, мне срочно необходима одежда.

Ну и приключение...

Жемчужина грела ладонь.

Наверное, дело не только в ее стоимости. Скорее всего, даже продавать ее не стану, буду хранить, ведь жалко лишаться подобной редкости. В какой-то степени мне просто захотелось оказаться правой. Но кажется, что-то пошло не так.

Что она делала, когда положила ладонь на мою голову? Это было так похоже... Похоже на ощущения после удара головой в тот день на лекции у ректора. Я ведь едва не потеряла сознание прямо в воде!

Наконец-то выбравшись на берег, я кинулась к своим вещам. Дрожащими руками надела нижнее белье и юбку с блузой, постоянно оглядываясь на особняк. Мне казалось, что еще немного, и с его стороны кто-то появится.

— Морской народ не обладают магией, но некоторые из них менталисты. Поэтому тебе стало плохо, — произнес мужской голос.

Я обернулась. Он невозмутимо стоял у камня, на котором я сидела днем. Серьезный, но наглый.

— Как давно ты здесь? — разозлившись, спросила я. Хотя мы оба знали, что мой вопрос скорее означал: «Ты все видел?»

— Я отвернулся в нужное время, — оправдывался Рик.

— Отвернулся, значит... — гневно пробормотала я и, скрипя зубами, кинулась к особняку.

За спиной послышались ускоряющиеся шаги — он меня догонял.

— Я лишь наблюдал за испытанием. — В его голосе не звучало и капли раскаяния.

С одной стороны, это было верно — приглядывать за участницами, но... Он лгал. Я чувствовала это. Возможно, мое тело его не интересовало, но и закрыть глаза он не пытался.

Я остановилась и развернулась, столкнувшись с Риком лицом к лицу. Ладони горели, словно требовали прибегнуть к рукоприкладству.

— Давай я напою тебя слабительным, а потом скажу, что это ради твоего же блага. Как тебе идея? — со злой иронией спросила я.

Рик молчал.

— Ладно, извини. Я обернулся лишь раз. Извини, Эльза. — Он примирительно поднял руки.

Было даже странно видеть извиняющимся этого взрослого мужчину.

— Это вопрос уважения, Рик. Мои воля и желания — что-то второстепенное для вас и для тебя в частности. Похищение, проникновение ночью в покои и тайные прикосновения, появление, когда заблагорассудится, и это дурацкая иллюзия. С меня хватит! Это ненормально! — В какой-то момент я почувствовала себя истеричкой, но мой голос не срывался на высокие ноты — оставался твердым, уверенным, решительным.

Для кого-то все случившееся на отборе мелочь. Для других происходившее со мной в приюте полностью моя вина. И лишь для некоторых людей обостренное чувство справедливости и ненависть к игнорированию моих решений и желаний что-то само собой разумеющееся.

Вновь развернувшись к особняку, я внезапно оказалась меж двух огней. Прямо передо мной, в отдалении, стоял Бенедикт. И он все слышал.

Я не могла разорвать договора с ним, но безвыходное положение никак не влияло на мою злость. Ректор вел себя не лучше, чем Рик.

Эти двое постоянно подавляли мою волю. Я не хотела молчать, пусть это и грозило проблемами.

Я помчалась к особняку, желая обогнуть ректора и как можно быстрее добраться до покоев.

Мне необходимо было успокоиться, вернуть трезвость ума. Но голос Бенедикта застал меня врасплох:

— Уйдешь одна и чужих расспросов не избежать. Весь особняк на ногах. Я тебя проведу, и мы поговорим — спокойно и мирно. Тебя заинтересует то, что я хочу сказать. — Но смотрел ректор не на меня, а на Рика. Взгляд мужчины угрозы не нес, но и теплоты в нем не было. Оглянувшись на бывшего заказчика, я будто увидела отражение Бенедикта в нем. Они смотрели друг на друга одинаково, как соперники. В этот самый миг мой мир окончательно перевернулся с ног на голову, но именно я должна была поставить его на место.

— Хорошо, идемте. — От гнева я вновь перешла на официальное обращение.

— Подожди. — Он взял меня за руку. Ладонь Бенедикта была горячей и сухой, а моя — мокрой и холодной, словно замороженная рыба. Я не вырвала ее лишь потому, что увидела, как беззвучно шевелятся губы мужчины, произнося заклятие. — Колдовство ускользающего взгляда. Никто нас не узнает и не заметит.

Я последний раз посмотрела на Рика — он стоял прямой как палка, со сложенными на груди руками.

«Как так получилось, что я уйду вместе с главным виновником всех неурядиц? — сконфуженно подумала я и сама себе дала ответ: — Все потому что нас связывает сделка. Именно с ним я должна решать возникшие проблемы».

Мы попали в особняк через тайный вход — неприметную дверь, скрытую высоким деревом с густой кроной. Преодолев ее, мы сразу попали в темный коридор.

— Что-то слишком тихо, — послышался голос, и вскоре я увидела трех девушек, стоящих во тьме в длинных ночных рубашках.

— Может быть, колокол забил по ошибке? — предположила одна из них.

Бенедикт невозмутимо повел нас мимо претенденток, не обращая внимания на девушек. Даже светящаяся жемчужина осталась ими не замечена, хотя ее переливы, проходя плоть насквозь, окрашивали кулак в ярко-алый цвет.

— Нет. Нам бы давно уже сообщили о ней, — мотнула головой другая.

Вскоре мы отделились от претенденток настолько, что их переговоры слились в общий гул, напоминая шепот ветра.

Следуя за ректором, я постепенно обрела хладнокровие. Словно я какой-то опасный зверь на охоте, осознающий, что жертве не сбежать. Когда высокая деревянная дверь отворилась, повинувшись движению свободной руки Бенедикта, я поняла, что готова к разговору. К настоящему разговору, не той пародии беседы, состоявшейся ночью на палубе.

Дверь за нами закрылась. Зажегся свет.

Я втянула запах хвои и мяты и оглядела покои ректора. Они были огромными и состояли из двух зон — спальни и рабочей. В отделке доминировали бежевые тона. Мебель говорила о богатстве, а ее расположение и отсутствие деталей — об одиночестве. Всего лишь огромная комната. Никому не принадлежащая, ничья, лишь на пару ночей приютившая великого мага.

— Присаживайся. — Бенедикт указал на стул у тяжелого дубового стола.

— Может, стоит сначала поговорить с кем-нибудь из распорядителей, чтобы не возникло недопонимания? — Мне хотелось, чтобы девушки разошлись по комнатам, а сама я их разогнать не могла.

— Не беспокойся, они знают, что я отправился на побережье, искать нас не станут.

— Ясно, — проговорила я, думая, с чего начать.

Бенедикт сел в кресло.

— Знаешь, когда на кону стоит спокойствие империи, становятся безразличны мелкие фигуры на доске, ведь приходится чем-то жертвовать. — Ректор сплел руки в замок.

— Такими, как я?

— В какой-то степени да. Но в нашем случае речь идет о бесцеремонности и нарушении ваших прав, вот и все.

— Из твоих уст это действительно кажется мелочью, — заметила я, склоняя голову.

Мы обменялись взглядами. Бенедикт, на мгновение поджав губы, неожиданно продолжил:

— Император при смерти. И боюсь, ему уже ничто не поможет. — Ни один мускул не дернулся на лице мужчины. — Все что мы можем сделать — это отвлечь внимание на себя и не дать врагам почувствовать нашу слабость. Пока мы здесь с вами, я бы сказал, развлекаемся, во дворце начинается подготовка к коронации нового императора.

— Это правда? Ты не шутишь? — ошарашенно спросила я.

— Нет.

— Но... Почему он умирает? И почему тогда ты здесь? А леди Анелин? Разве вам не надо быть во дворце?

— Сколько у тебя вопросов... — протянул Бенедикт, покачав головой.

Какая сила управляет этим человеком? Он ненавидит двуличие других, но сам как та змея, что сбрасывает кожу, меняя при этом свой окрас. Отстраненный и страстный, циничный и заботливый, я видела все перечисленные стороны, но какой же он на самом деле?

— Родственные связи не являются гарантом любви, — продолжил ректор. В его голосе отчетливо слышался лед. — У меня нет привязанности к нашему императору, но мой долг перед империей для меня превыше всего. Наша помощь во дворце не нужна, и отбор наилучшее, что мы можем сделать. Мы не можем короновать наследника, пока старый император жив и носит венец, отречение займет еще больше времени. Если слухи расползутся, шпионы соседних империй донесут благую весть нашим врагам. Вы ведь в курсе наших отношений с Корфодцами на севере? Они сделают все, чтобы ослабить нас. Поэтому моральные и этические нормы становятся второстепенны.

Еще мгновение назад я заботилась лишь о себе, а теперь на моих плечах словно оказались проблемы всей империи. Сделать я ничего не могла, но и перестать думать о них тоже.

— Но почему он умирает? Вы так и не ответили. — Обида и гнев пропали. Осталась лишь обеспокоенность после услышанного.

Бенедикт прикрыл глаза, заставив меня отметить длину его ресниц. Я вспомнила наш поцелуй, но лишь за тем, чтобы сразу же избавиться от отвлекающих мыслей.

Я не должна об этом думать. По крайней мере не сейчас.

— Яд. Не обычный, а из двух веществ, такой невозможно нейтрализовать противоядием. Ну, по крайней мере не теперь. Пока жертва принимает первый вид вещества, он распространяется по организму, забирается в легкие, почки, селезенку и копится в сердце. До поры до времени нет никаких симптомов. Но стоит принять второе вещество, и смерть неизбежна. Битва проиграна, так и не начавшись. — Глубокий сильный голос ректора пробирал до мурашек.

Я читала о таком яде в гримуаре, но рецепта там не было, как и противоядия.

— Нашли того, кто это совершил? — взволнованно спросила я.

— Да, — кивнул Бенедикт. — Его уже казнили.

— Но почему он это сделал?

— Слишком много вопросов, Эльза. Ты ведь понимаешь, что мы и так обсуждаем имперскую тайну? Надеюсь, не стоит напоминать тебе о том, чтобы ты держала язык за зубами? — искоса глянув на меня, осведомился он.

— Нет, я все понимаю. Но меня интересует другое... — Мой взгляд метался по комнате. Я никак не могла выбрать, на что смотреть, и постоянно, словно притягиваемая магнитом, возвращалась глазами к Бенедикту. — При чем здесь я? Пока я не вижу никаких связей. Может, мое внимание просто решили отвлечь? Вдруг новости про императора — чужь? Хотя нет, не похоже.

— Поэтому мы здесь. Я собираюсь выложить перед тобой все карты. Почти все, — неожиданно признался он. — Я хочу, чтобы ты изготовила противоядие к яду, которым отравили императора. Ему ты не поможешь, но в будущем это пригодится.

— Я не смогу! — возразила я, вскакивая со стула и садясь на него вновь.

— Сможешь, — с необычайной уверенностью заявил он. — Не сразу, но со временем. Ты талантлива.

— Ты уже говорил это.

— Могу повторить еще несколько раз, — упрямо твердил ректор.

Его сладкие слова, подобно заклятию, забирались глубоко в душу. Ведь когда в тебя верят, это многое значит.

— Лишь ради этого я «случайно» оказалась на отборе?

— Не совсем. Я пока не готов рассказать тебе все, но это одна из причин. — На мгновение замолчав, он продолжил, словно решив до самого конца играть на моих обнаженных нервах. — Хочу наблюдать за тобой. Пусть на успех понадобятся годы... Но я вижу потенциал и готов подождать. Только ничего бы не вышло, если бы ты все так же боялась меня. Это намного заметнее, чем может показаться.

Бенедикт недоговаривал. Возможно, врал. Мы оба понимали, что, если бы он изначально предложил мне гримуар, я бы наплевала на свой страх. Но это откровение насчет короля подкупило меня.

— Знаешь, что меня больше всего удивляет, Бенедикт? — спросила я, не дожидаясь ответа, продолжила: — Ты постоянно говоришь о двуличии, но противоречишь собственным убеждениям.

Мужчина поднялся на ноги и, стремительно обогнув стол, склонился, подцепляя рукой локон моих волос и заставляя дыхание сбиться.

— Противоречу убеждениям? О нет, Эльза. Я много лгу — положение обязывает, и ничего с этим не поделать. Честным быть невозможно. Но в своем отношении к человеку я зачастую прямолинейна. Безразличие, ненависть, любопытство, может быть, страсть... Мое отношение никогда не меняется из-за выгоды. — Его пальцы коснулись моего подбородка, поднимая голову, а я загнипнотизированно смотрела в его карие глаза не в силах пошевелиться. — И ты, похоже, точно такая же.

Опустив руку, Бенедикт отошел. Но кожа там, где он касался, горела, словно навсегда запечатлев тепло его пальцев. Чувства, вызванные этим прикосновением, одновременно будоражили и оскорбляли меня.

Было противно осознавать, что я одна из этих девушек, питающих к нему слабость, и не могу устоять... Сокрушительный удар по моему самолюбию.

«Или я выберу тебя...»

Почему я раньше не вспомнила о его угрозе?

— Ты заставляешь меня злиться, — хрипло пробормотала я, неотрывно следя за движениями ректора.

— Почему же?

— Потому что я теряю контроль. — Почему-то именно ему в этом было не стыдно признаваться.

— Меня тоже это поначалу раздражало. — Мужчина неожиданно понимающе улыбнулся и туманно добавил: — Но со временем принимаешь...

Глава 14. Следователь

Я зашла в банк — здание, полностью выполненное из белого камня, подобно храму. Ячейка стоила дорого, но цена самой жемчужины перечеркивала ее стоимость в несколько раз. До начала занятий оставался час, и я надеялась вовремя закончить все дела и успеть добежать до замка.

Первый этап отбора завершился, и вчера я вместе с остальными участницами вернулась на воздушном корабле в Бурсбург. Вспоминать то, какой эффект произвела моя победа на остальных невест, совсем не хотелось. Он был предсказуем. Правда, Клара оставалась спокойной и даже поздравила меня. А когда я рассказала ей о том, что мне пришлось раздеться на испытании, долго смотрела на меня недоверчивым взглядом.

— Я понимаю, почему ты злишься, — сидя в кресле, серьезным тоном сказала она. — Бурсбург еще не пришел к этому, но в столице подглядывание многие бы обязательно обратились к стражам правопорядка. Одна загвоздка — ректор из имперского рода.

— Он выше всех законов? — догадалась я.

— Верно, — кивнула Клара. — Только не передавай никому мои слова. Сама понимаешь, на работе меня по головке за них не погладят.

Я согласилась молчать. Хотя истина не стала для меня неожиданностью — закон не работает против тех, кто его сотворил. Но гнева я уже не испытывала, ситуация с императором занимала все мои мысли. И я пообещала Бенедикту подумать о работе над противоядием. Откровенно говоря, я понемногу начинала понимать мужчину — его поступки, мотивацию и эмоции. Хотя в моем паззле, очевидно, не хватало нескольких важных кусочков информации, чтобы видеть картину целиком.

С начала отбора Бенедикт словно сердился на меня, отталкивал, даже не осознавая того, как сильно ранит, по капле вызывая ненависть. Но теперь что-то в нем переменялось. Ректор больше не грубил, не принуждал и посвящал в важную тайну. И даже к решению подумать отнесся весьма спокойно, предоставив время до следующего этапа отбора.

Подойдя к работнику банка, я договорилась об открытии ячейки и оплатила ее на несколько месяцев вперед сбережениями, что копила на окончание академии и переезд в столицу.

Жемчужину опасно было хранить в общежитии или носить с собой. Не хотелось прослыть простофилей, упустившей свою драгоценность и не обеспечившей ей должную охрану.

Когда формальности были соблюдены, меня отвели в хранилище и открыли арендованную ячейку, оставив с ней наедине. Положив внутрь сверток, я закрыла дверцу, надавив на нее до хлесткого щелчка запирающего механизма.

Сжимая в ладони прямоугольный кусочек металла с начертанными по всей его плоскости заклинаниями, коснулась им ячейки, активируя магическую часть защиты. Мелкие молнии пробежали по стенам хранилища, а воздух наполнился громким стрекотом.

Магия свершилась. Оставалось лишь гадать, какое колдовство использовалось для защиты ценностей.

Развернувшись, я направилась к выходу. Работник банка, ожидавший снаружи, проводил меня наверх, дав последние наставления о хранении ключа-артефакта — не окунать в воду и никому не передавать.

Спрятав пластину глубоко в сумке, я покинула здание банка и поспешила в академию.

Яркое солнце поднялось высоко над горизонтом, но теснящиеся друг к другу дома закрывали большую часть улицы тенями. Я выбрала самый короткий путь — через рынок, где постоянно сменялись ароматы выпечки, свежей рыбы и мяса. Торговцы зазывали покупателей, и их голоса сливались в громкий гул. На одном из прилавков продавали одежду: носки, блузки, юбки, брюки — темно-синих и грязно-коричневых оттенков, на другом, на растянутых между двух столбиков веревках, висели газеты.

Башни замка академии уже призывно маячили над крышами домов.

— Последние события имперского отбора! Фото всех невест! Кто хочет посмотреть на красавиц? Мистер, вы не желаете?! По вашему взгляду понимаю, что да. Подходите. Всего двадцать пять нисков!

Я обернулась на тощего парнишку-продавца как раз в тот момент, когда он подмигивал пузатому мужчине, задумчиво почесывающему затылок.

— Хорошо, давай одну, — согласился покупатель, протягивая монеты.

Паренек, светясь от радости, передал ему отпечатанный в цвете экземпляр «Ежедневника столицы». Не отходя от прилавка, мужчина с интересом раскрыл газету.

— Можно мне тоже одну, — проговорила я, протягивая монетки. Я старательно делала вид, что у меня чешется нос, закрывая ладонью пол-лица. — Только побыстрее, я спешу.

Грузный мужчина рядом тяжело дышал — видимо, из-за веса он страдал одышкой.

— Возьмите. — Вытащив из-под прилавка газету, паренек протянул ее мне.

— Так это же ты! — неожиданно громко пробубнили надо мной. Мужчина переводил взгляд с меня на страницу издания. Лицо его выглядело крайне глупым.

— Не я. Вам показалось, — заявила я, убирая газету в сумку. Повернувшись в сторону академии, я поспешила уйти.

— Смотри, пацан, — донесся голос мужика. По всей видимости, он тыкал пальцем на снимок.

— Немного накрашена, но это она. Я лица хорошо различаю.

— И то верно... — пораженно ответил продавец.

Не оглядываясь, я прибавила шаг, косясь на лежащую в сумке газету. Прежнего недовольства я не испытывала — за прошедшие дни успела смириться с отбором и своей ролью в нем. Но беспокойство возникло по иной причине — теперь мистер Спригатто обязательно узнает причину моего отсутствия.

Саранча будет просто адски зол!

Мои губы растянулись в ироничной улыбке — что-что, а ругань хозяина лавки мне слышать не впервой. Но в этот раз было по-особенному тревожно. Когда я захочу уйти по-настоящему, дело приобретет опасный поворот.

Уже подходя к академии и уверившись, что у меня есть несколько минут до начала занятий, я зашла в проулок между домами, вытащила газету из сумки и развернула ее.

Бумага приятно скрипела. На первой странице виднелось крупное фото ректора.

Студенты от шока подавятся, когда увидят его не в привычной «рясе».

Бенедикт со страницы смотрел прямо на меня, почти такой же, как в жизни, — величественный и красивый. Но в отличие от реальности, он выглядел намного дружелюбнее и менее опасным.

Я неопределенно покачала головой, уже устав копаться в своих мыслях и чувствах к нему.

Время все расставит на места. Оно всегда помогает.

Общий снимок претенденток напечатали мелко, и не задерживаясь на нем, я перевернула страницу. Пошли крупные парные снимки, под которыми писалось имя девушки и ее статус — студентка академии или род деятельности у тех, кто академию уже окончил.

«Теперь я смогу запомнить имена всех участниц», — подумала я, задерживаясь взглядом на снимке ректора с Тарт, — они держались за руки.

Неприятно. Обидно. Кажется, я даже ревную.

Но у меня ведь нет оснований для собственнических чувств!

Что ж, надо быть честной хотя бы с собой — похоже, меня тянет к ректору собственной академии. Но хорошая новость в том, что у него ко мне тоже имеется личный интерес, а плохая — я совсем не понимаю, что мне со всем этим делать.

Пробормотав себе под нос ругательства, я разом перевернула несколько страниц и натолкнулась на снимок Бенедикта со мной.

Я застыла, все так же крепко зажав страницу между пальцев. Ее края трепал легкий ветерок, заблудившийся между стенами домов. Громко выдохнув, я закрыла газету, покраснев до кончиков ушей.

Я помнила, как была зла в тот момент на Бенедикта, да и ректор испытывал похожие чувства.

Но снимок будто искажал реальность. Или, может быть, наоборот, обнажал истину?

Искрящая страсть, выставленные напоказ желания и устремленные друг на друга взгляды. Я тону в нем, а он во мне. Собственный мир на двоих, и нет в нем суши, от края до края сплошная вода.

Как же странно! Все выглядит так, будто, выжди фотограф несколько секунд, и он бы запечатлел поцелуй.

— Увидела снимки? — Услышав голос, я встрепенулась. В просвете между домами стояла Клара. — Да, занятные. Я тоже обратила внимание.

Это был укор или просто замечание?

Девушка подошла ближе, заглядывая в газету. Одета в красно-бардовый бархатный камзол с черной каймой и такого же цвета пуговицами, она выглядела внушительно и гордо. Волнистые волосы опускались ниже плеч, а передние локоны были собраны заколкой на затылке.

— В столице уже наверняка знают о твоей победе на первом испытании, а скоро проведает и в Бурбурге. Это может создать трудности, — протянула Клара, поджав губы. — Но с другой стороны, это всего лишь означает, что нам надо быть осторожнее.

— К чему ты это говоришь? — Мало того, что она каким-то образом нашла меня в этом закоулке, так и вела себя крайне странно.

— Тебя ведь отравили недавно?

— Да, но откуда...

— Начальство сообщило. Так вышло, что не могу я сидеть без дела. Буду расследовать это происшествие. — Клара крутанулась на каблуках и посмотрела на улицу в просвете. — Нельзя пускать все на самотек. За подобные поступки необходимо наказывать. Преступник никогда не останавливается, с каждым разом он идет все дальше и дальше.

Я прошла вперед, заглядывая девушке в лицо, — ее глаза сияли колдовским светом.

— Ничего себе! Я и не знала, что ты в связке с духом. Кто у тебя? — Стоило мне спросить, и магия пропала.

Связь между человеком и его питомцем возникала редко. Первое условие — хозяин зверушки должен быть практикующим магом, второе — любовь и забота. Ведь они прекрасно чувствуют ложь и понимают, когда их используют. Если магическая связь появилась, то есть шанс, что даже после смерти твой друг останется в мире живых в форме духа, отыскав местечко в твоём сердце.

— Сова, — склонив голову, отозвалась Клара.

— Ничего что сейчас день?

— Она привыкла. Хотя я стараюсь призывать ее вечером или ночью.

— Ты ведь благодаря ей нашла меня? — догадалась я.

— Да, увидела сверху, — подтвердила девушка.

Клара могла смотреть глазами своей совы.

Мой взгляд наполнился восхищением. Я хотела расспросить подробнее, но неожиданно до ушей донесся отдаленный звонок.

— Блин, заговоришься! Опоздываю! — переполошилась я, выходя на улицу. — Ты идешь? Я могу по дороге рассказать обо всем, что знаю.

— Да. Будет замечательно, — кивнула девушка, срываясь с места.

Если я едва не бежала с сумкой наперевес, то Клара быстро и широко шагала, одетая в удобные брюки. Мы обогнули фонтан на площади и вошли на территорию академии.

— Думаю, что мне подлили «Синюшное зелье». Я его не готовила, но изучала. Конечно, я могу ошибаться, но только оно, кроме настоящего алкоголя, способно опьянить за считанные минуты. И по моим предположениям, это совершили в раздевалке. Там висит бутылка с водой, — поспешно поведала я.

Клара задала несколько вопросов о дне отравления и местах, где я бывала. Память у меня была отличной, поэтому я вспомнила даже незначительные мелочи. Но упомянув о встрече с ректором в коридоре, я задумалась, а стоило ли? Все же Клара оставалась претенденткой. Я знала лишь одно — о нашем с Бенедиктом поцелуе точно следовало молчать.

— Сейчас я на службе, Эльза, поэтому мне абсолютно безразлично, как часто ты встречаешься с Бенедиктом Карром. Даже если между вами есть связь, меня это не тронет, — прошептала она, заметив мои сомнения. Мы остановились у нужной мне аудитории в уже опустевшем коридоре.

— Я достаточно умна, что распознать момент, когда стала лишней и больше не навязываться. Поэтому можешь мне доверять.

Клара дружелюбно улыбнулась, на мгновение словно озарив светом темные коридоры академии.

И я ей поверила. Магия это или гипноз, мне просто захотелось ей довериться, даже больше, чем Маргарет. Хотя это и несправедливо по отношению к подруге.

Я качнула головой, надеясь избавиться от наваждения, но оно никуда не исчезло.

— Ладно, я поняла. Связи между нами нет, но рассказать есть о чем. Только позже, — ответила я и, скосив взгляд на ближайшую дверь, добавила: — Сейчас я вроде как на занятие опоздываю.

— Тогда позже встретимся, а я пока осмотрюсь.

— Да. Договорились, — кивнула я.

Мы попрощались, и я, не дожидаясь ухода девушки, постучалась и вошла в аудиторию.

Глава 15. Расследование

— Вот, держи. — Маргарет протянула мне конверт.

— Что это? — Плотная бумага оказалась шершавой на ощупь.

Мы с подругой торопились на следующее занятие. На предыдущем меня лишили одного балла за опоздание. Вообще, у магистра была привычка не впускать опоздавших студентов, но похоже, в этот раз помог мой статус участницы отбора. Ну и еще я случайно заметила на столе преподавателя выпуск «Ежедневника столицы».

— Доставили после твоего ухода, — ответила Маргарет, кивая в знак приветствия знакомой девушке, проходящей мимо.

Я вновь с опаской уставилась на конверт.

Словно какое-то секретное послание или ловушка...

— Ты будешь открывать?

— Да. Только в аудитории, — откликнулась я.

В моей сумке как раз завалялись перчатки для зельеварения. Точнее, у меня всегда была с собой свежая пара во внутреннем боковом кармашке.

Конверт без подписи внушал опасения и наталкивал на воспоминания. Я прекрасно помнила, чем закончилось прочтение чужого послания в прошлый раз, — похищением. До сих пор злился способ, которым его провернули. Я давно так по-дурацки себя не чувствовала.

— Боишься? — догадалась Маргарет, преграждая путь. — Ты ведь в академии. Хочешь, я его открою? У тебя боевая магия на порядок лучше моей, и в случае отравления ты тоже намного быстрее отыщешь противоядие.

Мы остановились в центре коридора, перегородив дорогу другим студентам.

— Не замечала у тебя склонности к самопожертвованию, Маргарет, — с трудом найдя что сказать, заметила я.

— Но это же ты. — На лице подруги отразилось непоколебимое доверие и искренность. Будто предложи ей отдать свою жизнь в обмен на спасение моей, и она без сомнений согласится.

Мы уже знакомы пятый год, а она до сих пор меня удивляет.

— Дурочка... — улыбнувшись, переводя все в шутку, откликнулась я.

— От еще большей дурынды слышу. Думаешь, я не замечаю, как тебя что-то держит на этом отборе? Или кто-то? — с усмешкой на губах парировала она, растеряв всю серьезность. Я несколько раз открывала рот, но, так и не найдя подходящих слов, пробормотала лишь опостылевшее: «Извини».

— Не оправдывайся, я все понимаю. Поэтому и предлагаю помощь, не пренебрегай ею и не недооценивай меня. — Маргарет сложила руки на груди и вкрадчиво спросила: — Так тебе необходима моя помощь?

Мне не хотелось вмешивать подругу в хаос, в который превратилась моя жизнь, — я во многом сомневалась, многого опасалась, и, несмотря на все, продолжала быть в гуще событий.

Как Маргарет отреагирует, узнав о скорой смерти императора? Или как отнесется к договору с ректором?

Нет, она ничем не сможет мне помочь, лишь сама изведется. Поэтому ради ее же блага я обязана промолчать.

— Спасибо, Маргарет, но пока я справляюсь со всем самостоятельно. — Я должна была выглядеть убедительной, чтобы подруга отступилась. И судя по красноречивому молчанию девушки — у меня получилось. — А теперь идем, два опоздания за день будет для меня слишком.

В молчании мы направились к нужной нам аудитории. Но ни на какое занятие ни я, ни Маргарет так и не попали — весь наш курс направили в ректорскую башню, в которой на один этаж ниже от главы академии восседала представитель отдела правопорядка Клара Раженская, вызвавшая нас на допрос.

Студенты заходили по одному и находились в помещении не более десяти минут. В момент, когда дверь открывалась, выпуская очередного учащегося из плена душного кабинета, раздавался сухой командный голос:

— Следующий!

Студенты стояли группками и обреченно вздыхали, маясь от скуки. И никому не пришло в голову, что следователь за стеной была одной из претенденток на отборе, пока моя сокурсница не хлопнула дверью, раздраженно прошипев:

— Стерва! А на отборе такой безобидной казалась. — Гневный взгляд девушки встретился со спокойным моим: — Что, пойдешь доложишь? Это ведь из-за тебя твоя подруга держит нас здесь?

Первые обвинения... А я гадала, когда же это произойдет.

— Нет. Она держит нас из-за человека, который меня отравил. — Краем глаза я заметила, как Маргарет придвинулась ближе и нахмурила брови.

Сокурсница зло фыркнула и промолчала.

Вскоре из «допросной» вышла Мелания, бледная, словно мел. Она поджимала губы и казалась взволнованной.

— Следующий!

С неохотой оторвавшись от разглядывания Тарт, я проскользнула в кабинет.

Помещение выглядело мрачно, окно закрывали плотные черные шторы, а обшарпанные стены нагоняли уныние.

«Будто тюремная камера...» — галопом пронеслась мысль в моей голове. Но, конечно, это всего лишь игра воображения, скорее всего, еще этим утром комната была заброшенным чуланом, быстро переделанным под допросную.

Я села за стол и продолжила рассказ, начатый утром, умолчав о поцелуе, но не забыв поведать про потерянное в кабинете ректора сознание. Клара, что до этого молчаливо слушала, начала задавать вопросы, и я сама не заметила, как стала путаться.

— Ректор назвал тебя проблемой? Почему раньше не рассказала об это? И он сказал так лишь из-за отравления или было что-то еще? — откинувшись на спинку кресла, спросила она.

— Только что вспомнила, поэтому и не рассказала. А проблемой назвал из-за моих постоянных с ним пререканий. Я ведь с самого начала не хотела участвовать в отборе, — как можно спокойнее ответила я.

Клара была настолько дотошной и внимательной, что я засомневалась в том, что смогу сохранить поцелуй в секрете. Хотя расскажи я о нем, и это неминуемо приведет девушку к нашей с Бенедиктом договоренности.

«Нет, буду молчать до последнего», — мысленно решила я.

Клара вздохнула.

Умная, опытная и знает, как запутать, несмотря на свой молодой возраст, — ведь согласно критериям отбора, она старше меня не более чем на пять лет.

— Ясно. — Магический карандаш со стуком опустился на поверхность стола. Все что Клара записывала им на листе бумаги, не сотрет никто, кроме нее самой, и пергамент, судя по зеленоватому оттенку, был несгораемым. — То, что ты пытаешься скрыть, как-то связано с отравлением?

Сердце застучало чаще. Я сглотнула. Воздух в комнате словно отяжелел.

— Нет, — будто издалека услышала собственный голос, налившийся свинцом, — когда на меня давили, я отвечала тем же.

— Хорошо. — Клара расслабилась. — Знаешь, я думаю, твоя версия произошедшего очень любопытна. Те, кто до меня проверяли бутыл в раздевалке, ничего не нашли, но они не обратили внимания на одну мелкую, но важную деталь — сменились инициалы изготовителя. Фамилия та же, но первая буква имени иная. Создатель не отец, а сын. Из-за предосторожности некто заменил старый бутыл новым. Неудивительно, что ваши магистры не заметили. Восприняла я новость сдержанно, еще не успев абстрагироваться от недавнего давления.

— И что же теперь? — положив локти на стол, перед которым сидела, спросила я.

— Пока не знаю. Но очень скоро придумаю, не беспокойся, — заверила меня Клара.

Нахмурившись, я задумчиво прикусила верхнюю губу.

— Мне известно несколько лавок, где могли нелегально продать Синюшное зелье. В обычном заведении его не приобрести. Версию с варевом надо обязательно проверить, — выдала я.

— Я подумаю над этим, — кивнула девушка. Взгляд Клары прыгал от меня к двери. Не дожидаясь, пока меня попросят выйти, я попрощалась и покинула кабинет.

Голова гудела, но несмотря на это, усталости я не чувствовала. Дождавшись Маргарет, отправилась вместе с ней домой. Из-за допроса всех студентов старшего курса отпустили с занятий раньше обычного.

Покинув замок академии, я несколько раз оглядывалась, чувствуя на себе чужой взгляд. Будто невидимая ниточка связывала меня с кем-то внутри здания. Закрыв глаза и сосредоточившись, я попыталась отыскать источник притяжения. Неожиданно на губах разлился освежающий вкус мяты, лицо обдуло холодным ветерком, а в глазах на мгновение потемнело. Когда краски окружающего мира возникли вновь — притяжение исчезло.

Вечерело. Маргарет убежала по своим делам, оставив меня одну.

Разобравшись с малой долей домашней работы, я лежала на кровати, изучая трещины в потолке. Наша комната в общежитии представляла собой удручающее зрелище — поцарапанный стол, железные пружинные кровати, ветхие занавески и подержанные стулья с мягкой спинкой, которые купили мы с подругой под конец второго курса.

За последнее время я успела несколько раз прокрутить в голове наш разговор с Бенедиктом. Мне льстила его уверенность во мне. В тот момент, когда он убежденно повторял, что я смогу изобрести противоядие, его голос воздействовал на тонкие струны моей души, вызывая симпатию. Даже не думала, что слова ректора способны так сильно повлиять на меня.

Но как может приготовить противоядие та, что никогда их не изготавливала? На данный момент — никак. И дураку понятно: у меня недостаточно знаний. Если я соглашусь, меня вновь ожидают долгие годы учебы.

Взгляд остановился на сумке, лежащей на полу.

Конверт! Из-за суматохи с допросом я совсем о нем забыла.

Сев на кровати, я дотянулась до сумки и подняла ее к себе. Достав новые перчатки, надела их, произнесла заклятие щита, что блеснул вокруг меня радужной оболочкой, и лишь потом взялась за послание.

В этот раз я действовала крайне осторожно. Прошлый урок я уяснила на «отлично».

Внутри конверта лежала прямоугольная черная карточка, на которой красными чернилами виднелась надпись:

«

Поздравляем вас с прохождением во второй этап отбора!

Чуть ниже вы можете ознакомиться с именами претенденток, которые также успешно прошли в следующий этап

».

С минуту я глядела на перечень, который сливался перед глазами в единое чернильное пятно, пока не осознала: никого из девушек, чьи имена я записала в отчете для ректора, в списке не оказалось!

Всего тринадцать имен, а вместе со мной — четырнадцать участниц. Бенедикт исключил сразу десятих. Не слишком ли это?

Что он задумал? Ладно, с одной стороны мне плевать, пусть исключает кого хочет, но с другой стороны стало тревожно. Его мысли для меня как ларец под семью замками. Парочку ключей, возможно, я уже отыскала, но оставалось еще пять.

И зачем гадать? Увижу и спрошу. Не факт, что Бенедикт мне ответит, но попытаться стоит.

Отложив послание, я решила отвлечься. Обувшись и покинув комнату, отправилась на кухню, чтобы перекусить. Часть первого этажа общежития выделили под общую зону, в которой находилась просторная гостиная, кухня и столовая. Большинство студентов никогда в те комнаты не заглядывали, предпочитая запирались в своих спальнях и обедать в дешевых тавернах поблизости. Но я ценила каждую копейку, поэтому часто покупала себе продукты.

Преодолев путь в несколько этажей до кухни, я решила не мудрить и сделать парочку бутербродов. На самой нижней полке холодного ящика я прятала свой стратегический запас. О нем знала лишь Маргарет и нередко покушалась, потом донося съеденное.

Развернувшись к столу и отрезав кусочек хлеба и сыра, я пробормотала заклятие нагрева, имевшее три уровня воздействия: слабый, средний и сильный. Дождавшись, когда сыр растечется по ломту и запузырится, я отменила колдовство. Быстренько съев бутерброд, вытерла руки о полотенце.

За окном кухни уже темнело, последние лучи солнца окрашивали облака в багряный оттенок.

Выпив чистой воды, я вышла из кухни в коридор.

— Да ты безумец! — донеслось из гостиной. — Когда собираешься все проверить?

— Не знаю. Ищу подходящий момент, — ответил Патрик. Его голос я бы узнала даже спросонья.

Вместо того чтобы уйти, я замерла у дверей в гостиную, продолжая слушать. Пахло авантюрой.

— И если она согласится... — весело и с намеком продолжил незнакомец.

— Хотя в тот же вечер, чтобы никто нас не остановил.

— Шустрый! — Послышался хлопок. Кажется, говоривший ударил Патрика по плечу. — Хотя нет... Ты хитрый! Выжидал до последнего. Ты ведь расскажешь мне подробности?

— Какие? — озадаченно спросил парень.

— Как она в постели? Непреступная Эльза должна быть очень страстной. С такими, как она, всегда так.

Я отшатнулась, словно получив пощечину. Патрик за ветхой дверью смущенно рассмеялся.

— Не думаю, что все произойдет так быстро. Ей ведь надо будет привыкнуть.

— К чему?! — Вновь раздался противный смех, и я только теперь узнала приятеля Патрика, провожавшего меня на воздушный корабль. — К твоему другу?

Чужой хохот эхом разнесся в моем сознании.

Я подняла ладонь, проводя рукой по волосам. Что-то внутри меня саднило и зудело.

«Разочарование», — подсказал внутренний голос.

Я глубоко вдохнула, собираясь остаться и дослушать до конца. Хотелось подтвердить только что возникшую догадку. Но ярость, жаркая и почти безумная, застилала глаза. И я вынуждена была уйти, чтобы не натворить глупостей и не попасться.

Мы дружили с парнем с первого курса, и я, гордившаяся своей проницательностью и умением разбираться в людях, оступилась и ошиблась в нем.

Тихо, на цыпочках, я преодолела коридор на первом этаже и остановилась у самой лестницы, неподалеку от главного входа.

Каждый день приносит мне новые сюрпризы...

Внезапно дверь скрипнула, и я вскинула голову, привлеченная шумом.

— Клара?! — удивилась, заметив гостью. — Ты пришла снова кого-то допросить?

На девушке был надет плащ с капюшоном, откинутым назад.

— Нет, я к тебе. Помнишь, ты обещала показать мне лавки, что изготавливают Синюшное зелье? — отыскав меня взглядом, откликнулась она.

— Да, конечно, — согласилась я. — Когда пойдем?

— Прямо сейчас. Конечно, если ты свободна, — огорошила Клара.

С другой стороны, мне бы не помешало проветриться...

— Ладно. Только подожди, я переоденусь, — кивнула я, устремляясь вверх по лестнице.

Глава 16. Вечер встреч

Вечером теневая улица представляла собой малопривлекательное место, впрочем, как и днем. Но с наступлением темноты, когда в грязных окнах домов загорались зловещие красные огоньки, являвшиеся единственным источником света, все опасные личности выползали из нор. Еще в первый год я уяснила одно правило — лучше держаться ближе к витринам, где освещение ярче всего, и не соваться в центр дороги. Там ходили три вида путников — простофили, не разобравшиеся в правилах этого места, всевозможные карманники, и те, кто внушает страх даже наглым вора.

Бурсбург был моей родиной, и я знала его теньевые правила. К сожалению, реальные законы империи в этом месте играли малую роль. Зачастую те же служители правопорядка пользовались услугами местных воров и убийц и покупали запрещенные товары.

— Нет, не надо. — Я перехватила ладонь Клары, поняв, что она собирается призвать свет. — Сделаешь это, и нас не впустят ни в одну лавку, а скорее всего вышвырнут прочь на другую улицу.

Клара сдержанно кивнула. Мы двинулись дальше.

Я не слышала шагов девушки, она кралась как кошка.

— Ты довольно много знаешь, — заметила Клара.

— Я же сирота. Многое пришлось узнавать самостоятельно, а еще научиться быстро приспосабливаться.

— Ерунда, это в крови. Сирота или богатенький отпрыск, если кто-то мыслит иначе, не боясь искать новые возможности, происхождение роли не играет.

— Ищет возможности? Мне казалось, это называется безрассудством. По крайней мере, в приюте мне постоянно твердили о моей глупости и отсутствии инстинкта самосохранения, — хмыкнула я, вспомнив нравоучения воспитательницы.

— Иногда и это имеет место быть. Какой случай твой, я пока не разобралась, — согласилась Клара.

— Да уж... — прошептала я.

Высоко над нами пролетела сова, порою ее крылья окрашивались красно-оранжевым, превращая маленькое призрачное тельце в летающий факел. Но если она и привлекала чье-то внимание, то виду никто не подавал.

Осмотревшись, я указала на первую лавку, где на черном фасаде виднелись нарисованные потрескавшейся желтой краской цветы. Линии рисунка изяществом не отличались и напоминали работу десятилетнего ребенка.

— Ее держит мадам Рашка. Главная конкурентка заведения, в котором работаю я. Мистер Спригатто постоянно жалуется на нее, говорит, раньше она полностью копировала наш ассортимент. Сейчас у нее это не выходит — нет подходящего зельевара, но женщина отыскала другое увлекательное занятие — воровать наши ингредиенты. Договаривается с собирателями и перекупает, — сделала краткий экскурс в историю.

Мы стояли так близко, что я уловила тихое равномерное Клары, по сравнению с моим, громким и сбивчивым, оно было едва слышимым. Девушка совсем не волновалась.

— Если она копировала ваш ассортимент, но ты говоришь, что сама «Синюшное зелье» не готовила... — протянула Клара, раздумывая вслух

— Работница, что находилась там до меня, точно готовила. Когда я устраивалась, мне показывали список зелий, которые я обязана была варить. Но я отказалась от некоторых, сославшись, что не смогу их сотворить, — с готовностью ответила я. — Это точно не мое зелье, поверь, я бы поняла. Травиться своими зельями и порошками мне уже случалось.

— Верю, — сказала Клара, добавив: — Не обижайся на меня, я привыкла во всем сомневаться.

— Как и я. Никаких обид, — мирно улыбнувшись, согласилась я.

Показывая лавки, я уводила нас все дальше на восток — в опасную часть теневой улицы. Красные огни казались алее, и даже у фасадов зданий становилось небезопасно. В какой-то момент мы поменялись местами, Клара шла чуть впереди, закрывая меня собой.

Осталось еще одно место... Но будет правильнее показать его днем.

Неожиданно девушка остановилась, а я, задумавшись, врезалась в нее.

— Осторожнее, — раздался грубый прокуренный мужской голос. Громила, вышедший из здания, пихнул Клару в плечо.

— Извините, — пробормотала девушка, опустив голову.

Громила с поредевшими волосами и небритым двойным подбородком остановился и схватил мясистой рукой ее за подбородок. Я дернулась, собираясь помочь, но ладонь Клары резко взметнулась вверх, останавливая меня.

Застыв на месте, я перебирала в памяти боевые заклиния. Сердце стучало быстро и громко, словно несясь по ухабам, а зрение и слух стали острее от адреналина, разносимого по венам.

— Красивая девка. Работу ищешь? — прорычал незнакомец. — Я могу помочь тебе в поиске. Клара тихо зашептала заклинание. Слов не разобрали ни я, ни громила, за спиной которого остановились люди, выходившие из здания.

— Нет, не ищу. — Ее ладонь, окутанная белым светом, вцепилась в массивное мужское запястье. Громила закричал, пригибаясь к земле и наконец убирая руку от лица Клары. — Мы просто гуляем.

— Магичка, — прохрипел он. — Отпусти. Разойдемся. Со всеми нами тебе все равно не справиться.

Клара ослабила хватку. Незнакомец распрямился, оценивающе разглядывая нас.

— Эльза, — послышался выразительный голос. На свет вышел один из братьев Спригатто с котелком на голове. Он был даже выше, чем хозяин моей лавки, и так же худ, правда, не насколько бледен.

Клара отпустила громилу и отступила ближе ко мне. Спригатто старший следил за движениями девушки с ленивой небрежностью — она совсем его не интересовала.

— Добрый вечер, господин Фарб, — отозвалась я, сомневаясь, правильно ли вспомнила его имя.

— Мой брат ищет тебя, — мягко, растягивая слова, сказал Спригатто. Окружающие его люди, похожие на зловещие тени, молчали — то ли боясь Фарба, то ли просто решив не вмешиваться.

— Я отправила весточку о причине своего отсутствия, но хотела в ближайшее время зайти лично и объясниться. — Шагнув вперед, я оказалась ближе к мужчине

— Ох, мы все знаем, почему ты пропала. — Он зловеще усмехнулся и совершенно неожиданно добавил: — Я всегда видел в тебе потенциал, но мой брат слишком заиклен на своих зельях. Я бы мог тебя многому научить и предупредить события, которые тебе не по нраву. Надо лишь захотеть.

За все есть своя цена, и я не сомневалась, что оплата услуг старшего Спригатто дорого мне обойдется. Стоит лишь войти в теневой мир, и потом не отмоешься. Я заглянула в него краем глаза, а он уже затягивал меня с головой, подобно зыбучей трясине.

Я молчала. Фарб перестал ухмыляться.

— Значит, не желаешь, — вынес вердикт он. — Что ж, твой выбор. Зайди к брату, он нервничает.

— Хорошо, — вымолвила я.

— Прощай, — бросил Фарб. И, не оглядываясь на своих людей, словно отдавая приказ, хлестко произнес: — Идемте.

Мы остались одни. Я выдохнула, чувствуя, что давление, склонявшее меня к земле, исчезло. Чуть опустившись, оперлась руками на колени. Покинувшие меня силы возвращались медленно и с неохотой.

— Ты явно связалась с теми, с кем не стоило, — покачала головой Клара.

— Знаю, — прошептала я. — Только слишком поздно это поняла.

Девушка усмехнулась.

— Ладно, идем. Пора выбираться отсюда. — Клара взяла меня под локоть, утягивая за собой в ближайший переулок.

Оказавшись на другой улице, освещенной белым светом фонарей, мы не остановились, а пошли дальше.

— Нам надо на центральную площадь, я ведь правильно нас веду? — осведомилась Клара, озираясь по сторонам.

— Да, правильно. Но зачем нам туда? — рассеянно спросила я, перед глазами все еще стояла встреча с одним из Спригатто.

— Поужинаем, я угощаю.

— Я так не могу, — уперлась я.

Клара остановилась, укоризненно взглянув на меня.

— Перестань. Я же тоже была студенткой и тоже считала каждую копейку. Я тебя понимаю.

Идем. Ужин для нас двоих не ударит по моему карману, — настаивала она на своем, и я сдалась.

Мы вышли на центральную улицу, где, в отличие от теневой, свет исходил отовсюду — фонарей по обочинам дороги, рекламных афиш, растянутых между домами, и призывно мигающих вывесок.

— Нет-нет, — покачала я головой, когда заметила, что мы подходим все ближе к ресторану с громким названием «Хрустальный». Сверкающий фасад привлекал к себе огромное внимание. Клара рассмеялась.

— Мы не в эту драгоценную шкатулку. К твоему сведению, я бы пожалела денег даже на ужин для себя одной. Там слишком дорого. Мы вот сюда. — Девушка указала пальчиком на заведение напротив «хрустального» ресторана.

Неброское здание, выкрашенное серебристой металлической краской, имело двустворчатые двери, распахнутые настежь, над которыми в белых огнях висела вывеска с названием «Лунный свет». Это была не просто таверна, а еще и гостиница. Я слышала об этом заведении — приемлемые цены, вкусная еда, но главная загвоздка состояла в том, что обслуживали там лишь постояльцев и их гостей.

— Ты снимаешь номер в «Лунном свете»? — догадалась я. Оглянувшись на помпезный ресторан напротив, почувствовала себя невероятно глупо. За всю свою жизнь я могла вспомнить всего несколько подобных ситуаций. Одна из самых типичных, которая случалась в жизни каждого человека, — это поздороваться с кем-то, сказавшим «привет», а потом выяснить, что он обращался вовсе не к тебе. Жутко неловко.

— Да. Еще со времен учебы хотела здесь остановиться, — поделилась Клара, с довольным видом рассматривая гостиницу. — Правда, есть несколько минусов, но о них позже.

Мы направились ко входу, рядом с которым стоял работник и проверял личности клиентов.

Убедившись, что Клара одна из постояльцев, мужчина отступил в сторону, желая нам прекрасного вечера.

Не успела я насладиться обстановкой внутри — по-домашнему уютной, но не лишенной изящных вещей, — как впечатление было испорчено.

День встреч, по-другому не назовешь.

У стойки администратора стояло четверо — Широн, Валентин, Рандел и вредина блондин, имя которого я никак не могла запомнить. По ту сторону преграды находилась женщина лет сорока, курившая длинную сигару, дымок от которой сразу же уносился вверх, не успевая распространиться по заведению.

— Никакого алкоголя, — упрямо и твердо проговорила администратор, хотя по ее манере держаться я бы предположила, что она хозяйка гостиницы. — У нас до сих пор закрыт один из залов — пол перестилаем и ждем новую мебель.

Валентин повернулся, хмуро смотря на Широна с блондином. Рандел стоял с независимым видом, сложив руки на груди.

— Что? — спросил мужчина в артефактах и, пожав плечами, указал на своего друга: — Это вина Дерека. Как выпьет, совсем голову теряет.
Я опешила, наблюдала за представлением, разворачивающимся перед нами.
— Вот и минусы, — прошептала Клара. — Целых три штуки. Брюнет остановился в другом месте.
— Заткнись, — зло ответил Дерек. — Ты постоянно мухлюешь.
— Кто тебя просил садиться играть с воров? — невозмутимо отозвался Широн. Блондин заскрипел зубами.
— Хорошо. — Валентин обреченно вздохнул, вновь посмотрев на женщину за стойкой. — Если мы в двойном размере оплатим все расходы за причиненный ущерб, конфликт исчерпан? Администратор задумалась, выпуская из алых губ облачко дыма.
— Да. Запрет снимут для всех, кроме него. — Она указала на Рандела, взгляд которого стал более осознанным.
— А он что сделал? — вновь нахмурился Валентин.
— Он целовался с моими официантками. Конечно, против они не были, но у меня же не бордель. Это приличное заведение, — рассерженно сказала она, вновь прильнув к сигаре. — Пришлось уволить хороших работниц.
На Валентина было жалко смотреть. Он выглядел матушкой, расхлебывающей проблемы своих чад.
— Я не помню, — спокойно проговорил Рандел. — Вы не ошибаетесь?
— Ошибаюсь? — обманчиво тихо переспросила женщина. — Три раза! Три раза вы пили у нас! И три раза я увольняла своих девочек! Вы даже имен их не знали, называя всех одним и тем же! Если вы...
— В тройном размере! — перебил Валентин, кладя руки на стойку.
На лице Рандела пролегла в тень. Похоже, он вспомнил. А я глядела на него и чувствовала себя двояко — с одной стороны мне было без разницы, чем он занимается в свободное время, а с другой — крупницы моего расположения, возникшие за время отбора, исчезли без следа. Я не переносила бабников. Даже если сейчас жены у него нет, то когда она появится, Рандел будет ей изменять. Привычки не меняются.
— В четверном, — с коварной улыбкой протянула администратор.
— Ладно, в четверном, — недовольно согласился Валентин.
Мне стало интересно, а знала ли женщина, что перед ней стоит родственник императора? Похоже, что нет. Скорее всего, он назвался чужим именем.

«Родственник умирающего императора», — запоздало поправила саму себя. За всеми переживаниями я слишком легко забывала о трагедии, что совсем скоро сотрясет империю.

Пока Валентин перечислял, благодаря банковскому артефакту, просто баснословную сумму денег, мы с Кларой стояли в тени, маскируясь под местный антураж и дожидаясь своей очереди. Вскоре мужчины ушли в зал, так и не заметив нас, а администратора за стойкой сменила девушка помоложе.

Так и знала, что это была хозяйка!

Клара подошла к стойке, попросила столик для двоих, и уже через минуту другая девушка вела нас вглубь заведения.

— Извините, сегодня многолюдно. Один из залов закрыт на ремонт, но уже завтра его вновь откроют для посетителей, — оправдывалась официантка, провожая нас к столику у широкого окна с видом на фешенебельный ресторан в огнях.

— Подождите, а можно нам другое место? — остановилась я, поняв, кто будет сидеть поблизости.

Клара нахмурилась, тоже заметив четверку мужчин, каждый из которых держал меню, пока нас не замечая.

— К сожалению, нет, это последний свободный столик, — расстроила меня официантка.

— Не обращай внимания, идем, — махнула рукой Клара, все же решив не отказываться от вкусного ужина.

Глава 17. Притворство

«Хрустальный» — так назывался ресторан в центре Буресбурга. Названию соответствовало все, от фасада до убранства внутренних комнат. Окна, украшения, причудливые фигурки, расставленные на столах, люстры и нити с прозрачными переливающимися камушками под потолком — все было выполнено из хрусталя.

Когда внутри заведения горел свет, оно сверкало, как драгоценность. Самое дорогое и респектабельное место города. Кто-то любил его за вычурность обстановки, другие посещали из-за великолепной и разнообразной кухни, но подавляющая часть клиентов преклонялась перед тем и другим.

В отдельной комнатке с круглым столиком, ужинали двое — девушка в приталенном серебристом платье, слишком нарядном по сравнению с простыми брюками и рубашкой спутника, и мужчина.

— У вас прекрасный вкус. Здесь более ста видов вин, но вы все равно выбрали лучшее, — поигрывая красным напитком в бокале, произнесла Мелания.

Бенедикт Карр сделал глоток. Compliment его ничуть не тронул.

— Сложно определить, какой напиток лучше, а какой хуже. Любой выбор будет весьма субъективен, — холодно высказался он.

— Да, вы правы. В большей степени все зависит от искусственности дегустатора. С детства во мне воспитывали чувство прекрасного, учили правильно чувствовать и отличать посредственность от чего-то стоящего, тогда как вы были этого лишены. — Тарт наклонилась к собеседнику и продолжила тихим доверительным голосом: — Я расспросила отца о вас, и он поведал мне вашу историю, она вызывает у меня искреннее сочувствие. Надеюсь, я не оскорбила вас, затронув эту тему?

Выражение лица ректора не изменилось, но в его глазах зажегся огонек интереса.

— Будем считать, что нет. И что же вы слышали, Тарт? — спросил Бенедикт, громко опуская бокал на стол.

— Скорее всего, это лишь пустые слухи. Вы ведь знаете, обычные жители империи могут лишь предполагать. — Девушка отложила столовые приборы.

Сегодня Мелания выглядела прекрасно — скромно и привлекательно. Она всегда умела находить ту самую грань между изяществом и вульгарностью, что сводила мужчин с ума.

— Не сказал бы, что ваш отец обычный житель, — все так же холодно заметил ректор.

— Да, вы правы, у него есть связи, но все же он достаточно честен, чтобы не лезть в личные дела имперской семьи, — улыбнулась девушка.

— А вы? — приподняв бровь, спросил Бенедикт.

— А я хотела бы узнать вас поближе, — сообщила Тарт.

«Она умна, — подумал ректор. — Но слишком хитра и лжива».

— Расскажите мою историю, — выделяя каждое слово, сказал Бенедикт. — А я послушаю. Мелания склонилась еще ближе к мужчине.

— Только если вы пообещаете, что об этом никто не узнает. Пусть этот разговор останется только между нами, — шепотом попросила она, придавая обстановке некую интимность.

— Обещаю. — Слова легко сорвались с губ Бенедикта.

Тарт выдохнула и улыбнулась, будто обрадовавшись общей тайне.

— После смерти родителей вы — ребенок императора — должны были занять престол. Но из-за вашего дяди вы оказались на территории врагов, в Корфодской империи, и воспитывались в чужой семье вплоть до вашего совершеннолетия. За это время ваш дядя укрепил власть, и даже после возвращения вы не смогли занять место, принадлежащее вам по праву, ведь народ никогда не примет ребенка, воспитанного врагами. — Голос Мелании звучал все так же тихо. Бенедикт невозмутимо дослушал ее.

— Знаете, сказанное вами не похоже на слухи. Слишком правдиво. — Взяв в руки вилку и нож, мужчина стал разрезать мясо на тарелке на мелкие кусочки.

— Вы не в обиде?

— Нет. Я ведь не маленький ребенок, чтобы обижаться, — достаточно холодно ответил он. — Престол — огромная ответственность. Император — не просто титул, это в том числе ограничения. Так совпало, что я больше ценю свободу.

На лице Мелании промелькнуло разочарование, но она быстро и умело скрыла его за понимающей улыбкой.

— Ваша беспристрастность... — Неожиданно замолчав, Мелания смущенно продолжила: — Она подкупает.

— Я вам нравлюсь? — прямо спросил ректор, проницательно смотря на собеседницу.

— Будь иначе, в отборе я бы не участвовала, — сказала Тарт и, опустив взгляд, добавила: — И я очень рада, что прошла во второй этап.

Повисло молчание.

— Я люблю искренность, — отстраненно проговорил Бенедикт, будто обращался вовсе не к девушке.

Вскоре еда на тарелках закончилась, и свидание тоже. Уже не в первый раз Бенедикт приглашал одну из претенденток присоединиться к нему за ужином — это прекрасный способ разобраться в каждой и понять, подходит ли она ему.

Расплатившись, ректор вместе со спутницей покинули ресторан и остановились на крыльце, дожидаясь кареты.

Уже до боли знакомое чувство притяжения, к которому за последние два года Бенедикт успел привыкнуть, неожиданно накрыло его, и ректор явственно понял — она рядом

. Взгляд мужчины obeжал округу и уперся в окно соседнего заведения.

Эльза, еще секунду назад ни о чем не подозревавшая и отвлеченная шумной компанией распорядителей отбора, подсевших к ним с Кларой, уставилась в окно, выделяя фигуры ректора и Тарт из дюжины других людей.

Лицо Лост окаменело. На мгновение утонув во взгляде Бенедикта Карра, она отвернулась.

Бенедикт нахмурился. Окружение девушки вызвало легкую ревность, особенно один из них.

Осознание этого, словно пощечина, отрезвило его, ведь он и сам был не один.

Посадив Тарт в подъехавшую карету и быстро распрощавшись с девушкой, мужчина направился к заведению на другой стороне улицы, скрывшись в его недрах.

Глава 18. Истину не утаишь

В многолюдном помещении, на сцене в другом конце зала, стояло пианино, за которым играли задорную мелодию. После долгого и тяжелого дня, раз за разом отдаваясь эхом в моей голове, музыка принимала форму изощренной пытки.

Первым нас с Кларой увидел Широн, заметив еще на подходе к нашим местам, — сощурился, улыбнулся и поздоровался. Оставшиеся мужчины за его столом тоже оживились. Дерек хмыкнул, на лице Валентина промелькнула тревога, а взгляд Рандела, лишь мельком коснувшийся меня, вновь опустился в меню.

— Следите за нами? — пошутил Широн.

— Похоже, что да, — добавил Дерек с самодовольной улыбкой, складывая руки на груди и задирая подбородок.

— Прекращай. Эта гостиница пока не твоя, — недовольно прошептал Валентин блондину, повернувшись к нам.

— Верно, я ведь живу здесь. Поэтому давайте без подозрений, — высказалась Клара, выглядя невозмутимее всех, не считая брюнета.

Обменявшись любезностями, мы сели за столик и принялись изучать меню — я выискивала самое недорогое блюдо. Цены кусались, но желания сбежать не вызывали.

Промелькнула тень. Тихо скрипнул стул. По картонной обложке постучали.

— Да? — убирая меню в сторону, спросила я. Широн сидел рядом на соседнем стуле вполоборота, положив локти на стол и подперев ладонями подбородок. Широко улыбаясь, мужчина смотрел на меня.

Учитывая количество позвякивающих артефактов, заискивающую улыбку и изучающий взгляд, показалось, будто ко мне подседа одна из гадалок, нередко ошивающихся на городском рынке. Только в моем случае гадалка была лысой и с мужскими чертами лица.

— Куда дела жемчужину? — ласково, хлопая ресницами, поинтересовался он.

Я нахмурилась.

— Спрятала.

— Далеко и надежно?

— Да.

— Врешь, — с небывалой уверенностью протянул он. — Под матрас положила или в банк унесла. Все так делают. У некоторых фантазии хватает в полу или в стене тайник обустроить, сейф купить, но и это крайне предсказуемо.

— С какой целью интересуешься? Украсть планируешь? — прямо спросила я.

Недовольство, в связи с голодом, росло.

— Нет. Зачем? — картинно оскорбился он и, качая головой, продолжил: — Я себе не враг. Бенедикт жуть какой мстительный.

— А что тогда? — Я не стала расспрашивать о ректоре.

В этот момент к нам подошла официантка, и я указала на блюдо в меню, которое уже успела выбрать. Широн тоже сделал заказ, будто решив остаться за нашим столиком.

— Лучше арендовать несколько ячеек в разных банках, так намного надежнее. Не будут знать, где именно грабить. А проникать сразу в три или четыре — слишком много мороки. Как профессионал тебе говорю, — важно кивая, поведал Широн. — Ведь кому лучше знать, как не мне?

Несколько ячеек? Звучит умно. Только откуда у меня столько монет, чтобы оплатить их?

— А я вот не пойму одного, — Клара подалась вперед, — зачем всем и вся твердить о том, чем ты занимаешься? Извините меня, но похоже на недостаток ума.

Замечание Широна ничуть не оскорбило. Складывалось впечатление, что он, наоборот, ожидал этого вопроса.

— Чем чаще я твержу об этом, тем быстрее люди перестают воспринимать меня всерьез и совершают роковую ошибку — забывают о моих профессиональных навыках. — После его слов повеяло холодом и воцарилось тревожное молчание.

Клара сощурилась.

— Ну, значит, глупы не вы, а те, кто недооценивает вас, — холодно высказалась она.

В глазах Широна мелькнул интерес. Хотя мне показалось, что это скорее азарт. Рассказывать Кларе о себе — словно играть с огнем, иначе и не назовешь. И мужчине это нравилось.

— Странно, что никто еще не спросил, почему он с кем-то вроде нас. — Еще один пустующий стул за нашим столиком заняли. — Я про нашего вора.

Рандел сдержанно улыбнулся.

— Как раз думала об этом. — После ситуации у стойки администратора мне неловко было на него смотреть. В голову так и лезли мысли о том, как друг ректора целовался то с одной, то с другой официанткой. Воображаемые картинки сменяли друг друга и были крайне подробными. Первую он прижимал к стене, а оставшиеся две сидели у него на коленях.

— Ох, это долгая история, — протянул Широн. — Но если кто-то из вас двоих станет женой Бенедикта, я обязательно ее расскажу.

Что ж, тогда мы с Кларой, скорее всего, никогда этого не узнаем.

В этот момент нам принесли заказы. Передо мной поставили тарелку с аппетитно пахнущим мясом, у Клары на блюде лежал кусочек торта с насыщенно-красным кремом поверху. Краем глаза я заметила, что на соседний столик, помимо тарелок с едой, унесли бутылку крепкого спиртного.

Мясо оказалось вкусным, с ароматом пряных трав, поднимающимся от тарелки. Оценив стоимость блюда и мысленно пересчитав монетки в кошельке, поняла, что смогу оплатить его сама.

Неожиданно перед Кларой поставили бокал с вином. Бровь Широна вопросительно изогнулась.

— Это вам, подарок. От одного из клиентов заведения, — тем временем сказала официантка.

Оглядев зал, Клара замерла, уставившись на парня, расположившегося через несколько столов от нас. Не желая сидеть, как все обычные посетители, он развернул стул спинкой к стене и вытянул скрещенные ноги. Его голова была чуть запрокинута. В правой руке незнакомец держал бокал с янтарной жидкостью, которым отсалютовал девушке, стоило ей его заметить.

— Мне надо отойти, — охрипшим голосом сказала Клара, решительно поднимаясь.

Ее знакомый? Судя по реакции, да.

Девушка отошла, а я осталась одна с двумя мужчинами. За нашим столиком воцарилась атмосфера неловкости.

Я уткнулась в тарелку — мне никак не приходило в голову, о чем с ними говорить. И стоило ли вообще заводить беседу? Вся ситуация казалась до абсурдного неправильной.

Рандел, словно белая ворона, выбивался из обстановки — руки сцеплены в замок, не ужинает и лишь умиротворенно осматривает окружающих людей, будто ожидает кого-то.

Самый загадочный... Наверное, он как никто другой подходил на роль Рика. Хотя Широн, учитывая его род деятельности, тоже мог вписаться. Но существовала одна загвоздка — последний не вызывал у меня никаких чувств, кроме легкого любопытства, тогда как заказчик, постоянно играющий со мной, как кот с мышкой, вызывал нечто большее.

Хотя это и не симпатия... Теперь я точно уверена, ведь мне было с чем сравнить.

В этот миг я глянула в окно, словно невидимка повернул мою голову в нужном направлении.

У «хрустального» ресторана стоял ректор. Не один.

После недавнего разговора на побережье я что-то ощутила между нами, но вид Бенедикта с Меланией Тарт отрезвил. Самое паршивое — эти двое идеально подходили друг другу.

Происходило то, чего я не желала больше всего. Но моя главная ошибка — мои чувства.

Ревность. Горечь. Злость.

Комкая салфетку и ощущая, как колотится сердце, я неотрывно смотрела на парочку, вновь ощущая на губах уже знакомый, свежий, слегка сладковатый привкус мяты.

Бенедикт повернулся, посмотрел на меня. Наши взгляды пересеклись.

Пульс залихорадил, разум исчез. На мгновение моя жизнь прервалась, чтобы продолжиться вновь, когда усилием воли я заставила себя отвернуться.

«У меня нет права на эти чувства. Они мне не нужны. Это — зараза», — внушала я себе, и вскоре в голове монотонно и непрерывно звучало: «Зараза... зараза... зараза».

Но сердце твердило обратное. словно я нырнула в прорубь и никак не могла всплыть на поверхность. Реальность ускользала, а чувства не желали подчиняться внушениям.

— Добрый вечер. — Низкий уверенный голос принадлежал Бенедикту. — Интересное время для встречи вы выбрали. — Ректор обращался сразу ко всем.

Когда он успел прийти?

— Всего лишь случайность. Кто знал, что и ты тоже будешь здесь? Обожаю совпадения, — заявил Широн.

Бенедикт натянуто улыбнулся.

Я молчала, гипнотизируя взглядом измятую салфетку в своих руках.

— Валентин, разберись с этим, пожалуйста, — многозначительно произнес ректор. И переведя взгляд на брюнета, тяжело добавил: — Рандел, мы можем выйти на пару минут?

— Если ты просишь... — протянул мужчина, поднимаясь со стула.

Вскоре двое неспешно покинули зал. Я следила за их спинами, пока они не исчезли за поворотом. Напряженное тело просило движения, будь моя воля, я бы вышла из заведения и пробежалась.

— Я в уборную, — сообщила, поднявшись из-за стола. — Передашь Кларе, если она вернется раньше?

— Разумеется, — с полуулыбкой на устах ответил Широн.

* * * * *

Бенедикт шел медленно, чеканя шаг. Разговоры в зале превратились в ровный монотонный гул, что постепенно становился тише, пока совсем не стих, когда они с Ранделом преодолели дверь в коридор, разделяющий гостиничную и ресторанную часть заведения.

Рандел неспешно двигался следом, хмуро глядя мужчине в спину. Его гнев рос, превращая его в несмышленного мальчишку — впервые за все время он совершал откровенные глупости и

останавливаться не желал. Перед ним оказался неравный соперник, и мужчина был сам в этом виноват.

— Ты ведь понимаешь, что произойдет, если кто-то из журналистов заметит двух претенденток с половиной состава распорядителей моего отбора? — тяжело начал Бенедикт, остановившись.

— Пойдут слухи. В лучшем случае вам будут приписывать роман с ними, в худшем обвинят отбор в нечестности. Скандал нам ни к чему.

— И ты вспоминаешь о неприятностях лишь теперь? — Рандел почувствовал вспышку ярости.

— Сколько раз ты переступал черту? Думаешь, я не замечаю? Защита на общепитии едва ли не трещит от вливания твоей магии. А артефакт, он же изменился!

Мужчина указал на камень в перстне, на котором появилось новое красное вкрапление — связь укрепилась.

— Я не думаю, что это подходящее место для подобного разговора, — заметил ректор, проворачивая перстень на пальце.

Рандел усмехнулся.

— Ты вообще намерен об этом говорить? Я помню, с чего все начиналось и как планировалось, и что-то явно пошло не по сценарию.

Бенедикт отступил, на его лице заиграли желваки.

— Перестань играть жертву, Ранделин, — прошипел он, взмахивая рукой и накладывая полог тишины. Любые звуки исчезали на его границе — в радиусе трех метров от заклинателя.

Несколько секунд он молчал, беря себя в руки. — Этот разговор — ребячество. Пусть выбирает она. У тебя была большая фора. Я лишь исполняю ее желание. Она хочет уважения и неприкосновенности, что ж, пусть будет так. Было бы странно, если бы Эльза этого не желала.

— Надо же, — иронично протянул мужчина. — С каких пор ты так благороден? Тебя ведь никогда не интересовало, какими способами я исполняю поручения. Ни сонный порошок, ни похищение не вызвали в тебе и капли эмоций. Теперь ты притворяешься святым, не думаешь ли, что поздно?

Глаза Рандела метали молнии, казалось, еще немного и они превратятся в нечто большее — разъяренный огонь, пожирающий все на своем пути. Мимо мужчин прошла парочка — пьяно хихикающая девушка лет двадцати пяти в сопровождении солидного мужчины. Вскоре они скрылись на лестнице, ведущей на этажи с гостиничными номерами.

— Да, порою я мерзавец, — сухо признал ректор, собирающийся поставить в их разговоре точку. — Долг обязывает. Иначе не выходит. Но к близким у меня иное отношение. И я многое прощаю, тебе ли не знать.

Взгляд ректора ожесточился. Недопонимания не впервые разделяли давних друзей, но обычно они преодолевали их. Их дружба началась еще в Корфодской империи, тогда, когда оба были никем, не имели за душой и гроша. С тех дней минуло почти полвека, за которые просто невозможно сохранить дружеские отношения, не умея прощать.

Рандел выдохнул, будто сбрасывая напряжение.

— И какой же ты придумал способ обойти свое обещание? — Голос мужчины приобрел новые интонации — иронии и вызова.

— Ты же знаешь меня как пять пальцев. Догадайся. — Бенедикт усмехнулся, мысленно произнося заклятие и убирая полог тишины.

Рандел покачал головой, бормоча нелестные слова в адрес друга.

— Теперь вам лучше рассестись по разным столикам или притвориться кем-то другим. Тебе не впервой. И дам тебе маленькую подсказку — чем дольше ты скрываешь свой облик заказчика, тем меньше у тебя шансов, — пожал плечами Бенедикт.

— Сам знаю, — отмахнулся мужчина.

Вскоре оба направились в зал.

* * * * *

Когда Эльза вернулась из уборной, ее столик опустел. Ректор стоял над своими друзьями, разговаривая с ними, но, похоже, задерживаться в этом заведении мужчина не собирался. Клары в зале ресторана не было.

— Вашей подруге срочно потребовалось уйти. Она оплатила счет и просила передать вам свои извинения, — сказала подросевшая к Эльзе официантка.

— Хорошо. Спасибо, — откликнулась девушка. Так и не сев за столик, она направилась к выходу из зала.

Уже у дверей заведения ее догнал ректор.

— Я тебя провожу. — Эльза вздрогнула от прикосновения — его рука лежала на ее плече.

— Ладно, — согласилась она, кивнув. Чуть подумав, многозначительно добавила: — Только сделай так, чтобы нас не замечали. Мы же не хотим, чтобы кто-то обвинил отбор в нечестности.

* * * * *

Полог тишины идеален, если беседующие желают оставить разговор в тайне, но недостаток у заклатья все же есть — расстояние, с которого оно начинает действовать, расходится во все стороны, даже сквозь стены.

Женская уборная расположилась как раз через стену от того места, где остановились Бенедикт с Ранделом. Глазами границу заклатья никогда не увидеть, но зеркала выдавали магическое искажение пространства.

Стоя у раковины и моя руки, я заметила дрожь воздуха в отражении. Оглянувшись на дверь, недолго колеблясь и наскоро вытерев руки, я подошла и примкнула ухом к стене, усилив слух заклатьем. Оно было трудным, со сложным плетением — ведь стоило настраиваться на определенное расстояние. Одна-единственная ошибка, и можно оглохнуть от чьего-то дыхания или бьющегося сердца.

Конечно, подслушивая, я не рассчитывала, что узнаю что-то важное для меня самой. Сыграло любопытство, ведь никто не накладывает полог тишины ради ерунды.

Но меня ожидало настоящее открытие... В последнее время я слишком часто оказывалась в верное время и в нужном месте — удивительные совпадения.

Я услышала достаточно, чтобы кое-что понять. Хотя голова шла кругом, окончательно соединяя все ниточки воедино. Рандел — это мой постоянный заказчик Рик.

«У этих мужчин слишком разные нравы», — еще несколько часов назад подумала бы я. Но после увиденного у стойки администратора мое мнение изменилось.

Идя с ректором, но целиком и полностью погрузившись в свои мысли, я и не заметила, как мы прошли половину пути. Шумные улицы остались позади, ночные гуляки попадались редко, а воздух был полон прохлады, и отчего-то пахло лесом. Хотя я была в нем лишь несколько раз, но этот аромат дерева и влажной земли узнавала безошибочно.

Бенедикт оставался поразительно молчалив, будто понимал мое настроение.

Или догадывался...

Линии его фигуры соединялись в складный силуэт. Почему-то именно сейчас я не видела в нем могущественного мага, скорее уставшего после долгого дня мужчину.

Медленно ступая и разглядывая каждый камешек брусчатки, я размышляла о своих дальнейших действиях. Мыслей было много, причем не радужных.

«Рискну. Пусть подтвердит слова делом», — внезапно решила я и, не дав себе времени пойти на попятную, взглянула на Бенедикта:

— Я подслушала ваш разговор. Решила прямо рассказать тебе об этом.

Ректор остановился, я замерла на месте вслед за ним.

Откровенно говоря, было страшно. Я слишком мало о нем знала, чтобы быть точно уверенной, что он не пригрозит мне и не заставит молчать. Уверена, при возможностях ректора добиться этого несложно.

— Очень опрометчиво. — Рука Бенедикта угрожающе поднялась, касаясь артефакта на груди, контуры которого проступали через одежду.

Улица пустовала. Лишь редкий свет, горящий в окнах, был свидетельством того, что мы не одни.

Я с опаской следила за его ладонью. Напряженные нервы требовали выставить защиту, не дожидаясь действий Бенедикта.

— Эльза, я не собираюсь ничего тебе делать, — недовольно нахмурился ректор. Напряжение рассыпалось, словно пепел сгоревшей бумаги.

— Зачем ты тогда взялся за амулет? — осторожничала я.

Время перевалило за полночь, и в обычные дни я давно бы уже спала. Но в последнюю неделю жизнь выпала из привычного русла, и я не была уверена, что хочу вновь вернуться к серой повседневности.

Ректор склонил голову, взглянув на артефакт. И резко опустил руку, будто обжегшись.

— Привычка. Если я чем-то удивлен или встревожен, тянусь к нему, — огорошил он меня. Его облик все больше приобретал человеческие черты.

Я улыбнулась.

— Поразительно, кажется, я овладела страшной тайной.

— Одной из, — серьезно подтвердил ректор.

Улыбка пропала с моего лица.

Как я могу продолжать ему улыбаться?

Пора разложить по полочкам все, что мне стало известно. Во-первых — Рандел скрывался под иллюзией. И теперь, кроме неприязни, я больше ничего к нему не испытываю. Во-вторых — я прямо слышала, что интересую Бенедикта и его друга. Как бы ни было неприятно осознавать, но их разговор напоминал борьбу двух петухов за одну курочку. В-третьих, у этих двоих изначально существовала какая-то договоренность касаясь отбора и меня.

Обижает ли меня все перечисленное? Безусловно.

Но как сильно? Не до такой степени, чтобы оборвать все связи. Но достаточно, чтобы оскорбиться и уйти.

Подобные вещи легко не прощаются.

— Наш с тобой договор лишь прикрытие, ведь так? — предположила я.

— И да, и нет. Я действительно хотел узнать больше об участниках, но и задержать тебя на отборе тоже. Просто умолчал об одной из причин.

— Задержать для чего?

— Мне надо было кое с чем разобраться. Но в академии ты бегала от меня, не было весомой причины подобраться к тебе. Я не торопился. Поэтому, когда приняли решение об отборе, подумал, что подходящий момент наступил.

— С чем разобраться?

— Не думаю, что ты готова об этом узнать, — сказал он со всей серьезностью, на которую был способен.

Бенедикт отвечал не раздумывая, словно предвидел каждый мой вопрос.

— Пока не расскажешь, не узнаешь, готова я или нет, — возразила я.

— Но когда скажу, назад пути не будет.

Внутри зазвенел тревожный колокольчик — пора было уходить. Но оставалась одна вещь, с которой стоило разобраться.

— Дальше я дойду сама. Но я согласилась, чтобы ты проводил меня, не только из-за подслушанного разговора. — Я помолчала, набирая в легкие больше воздуха. — Насчет Мелании...

— Это был лишь запланированный ужин. Уже одиннадцатый по счету, — не дал мне договорить Бенедикт.

Я смутилась, почувствовав себя пойманной с поличным. Бенедикт улыбнулся — неожиданно, как гром в ясную погоду.

— Я не ревную! — возразила я и, перейдя на «вы», добавила: — Не все сводится к вам, господин ректор. Хотя меня очень уж интересует, почему вы исключили всех тех девушек, чьи имена я предложила?

— Они мне не подошли. — Ректор сделал шаг навстречу.

— Все семеро? — попяtilась я.

— Да.

— Вы слишком привередливы.

— Нет, — спокойно откликнулся он. — Просто моим вниманием успели завладеть — всецело и полностью. Одна особа...

— Извини, но раз мои услуги тебе больше не нужны, то, может, разорвем наш договор? — прервала его, не желая слушать дальше.

Что мне потом с этим делать? И так ладони потеют, а сердце лихорадит так, что не ровен час случится сердечный приступ. Теперь я понимаю, вокруг чего столько восторгов. Романтические

волнения будоражат, волнуют, раскрашивают жизнь яркими красками. Даже понимая это, я не могла отделаться от мысли о том, что звезды на небе сияют сегодня ярче.

— Отбор еще не завершился, Эльза. До моей женитьбы разрывать я его не намерен. И не злись на меня. Я знаю, ты не любишь, когда решают за тебя. Но с некоторыми подробностями действительно надо подождать, — обескураживающе прямо ответил Бенедикт.

Ректор сделал новый шаг навстречу, склонился, так что я до мельчайших подробностей могла разглядеть его лицо в царившем полумраке.

— Ты громко дышишь. Я ведь вижу, что ты ко мне тоже равнодушна...

Мужчина раз за разом сносил мою защитную стену, которую я снова и снова возводила вокруг себя.

— Это от гнева. Ненавижу, когда за моей спиной плетут интриги. — Я нагло врала и в то же время говорила правду.

Взяв себя в руки, отступила, увеличивая расстояние между нами.

— Я отвлеклась. Так насчет Мелании, если вы не хотите в себе в жены ненормальную, способную ради прихоти покалечить человека, избавьтесь от нее, — низким и твердым голосом произнесла я.

— С этого момента поподробнее, — хмуро попросил Бенедикт, на его лицо легла мрачная тень. Веселье разбилось вдребезги, романтический флер рассеялся, как дымок благовония под порывом сильнейшего ветра.

Подбирая слова, я начала рассказ.

Воспоминания тех дней оставались все так же яркие, словно это произошло лишь вчера. Я узнала обо всем совершенно случайно, очередное стечение обстоятельств, не больше.

С первого курса София привлекала внимание. Она была красива, как молодая богиня, — естественные белые волосы, светлая кожа, прямой нос со слегка вздернутым кончиком, скорее придававшим очарования, чем портившим прекрасный лик, розовые пухлые губы... По сравнению с ней даже я, не заиклившая на внешнем виде, чувствовала себя замарашкой. Сокурсница была очень скромной, поэтому близких друзей у нее практически не имелось, лишь многочисленные поклонники и завистники.

Девушка обладала сильной расположенностью к целительству, и уже со второго курса выбирала предметы из этой отрасли. Наши расписания практически не совпадали, так что мы с ней толком не встречались.

Многие ей завидовали, в том числе и Мелания. Но что поделать, это женская натура. Только последней каплей стала не красота, среди студентов поползли слухи, что старший брат Тарт ухаживал за Софией. Я даже видела их как-то у фонтана возле входа на территорию академии. Поговаривали даже о свадьбе.

А потом на Софию напали, порезали ножом, обезобразив лицо. Жених, как только стало ясно, что шрамы останутся навсегда, пропал. Девушка же после лечения несколько недель еще посещала академию, но, не выдержав всеобщего внимания, отчислилась.

Софии сочувствовали, жалели, ужасались судьбе-злодейке все, в том числе и я. Пока мистер Спригатто не поручил изготовить партию зелья, вызывающего кошмарные видения. Оно понадобилось его брату Фарбу, который заподозрил одного из подчиненных во вранье. Заказ был срочным и хорошо оплачивался, настолько, что я сама пошла относить варево в восточную часть города. В тот месяц я заболела и слишком много потратила на услуги лекаря, поэтому хваталась за любую работу.

Зелья я принесла прямиком в темную комнатушку, где перед Фарбом сидел избитый мужчина, привязанный к стулу. Дверь за мной закрыли, и я стала невольным свидетелем его допроса, который с порцией моего зелья пошел куда успешнее, чем до этого. Работник принял заказ и не положил часть доли в общий банк. Простенькая работенка — обезобразить молодую девушку. Когда он описал внешность заказчика и жертвы, все стало на свои места.

— Ты меня разочаровал, Дикард, — покачал головой Фарб, дослушав излияние мужчины, вызванное зельем правды. В манерах Спригатто выделялась элегантность — даже выносил приговор он снисходительным тоном и официально, словно вершил судьбу незадачливого ребенка. — Ты не только утаил общую долю денег, но и взялся за работенку, которой мы брезгуем. Репутация это наше все.

Дикард плакал, из его носа текли слюны, но оправдания и скулеж мужчине ничем не помогли.

— Эльза, думаю, тебе пора. — Фарб повернулся, безошибочно найдя меня взглядом, — он с самого начала знал, что я никуда не ушла. — Нас ожидает малоприятное зрелище.

Кто-то из подчиненных Спригатто открыл дверь, и я как ошпаренная выскочила прочь. Путь до общежития прошел как в тумане, и в следующие несколько ночей я напрочь лишилась сна.

Несмотря на то, что я все знала, сделать ничего не могла. Никаких доказательств, лишь слова уже покоившегося в земле разбойника.

Возвратившись к реальности, я посмотрела на Бенедикта. Вокруг нас ничего не изменилось — звезды, луна, косые тени домов, лишь количество окон с горящим внутри светом значительно уменьшилось.

Люди ложились спать, и мне было пора, но после тяжелого рассказа усталость растворилась в ночи, оставив после себя облегчение.

— Теперь ты понимаешь, что представляет собой одна из претенденток твоего отбора. — Его молчание нервировало меня, и я заговорила первой.

Бенедикт мрачно покачал головой.

— Вот это я ненавижу сильнее всего, — прошептал он, взлохмачивая волосы пятерней и на краткий миг возводя взгляд к небу, будто молясь. — К сожалению, я не вездесущ, Эльза. И за это раз за разом приходится платить. Ты знаешь, где работает та девушка? Я хочу переговорить с ней лично.

— Ты мне веришь? — облегченно спросила я.

— Естественно, — ответил он. — У тебя нет причин врать. Ревности недостаточно, чтобы придумать подобное...

— Ну, для кого-то ее достаточно, чтобы покалечить человека. И я не ревную, — отозвалась я, искоса взглянув на ректора. — Разве ты не слышал об этом случае? Было же расследование. Академия должна была лично проверить то происшествие.

— Ты хоть понимаешь, сколько на мне обязанностей? Иногда мне приходится полагаться на других, узнавая новости из отчетов. Но за расследованием того дела я следил лично. Спустя пару недель тело мужчины нашли в его собственном доме, на другом конце города.

Самоубийство закланием. Он сам произнес те слова. Больше никаких следов не осталось. И София его опознала.

— Он не сам их произнес. Его заставили! — убежденно возразила я. — Должно быть, пригрозили пытками.

Было поистине ужасно так спокойно рассуждать о смерти, не испытывая при этом ни страха, ни сожаления. Тот ублюдок заслужил свою участь.

— Теперь я это знаю. Но в то время ничто не указывало на то, что нападение было заказным. София поначалу молчала, а когда заговорила, дала показания: вор пытался отобрать у нее сумку, она стала сопротивляться, и тогда он вытащил нож. Из-за склонности к целительской магии, боевыми закланиями девушка не владела. Все складывалось, — сказал ректор, будто стараясь убедить самого себя.

Крики гуляк с соседних улиц эхом долетели до нас.

— Идем, провожу тебя до общежития. — Лицо Бенедикта ожесточилось. Он был крайне задумчив.

После обсуждения нападения я меньше всего желала идти до дома в одиночестве, поэтому согласилась.

— Что же теперь? — спросила я, когда до общежития с его потрескавшимися стенами было рукой подать.

— Теперь ты идешь спать.

— Я не об этом.

— Знаю.

— Тогда... — начала я, но меня перебили.

— Что ты готова сделать, чтобы наказать виновницу? — Бенедикт устремил на меня прямой мрачный взгляд и взял за руку. Наши ладони соприкоснулись, словно лед и пламя, обжигая друг друга.

— Все от меня зависящее, — сглотнув, хрипло отозвалась я.

— А вытерпеть боль? — чуть крепче сжимая мою руку, вкрадчиво спросил он.

Боль? Что он задумал?

— Вытерплю. Если не останется последствий. Мое лицо... Оно все еще мне дорого. —

Несмотря на непонимание, я отыскала разумный ответ.

— Об этом можно было не упоминать.

— Тогда зачем ты спросил?

— На всякий случай, — небрежно отозвался ректор и продолжил: — Почему ты никому не рассказала, когда узнала правду?

— У меня не было доказательств.

— Вот именно. С тех пор ничего не поменялось, — изрек он. — Но есть другой путь...

— Какой? — спросила я, но, прочитав его взгляд, продолжила: — Давай угадаю, ты мне пока не расскажешь?

Судя по всему, мои слова попали в точку. Я недовольно сощурилась, сложив руки на груди.

— Извини, — прошептал Бенедикт, склонившись ко мне. — Ты стала мне очень дорога.

Поэтому просто доверься, и я со всем разберусь.

С полуулыбкой на устах он смутил меня.

Я намеревалась отстраниться, возведя преграду между нами, и таким образом наказать его за игры со мной. Но что-то явно шло не по плану. Вместо того чтобы отдалиться, мы наоборот стремительно шли навстречу, как два корабля в бескрайнем океане. Еще чуть-чуть, и мы столкнемся, и тогда кораблекрушения не избежать.

— Мне пора, — через силу отступила я. — Не забывайте, господин ректор, я все еще студентка вашей академии. И я все еще жду ответов на свои вопросы.

— Как и я, — спокойно изрек Бенедикт. Весь его вид словно кричал: «Убегай-убегай, все равно ты станешь моей». — Я о противоядии.

Уголки губ ректора дрогнули в намеке на улыбку. Карие глаза наполнились теплыми искрами, словно в них разверзлась своя собственная вселенная, наполненная тысячами солнц.

— Когда недомолвки и тайны исчезнут, тогда я и смогу дать ответ, — твердо отозвалась я, разворачиваясь к общежитию. — Доброй ночи.

Глава 19. Отношения

На пути в академию мне приходилось ловить на себе многочисленные взгляды. А в самом замке меня сторонились, избегали и шушукались за спиной.

«Ежедневник столицы» дошел до Бурсбурга, и его статьи уже успела перепечатать местная желтая пресса. Провокационных фото и победы в первом этапе оказалось достаточно, чтобы аура неприкосновенности ректора академии Эльрата распространилась и на меня.

— Знаешь, они не подходят к тебе, но некоторые суются ко мне, — заметила Маргарет. Был перерыв между занятиями, мы сидели на каменных подоконниках. Отсюда открывался прекрасный вид наружу — желтоватая зелень, растущая на территории замка, сменялась серым цветом каменных стен и рыже-коричневым оттенком черепиц, а вдалеке на границе горизонта виднелась яркая изумрудная листва леса.

— Ты о чем? — повернулась я к подруге.

— Насчет тотализатора. Ставки на тебя уже не принимают, слишком велика вероятность выигрыша, но вот тех, кто успел поставить, распирает от желания узнать, как близки они к победе. — Девушка пронизательно посмотрела на меня.

— Что? — отозвалась я, упрямо заявив: — Ты же знаешь, я не собираюсь замуж.

Маргарет покачала головой.

— А я вот подумала, что нет ничего плохого в том, чтобы выйти за кого-то, кто будет тебя защищать. Поддержка нужна каждому. Сколько ты еще протянешь одна? Я удивлена, что приют и тяжелая жизнь до сих пор не ожесточили тебя, — с грустью пробормотала она. Я вздохнула.

— Защищать? Поддержка? Уж не знаю, способен ли он на это. Мне кажется, недели мало, чтобы узнать человека. Обычно суть людей обнажается спустя время. Необходим хотя бы месяц, — задумчиво ответила я, отнесясь к словам Маргарет со всей серьезностью.

— Дай ему шанс, не будь предвзятой. Я вижу, как он на тебя смотрит. — На ее лице появилась шальная полуулыбка.

— И как же он на меня смотрит? — насмешливо поинтересовалась я. На самом деле было жутко интересно, сердце замерло в ожидании ответа.

Маргарет фыркнула.

— Смотрит так, как ты глядишь на пирожки с картошкой в лавке Гульгао, когда голодна, — с желанием.

Я рассмеялась.

— Маргарет, нашла что сказать! Пирожки это святое!

— Вот именно, — с готовностью подтвердила Маргарет. — Если не устраивает этот пример, могу предложить другой. Ты помнишь себя в первый год? Когда все свободное время ощущала гримуары в библиотеке? Клянусь, ты выглядела как одержимая! Вот господин Б. твоя копия того времени. Надеюсь, мне не стоит пояснять, кто в этой ситуации гримуар?

— Нет, я догадалась, — отозвалась я, собираясь продолжить, но неожиданно увидела бегущую в нашу сторону однокурсницу и так и застыла с полуоткрытым ртом.

Райли до сих пор оставалась одной из участниц отбора, как и я.

— Вы слышали?! — воскликнула она.

— О чем? — недоуменно спросила я, спрыгивая с подоконника. Я заранее ожидала неприятностей, но то, что услышала в последующую секунду, все равно стало для меня неожиданностью:

— Еще троих отравили! Все трое с отбора! Нейра, Анна и Мелания! Вы бы их видели!

Пару секунд я переваривала услышанное.

— Подожди! — схватила девушку за плечи, прожигая ее взглядом. — Ты сказала, Тарт тоже отравили?

Райли осторожно кивнула.

— Чем?

— Я точно не знаю. Но говорят... — запаниковала она.

— Эльза, не наседай, — положив руку на мое плечо, предостерегла Маргарет.

Я тяжело выдохнула, заставив себя расслабить хватку и опустить руки.

— Так, Райли, — уже спокойнее заговорила я. — Расскажи мне, пожалуйста, все, что ты видела.

Симптомы проявились на занятии по итоговой работе — там мы обычно разбирали ее структуру, оформление и окончательно определялись с темой. Во втором полугодии же занимались написанием и исследованием выбранной темы вместе со своим наставником. Именно на этом предмете неожиданно кожа трех девушек покрылась насыщенно-синего цвета пятнами, что зудели и чесались. Это произошло так внезапно, что некоторые студентки испугались и закричали, посеяв панику.

Сразу же вызвали целительницу, администрацию академии и ректора.

— Говорят, им подлили сок огненных ягод! — в завершение выдала Райли.

— Это те самые, что вызывают ожоги? — повернулась ко мне Маргарет.

— Да, — сухо отозвалась я, умолчав про то, что в древности сок огненных ягод использовали для казни. Ими закармливали осужденных и выпускали в поле под лучи открытого солнца, что сжигало кожу бедняг благодаря яду этих плодов, распространившемуся по телу.

— Они в порядке? — тревожно спросила я у сокурсницы.

— Кажется, да. Их всех увели в лекарское крыло.

— Спасибо, — проговорила я, обходя девушку.

— Ты куда? — догнала меня Маргарет.

— Хочу проверить их, — пояснила я, хотя явные причины бежать к целителю у меня отсутствовали, но мне необходимо было увидеть пострадавших собственными глазами.

Подруга следовала за мной.

— Что же получается, Мелания ни при чем? — прошептала Маргарет, громко дыша.

— Теперь даже не знаю, — вздохнула я, на мгновение прикрыв глаза. — Все очень странно.

Мы добрались до лекарского крыла спустя десять минут, занятие уже началось, но около входа в палату стояли несколько студентов. Дверь была раскрыта настежь, внутри маячили фигуры целительницы, магистра по лечебной магии и ректора. Пробившись локтями ближе ко входу, я привстала на носочки, пытаюсь разглядеть пострадавших, но у меня ничего не вышло — их постели были закрыты белыми шторками.

Ректор повернулся. Оставаясь невозмутимым, он едва заметно качнул головой в сторону и отвернулся.

Я непонимающе нахмурилась. Для меня все еще оставалось в новинку то, что я узнавала о близости ректора до того, как видела его. Будто меня брали за запястье и тянули в ту сторону, где находился мужчина.

— Их не видно. Там занавески, — сказала я, выбравшись из толпы.

— Ну, раз даже ректор в лекарском крыле, значит, все взаправду — их отравили, — вынесла вердикт Маргарет. — Ужас какой-то. Как теперь в академию ходить? Впервые в замке творится подобная чертовщина.

— Тебе не о чем волноваться. Кто бы это ни был, похоже, этого отравителя интересуют только претендентки. — Мы двинулись по коридору, отдаляясь от больничной палаты.

— Сказала тоже. Я же не только о себе думаю. — Подруга недовольно взглянула на меня.

— Знаешь, я тут подумала, — начала я, удивляясь тому, как мысль об этом раньше не пришла в голову. — Вся эта шумиха с тотализатором... Может, кто-то убирает неугодных претенденток? Первой была я. Хотя почему тогда «Синюшное зелье»? Последствия от него не такие ужасные.

— Откуда ты знаешь? — возразила Маргарет. — Ты сама говорила, что тебе показалось, будто в него что-то подмешано. Кто знает, что бы с тобой произошло в итоге, не дай тебе ректор того эликсира.

— Моим словам доверять не стоит. Мне могло показаться, я же была не в себе, — покачала я головой, но предположения подруги взяла на заметку — в них была логика.

Мы ступили на лестницу, и я остановилась, заметив кое-что необычное.

— Подожди, разве эта дверь раньше здесь была? — Сбоку от ступенек появилось углубление со старой темно-коричневой дверью.

— Нет. — Маргарет удивилась не меньше моего. — Подожди, кажется, здесь висела картина. Высокая женщина в шляпе с пером?

— Да, точно, — удивленно протянула и, рассматривая медную дверную ручку, внезапно вспомнила жест ректора. Мои брови полезли на лоб. Более непрозрачного намека придумать сложно. И я бы засомневалось, если бы на губах вновь не появился сладкий привкус мяты и неведомые силы словно канатом не потянули меня внутрь. — Маргарет, ты дойдешь без меня?

— Что? Почему? — недоуменно посмотрела на меня девушка.

— Ну, понимаешь, мне надо кое с кем переговорить, — скосила я взгляд на дверь.
Молчание. Озадаченность. Недоверие.

— А-а-а! — Вспышка озарения промелькнула на лице подруги, и она продолжила с ироничной улыбкой: — Ну ладно. Удачного вам разговора

И легкой походной она продолжила спускаться, пока я немного смущенно смотрела ей вслед. И как после этого я могу твердить, что не хочу замуж? Зачем тогда бегу к нему по первому зову, как на свидание?

«Все ради информации, Эльза. Помни это», — убеждала саму себя, прекрасно понимая, что это наглая ложь.

Я открыла дверь, которая, к моему удивлению, не издала ни звука, — петли будто недавно смазали маслом — и ступила в темный узенький коридорчик. Закрыв проход, погрузилась в кромешную тьму и, нащупав стену, двинулась вперед.

Когда коридор резко повернул, впереди забрезжил свет, и после еще одного такого же поворота я попала в комнатку, залитую светом, падающим из прямоугольного окна под потолком. На квадратной коробке, у стены со шкафом, на дверцах которого висел тяжелый замок, сидел Бенедикт.

— Я, конечно, подозревала, что в замке полно секретных ходов, но ты все равно меня удивил, — протянула я, оглядываясь.

Несмотря на тонкий слой пыли на полу, здесь было уютно.

— Хочешь, могу показать все, — невозмутимо предложил мужчина.

— Я подумаю над этим, — уклончиво ответила я. — Ты же не просто так позвал меня сюда.

— Верно. — Ректор усмехнулся, рассматривая меня так пристально, что я позабыла, как дышать. — Мне правда есть что сказать.

Он опустил голову. Я подошла ближе.

— Императору стало хуже. Его смерть близка, — сказал он, показалось, что на его лице промелькнуло сожаление.

«Все же он не так безразличен к смерти своего дяди, как показывает», — отметила я.

— И что же произойдет, когда он умрет? — Я будто окаменела. Мне тяжело было проявить сочувствие, ведь человека, о котором мы говорили, я практически не знала. Но в тоже время меня глушили переживания за общее положение в империи.

— Первое время будет беспокойно, — отозвался Бенедикт. — Люди начнут волноваться, враги заточат мечи. Но они не нападут, не успеют. Новый император появится гораздо раньше.

— Я слышала, что перед возложением венца принц должен жениться. Ему тоже устроят отбор?

— Скорее всего, нет. Мы не в том положении, чтобы блюсти обычаи. Принц сам выберет себе подходящую партию в очень сжатые сроки.

— А что с теми отравлениями?

Бенедикт отвечал на каждый из моих вопросов, чем крайне удивлял меня. Я хотела обнять его, но останавливала себя, не желая становиться с ним еще ближе. Чтобы принимать правильные решения, мне нужна трезвая голова, а не желейная масса вместо мозгов.

— Раженская расследует. Но скорее всего, второе испытание перенесется.

Ранее планировалось, что уже сегодня мы полетим в Проточный лес.

— И когда мы отправляемся?

— Последствия яда быстро нейтрализуются, поэтому перенос незначителен. Отправимся завтра в обед.

Молчание. Тревога. Напряжение.

— Спасибо, что рассказываешь мне, — хрипло заговорила я, нарушив тишину.

— Ну что ты. — Бенедикт криво улыбнулся. — Я всего лишь показываю свое доверие, рассказывая секретные сведения. И со временем жду от тебя ответных шагов.

— Но лишь мне решать, шагну ли я тебе навстречу, — отозвалась я, жадно и гордо рассматривая фигуру ректора. Несмотря на то, что был старше, он выглядел привлекательнее всех моих сверстников вместе взятых. Уверенность порою делала его наглым, но она же

служила его главным украшением. Могущественный, мудрый и мужественный ректор моей академии... Но все же Бенедикт оставался обычным человеком.

Где-то над головой ухала сова — обычная живая птица, а не дух Клары, — я видела ее темный силуэт на крыше одного из домов. Луна серебристым полумесяцем висела среди звезд, которые лишь недавно четко засияли на небе, когда красное марево солнца скрылось за горизонтом. Я возвращалась от мистера Спригатто, в голове до сих пор слышалось его гневное брюзжание о невыполненных заказах и упущенной выгоде. Когда же разговор коснулся отбора, Саранча разошелся не на шутку.

— Богатой жизни захотела, девочка?! Я плохо к тебе относился? Ни разу я не утаивал твою долю, всегда выплачивал проценты, и вот чем ты мне отплатила! — словно шарманка, повторял он раз за разом.

А мне приходилось вновь рассказывать бредовую историю о том, что я внесла свое имя заодно с сокурсницами и не думала, что меня выберут. Поведать правду о том, каким именно образом я оказалась одной из претенденток, посчитала неразумным. Саранча вредный и алчный, но вовсе не дурак. Мигом поймет — дело пахнет жареным.

Даже в нынешних обстоятельствах мистер Спригатто опустил до угроз, щекочущих нервы.

— Ладно. — Саранча махнул ладонью, успокаиваясь и восстанавливая дыхание. — Даю тебе время до конца недели, разберись со всеми своими делами, деточка. И пусть хранят тебя святые, если ты мне лжешь. Я возьму с тебя сполна.

Теперь, покинув его лавку, я злилась на ситуацию, в которой оказалась. Саранча никогда не бросал пустых угроз. Сам мужчина был мелочен и в общем безобиден, но сложно было позабыть о его связях и многочисленных братьях. Именно последние беспокоили меня сильнее всего, особенно Фарб. Я ведь собственными глазами видела, что случается с теми, кто идет против установленных ими правил.

Уже на подходе к общежитию я заметила Патрика. Парень сидел на скамейке у маленького палисадника, высаженного завхозом общежития.

Я поморщилась. С бывшим другом разговаривать совсем не хотелось, но расставить все точно над «i» было необходимо.

Патрик поднялся, помахав рукой. Во всех его движениях прослеживалась нервозность. Увидев, что я заметила и направляюсь к нему, он вытер вспотевшие ладони о брюки, переминаясь с ноги на ногу.

— Привет. А я ждал тебя, — взволнованно проговорил он.

— Для чего? — невозмутимо отозвалась я, вслушиваясь в стрекот сверчка, спрятавшегося среди цветов в клумбе.

— Ну, видишь ли... — протянул он, закидывая руку вверх и смущенно почесывая затылок. — Я все вспоминал наш разговор.

— Какой?

— Тот, что перед отлетом на побережье, — промямлил Патрик и, хватая ртом воздух, будто никак не мог надышаться, продолжил: — О том, что ты не желаешь участвовать в отборе.

Я не могла больше злиться. По крайней мере, не так, как раньше. То, как парень смущался, неловко переминался с ноги на ногу и смотрел по-собачьи преданным взглядом, показывало, насколько для него важно происходящее, насколько для него важна я.

Может, я что-то неправильно поняла, когда подслушала тот разговор в гостинной?

— Эльза... — позвал Патрик. Набравшись смелости, он наконец выпалил, схватив меня за руку:

— Станешь ли ты моей женой? Если мы ходим в храм, тебя больше не смогут принудить. Ты не подумай, что я не обдумал все. Ты мне давно нравишься, я просто боялся потерять нашу дружбу. А теперь, когда все так завертелось, я не хочу тебя потерять. У моей семьи есть небольшое поместье на юге, сразу после окончания академии мы сможем уехать туда. Они будут только рады! Наши дети...

Стоп!

Я попятилась, слова парня превратились в монотонный гул, который прервал громкий залиvistый хохот.

Патрик пугливо заозирался.

— Самое жалкое предложение девушке, что я видел. — В нескольких метрах от нас, прислонившись к ограде общежития, стоял Рик. — Ты хотя бы понимаешь, что у тебя нет ни шанса?

Рик неспешно направился к нам. Я словно одеревенела, ощущая правоту его слов.

— Ты кто такой? — Испуг Патрика сменился настороженностью и тихим гневом.

— Я ее друг.

Ложь.

— У нее нет таких друзей, как ты, — уверенно заявил парень, храбрясь. — И я бы попросил уйти и не мешать нам.

Тяжело дыша, я пыталась осознать происходящее и понять свои чувства.

Рик усмехнулся. Темные одежды придавали ему грозности.

— Мешать? Здесь нечему мешать, итог очевиден. Впрочем... — Рик сделал внушительную паузу и, сев на лавочку и вновь посмотрев на парня, повелительно добавил: — Я готов помолчать, продолжай.

Заказчик неотрывно смотрел на меня. Патрик повернулся, вновь набирая в грудь воздуха.

— Хватит, — покачала я головой. — Он прав, я откажу. И ради нашей многолетней дружбы сделаю это прямо сейчас.

«...И промолчу, не сказав всех нелестных слов в твой адрес, так желающих прорваться наружу», — мысленно продолжила я.

Этот разговор казался глупым и смешным. Парень все решил за меня, успел обсудить это с другом и продумать дальнейшую жизнь. Но суть в том, что он делал это ради себя, малодушно воспользовавшись ситуацией, в которой я оказалась!

Патрик уставился на меня взглядом побитой собаки.

— Но почему? — жалобно спросил он.

— Я же говорил, — перебил его Рик, поднимаясь.

— Знаешь что, он хотя бы имеет честь признаться мне, а не прятаться за иллюзией! — вспыхнула я — комментарии мужчины меня достали. — Легко оставаться таким наглым, пряча истинное лицо?!

Заказчика помрачнел, веселье исчезло. Я вновь посмотрела на Патрика.

— Ты меня не привлекаешь, Патрик. Я не вижу в тебе ничего большего, чем просто друга, — жестко ответила я.

Хотя теперь и другом ты мне не будешь.

Не имело смысла сглаживать острые углы, необходимо сказать твердо и прямо, чтобы не оставить недопонимания и надежд.

Взгляд парня потух, плечи ссутулились.

Рик подобрался ближе, и я понимала, что, как закончу разговаривать с сокурсником, мне предстоит еще одна напряженная беседа.

— Тебе нравится ректор? — не зная куда деть руки, то складывая их на груди, то опуская и заводя за спину, спросил Патрик.

— Я-я-я... — не сразу нашлась что ответить. — Я пока не знаю. Все зависит от него самого.

Я оставалась честной до самого конца. Врать не любила, особенно друзьям, пусть и бывшим.

Если последние поступки Бенедикта искренны, а не случайная аномалия, приключившаяся с мужчиной, то да — он мне нравится и даже больше. Если же нет, то я вырву эти чувства с корнем и избавлюсь от них. Пусть будет тяжело, но в губительных отношениях я не нуждалась.

— Интересный ответ, — прокомментировал заказчик, явно показывая, что он им не доволен.

Рик склонил голову, губы его изогнулись в кривой усмешке. Патрик же все так же смотрел на меня. Эти двое словно душили меня, и я оттянула ворот блузки, пытаясь облегчить дыхание, но ничего не вышло.

— Извини, Патрик, но не мог бы ты нас оставить? — обратилась я к бывшему другу.

Спустя минуту мы остались с заказчиком наедине.

— Судя по твоему взгляду, меня не ожидает ничего хорошего. Верно, принцесса? — осведомился Рик. Откуда-то в его руках оказалась фляжка, и он приложился губами к ее горлышку.

Молча наблюдая за его манипуляцией, я не могла сопоставить в голове две личности — заказчика и Рандела. На первый взгляд они казались полными противоположностями.

— Что, по-твоему, я могу сказать? — поинтересовалась я.

— Мы играем в угадайку?

— Нет, просто хочу лучше понять твои мысли. — Покосившись на окна общежития, я подошла к лавочке и села.

Рик остался на ногах.

— Принцесса, ты продолжаешь меня удивлять. — Он покачал головой и сделал новый глоток.

— Тебя удивляют совершенно обычные вещи. — Я развела руками, понимая, что с заказчиком следует говорить иначе, чем с Патриком. — Можно мне узнать, откуда ты родом? Кто твои родители? Сколько тебе лет?

Рик сощурился, неопределенно смотря на меня с ироничной усмешкой на губах.

— Север Корфордской империи. Деревня Шад. Родители обычные крестьяне. Выращивали ездовых Оленей. Пятьдесят три года, — все же ответил он.

— Ты не похож на сына крестьян, — заметила я, пристально разглядывая мужчину, — гордая осанка, незаурядная внешность в обоих обликах и впечатляющие магические познания.

— А ты на сироту, — парировал он, придвигаясь ближе. — Слишком горда и принципиальна. Даже аристократки имеют куда меньше достоинства, чем ты.

— Наверное, родители гордятся тобой? — предположила я, не обращая внимания на его замечания.

— Гордятся? Не думаю. — Рик покачал головой. — Наверное, они уже умерли. Понимаешь, деревня, из которой я родом, слишком далека от крупных городов. Ее окружают леса и вечные снега. Магия для них подобна греху, они искренне считают, что люди не должны владеть этой силой, а если владеют, то они прокляты. Меня выгнали подростком. Благо это случилось в неделю торговли, и я смог добраться до ближайшего крупного города вместе с челноком, помогая ему в пути. Несколько месяцев мы ездили по деревням и торговали, прежде чем он отправился домой, в город Шарджен на юге.

— Мне жаль.

— Не стоит, — небрежно отозвался заказчик. — Зачем ты спрашивала? Разве об этом ты хотела поговорить?

— Не совсем, — уклончиво протянула я и внезапно добавила: — Тебе когда-нибудь признавались в любви?

Рик рассмеялся.

— Неужели?.. — начал он.

— Нет, — решительно перебила я. — Просто ответь.

Стальная фляжка в руках мужчины блестела, отражая серебристый свет луны. Но облака линией выплывала из-за горизонта, грозя поглотить все небо и этот свет.

— Признавались, — с улыбкой отозвался Рик. — Одни — лгали ради денег, другие — искренне любили.

— Но ты до сих пор один, — подытожила я.

Мужчина внимательно посмотрел на меня. Улыбка исчезла.

— Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать, принцесса. — Рик громко выдохнул, сунул фляжку во внутренний карман пиджака, сплетя пальцы в замок, всем телом развернулся ко мне и прошептал: — Не надо. Дай мне время и подумай. Ему ведь ты даешь шанс.

— Это неправильно, я так не умею, — отодвинулась я. — Выбирать — это не по мне. Симпатия либо есть, либо ее нет. И если она сразу к двоим, то это просто временное увлечение. Мы знакомы достаточно долго, чтобы я была уверена в своих чувствах, Рандел.

Брови заказчика взметнулись вверх.

— Даже так? — протянул он.

— Я сама узнала. В последнее время мне везет оказываться в нужном месте в нужное время. — И, посмотрев на него прямо, призналась: — Поначалу я ужасно на тебя злилась. Особенно в ситуации с Патриком.

— Ну а что? Я же говорил правду, — сказал он.

— В этом весь ты — иногда понимающий, а иногда невыносимый. Кто ты такой, чтобы насмехаться над чужими чувствами?! — вспыхнула я, поднимаясь. — Ты ведь и со мной поступал так же... Ладно, я пойду.

Сделав шаг в сторону общежития, я обернулась, почувствовав волну тепла. С тела мужчины, словно пепел, слетала иллюзия, обнажая истинные черты лица. Я никогда такого не видела и тем более не знала заклатья.

— Рассказал ли Бенедикт тебе о перстне? — спокойно спросил Рандел. После того, как исчезло обличие Рика, его взгляд похолодел, лишившись свойственной заказчику хитринки.

— Перстне? Нет, я ничего не знаю, — ответила я, прежде чем поняла, что успешно захватила наживку.

— Обязательно спроси, — посоветовал Рандел. — До завтра. — Мужчина махнул рукой на прощание и побрел прочь.

Я смотрела ему вслед, а мои мысли уже неустанно крутились около упомянутого перстня. Что же еще предстоит мне узнать?

С нехорошим предчувствием я побрела к дверям общежития, ощущая себя выжатой как лимон.

Глава 20. Страстные прятки

С моего разговора с Патриком и Риком прошли почти сутки — непримечательное время, проведенное в покое. Как и предсказывал ректор, на следующий день мы отправились к Проточному лесу на воздушном корабле. В этот раз журналисты на испытание не попали. Поговаривали, что они слишком рьяно пытались подобраться к отравленным участницам и расспросить их, поэтому участие желтой прессы исключили. Сами же пострадавшие вели и чувствовали себя так, будто ничего страшного с ними не случилось, лишь в красках рассказывали о пережитом другим претенденткам.

Как и перед первым испытанием, распорядители и претендентки провели в полете целую ночь. Рано утром прибыв на место, мы высадились не в городе, а среди зеленого, усеянного неброскими цветами поля. Далеко впереди виднелся старый особняк, смотревший на нас темными провалами окон.

— Ничего лучше поблизости не оказалось. — Ко мне подошла Летиция, спокойно разглядывая строение вдаль. — Но внутри должны были навести порядок к нашему прилету.

— Ну, пока мне нравится. Никогда не думала, что это скажу... но надоела эта роскошь, хоть что-то интересное для разнообразия, — высказалась я.

— У меня есть идея. Как разместимся, я зайду за тобой и Кларой, — сообщила рыжеволосая. Она неведомым мне способом нашла общий язык и с Раженской.

Второй этап отбора проходил без матери Летиции. Как нам сообщили, у леди Анелин появились срочные дела во дворце. Никто из девушек не придал этому значения, но я-то понимала, какие обязанности могли возникнуть у сестры императора в столице.

— Какая? — заинтересовалась я. Испытание назначили на поздний вечер, поэтому день находился в полном распоряжении претенденток.

— Потом расскажу, — отозвалась Летиция, направившись к брату.

Проследив за ней взглядом, я заметила, что некоторые претендентки обратились за помощью к Валентину. Девушки поставили чемоданы рядом друг с другом, и мужчина заклятием поднял их в воздух.

Видимо, слабые заклатья левитации получались далеко не у всех. Хотя верилось в это, конечно, с трудом.

Поставив свой чемодан на землю, я только было собралась заколдовать поклажу, как меня опередили.

— Я помогу. — Рука Рандела случайно задела мою.

Рядом с ним мне было безумно неловко. Темные волосы трепал легкий ветерок, а нашивка на куртке мужчины ослепительно блестела на ярком солнце. Но он оказался не единственным, решившим прийти мне на помощь.

— Господин ректор... — выдохнула я, заметив, что по другую сторону от меня остановился Бенедикт. На людях мы должны были держаться официально, иначе пойдут слухи. — Э-э-э, вы что-то хотели?

Стоило вопросу вылететь изо рта, как я мгновенно поняла, насколько по-идиотски он звучал. Одновременное появление этих двоих выбило меня из колеи.

Рандел стоял по правую сторону, Бенедикт — по левую.

— Собирался помочь вам с багажом, — глядя не на меня, а на своего друга, холодно ответил ректор. — Но рад, что ты, Рандел, обладаешь должным воспитанием.

Брюнет учтиво кивнул и таким же тоном отозвался:

— Все для тебя, друг. Как я мог не помочь девушке?

В воздухе словно затрещали искры напряжения. Желудок закрутило.

Уповая на то, что никто ничего не замечает, я переступила с ноги на ногу. Соперничество мужчин меня злило. Лучше бы сама дотащила — не нуждаюсь я в такой помощи.

— Полагаю, ты будешь учтив со всеми, а не избирательно, — проговорил Бенедикт, прежде чем уйти.

И вроде бы я ничего не сделала, но все равно остался неприятный осадок.

Мы двинулись в путь, а заколдованный Ранделом чемодан поплыл вслед за нами. Спустя почти десять минут наша процессия достигла проржавевших ворот, преграждающих вход на территорию особняка. Судя по кислым выражениям лиц невест, старинное здание не привело их в восторг. Строение напоминала большую черепаху с лапами-башенками по краям и головой-верандой, вырастающей из торца здания.

Та часть территории, что некогда являлась садом, превратилась в едва проходимые заросли с высокими деревьями и пышными кустами, растущими хаотично.

Когда-то здесь было красиво...

Я гадала над тем, что же прогнало хозяев с этого чудного места, но ответа так и не нашла. Как и о самом испытании, у меня было катастрофически мало сведений об этом месте. Конечно, я искала информацию про Проточный лес, но найденные записи, как один, вещали, что деревья этого места передвигаются. Только тяжело поверить в то, что никак не получается представить. Поэтому я оставила розыски, сосредоточив внимание на попытках догнать учебную программу академии.

Когда мы преодолели главные ворота, дверь особняка неожиданно распахнулась, являя пухлую круглолицую женщину в фартуке.

— Как я рада приветствовать вас! — воскликнула она, улыбаясь и вытирая руки о передник. За ее спиной маячил высокий мужчина в потрепанной одежде, но с роскошными пышными усами.

— Правда, мы ждали вас лишь к полудню.

— Доброе утро. Получилось немного раньше, — отозвался ректор, идя к ним. Походка мужчины стала расслабленнее, словно Бенедикт сбросил маску главы академии, чтобы поговорить с этими простыми людьми.

Вскоре мы зашли в особняк. Обстановка внутренних комнат будто была отражением другой эпохи. Часы в главном холле не ходили, ковер под ногами выглядел потертым, и лак на обшитых деревом стенах давно потрескался, но несмотря на запустение, внутри царил идеальный порядок. В воздухе даже витал приятный аромат.

Я ночевала в шикарном поместье около Бурсбурга, была в прибрежном особняке, что сдавали богатым гостям, но из всех мест этот дом понравился мне больше всего — уютно и спокойно. Пусть и не без ожидания, нам показали наши покои. Обстановка в них мало отличалась, разве что убрано было не так тщательно, как в холле. Все же помимо встретившей нас женщины и ее мужа в особняке присутствовала лишь их пятнадцатилетняя дочь — слишком мало рук, чтобы содержать такое огромное жилище в идеальном порядке.

Я подошла к окну, чтобы взглянуть на сад с высоты третьего этажа. Он напоминал густой лес с плотной лиственной шапкой, скрывающей обзор, отчего в комнате царил полумрак.

Повернувшись к чемодану, лежащему на полу, я раскрыла его. Я не собиралась разбирать вещи ради одной ночи, но переодеться в свежие одежды не помешало бы. В этот раз на испытание я прихватила комплект для тренировок по магическим боям — мы отправимся в лес, и кто знает, что на этот раз взбредет ректору в голову? В первое испытание я искупалась, во второе — не удивлюсь, если предстоит лазать по деревьям.

Спустя десять минут, когда я переоделась и вышла из уборной, в дверь нетерпеливо постучали. Поддев ногой крышку чемодана, я запахнула его и, на ходу собирая волосы, кинулась открывать.

— Вы быстро, — слегка удивленно заметила я, увидев Клару с Летицией. Летиция улыбалась. Клара выглядела менее воодушевленной.

— Ты видела этот дом? А сад? — в восторге произнесла Летиция, довольная, как малое дитя. — Это прекрасное место, чтобы сыграть в прятки!

— Чего? Зачем? — удивилась я.

Взгляд Клары говорил мне: «Да-да, у меня была точно такая же реакция».

— Я спросила еще у нескольких девушек, они согласны, — не тушуясь продолжила сестра Валентина.

Интересно, а понимает ли Летиция, что они, скорее всего, согласились только из-за ее статуса распорядительницы на отборе?

Не уверена.

— Эм-м. Ну ладно, все равно заняться нечем, — немного подумав, согласилась я. В приюте мы нередко играли в прятки, и мне нравилось. Больше пяти лет прошло с последнего раза.

Вскоре мы спустились на первый этаж, в гостиную, где собрались несколько девушек, среди них я не без недовольства заметила Тарт. На ее идеальном лице не осталось никаких следов синих пятен. Порою мне казалось, что вчерашнего отравления не случилось, но ректор и студенты не могли все дружно врать.

Мелания приветственно мне улыбнулась, на что мое тело отреагировало дрожью, но я все же улыбнулась в ответ. Она не знала, что мне известно про Софию, но чувствовала мою неприязнь и настороженность, поэтому и вела себя иначе, чем с другими студентками.

Мы вышли на улицу — вдалеке виднелась темно-зеленая полоса леса. Я сощурилась, вглядываясь в пейзаж.

— Чем занимаетесь? — Откуда ни возьмись к нам подскочил Широн. У мужчины словно было развито чутье на разные авантюры, хотя игра в прятки не казалась мне чем-то особенным. Летиция отвечала владельцу множества артефактов с неохотой. За это время к нам успел присоединиться заскучавший Дерек. Я до сих пор помнила и о том, как он назвал меня белкой, и о вредном характере, проявляющемся практически при каждой встрече.

— Хм, прятки? — осведомился блондин, приподнимая бровь. — Ну хоть какое-то развлечение в этой глуши.

— Так, девушки, примете еще двух участников? — с хитрой улыбкой спросил Широн.

— Только не это, — пробормотала Летиция, исподлобья глядя на мужчин. — Играйте, но без магии! А то мы так и пяти минут не продержимся.

С новыми участниками девушки оживились, переглядываясь. Дерек смотрел куда угодно, но не на людей, изображая незаинтересованность. Мне захотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым, чтобы убрать высокомерное выражение с лица. Зачем проситься, а потом делать вид, будто делаешь одолжение?

Я хмыкнула. Дерек пренебрежительно посмотрел на меня.

— Что-то не так, белка? — спросил он, подойдя ближе, пока Летиция и остальные решали, кто первый водит.

Поджав губы, я уставилась прямо перед собой.

— Почему молчишь, белка? — Он помахал рукой перед моим лицом.

Едва сдерживаясь, я продолжала держать рот на замке. Отчасти причина молчания была в том, что в голову не шло никакого остроумного ответа, и я решила просто игнорировать и не откликаться.

Пока блондин кружил около меня, присутствующие договорились выбрать водящего простым способом — поднятием руки: кто последний, тот и водит.

Дерек прослушал и в итоге, когда строй ладоней оказался в воздухе, с недоуменным видом уставился на Широна.

— Ты водишь, друг, — с улыбкой оповестил он блондина.

— Что? Почему я? — возмутился тот.

— Надо было ушами слушать, господин распорядитель. — Возможно, это было ошибкой, но я позволила себе фривольно похлопать его по плечу и пожелать удачи.

Взгляд Дерек метал молнии.

Уже после начала игры, отойдя от мужчины на несколько метров, я рассеянно подумала: «Даже удивительно, что он меня не покусал». Но теперь нужно хорошенько спрятаться, иначе мне несдобровать. Не надо быть гением, чтобы понять, на чьи поиски в первую очередь отправится вредный блондин.

Передо мной раскинулся дикий сад, шелестящий листвой и словно призывающий войти в его тень. Только, увидев, как несколько девушек исчезли в его пределах, я передумала, развернулась и, пока оставалось время, поспешила к заднему входу в особняк. Внутри много комнат, да еще и подвал, в котором наверняка можно спрятаться.

Войдя в дом, я свернула налево и, наткнувшись на лестницу, спустилась вниз, в большой длинный подвал с пустыми стойками для продуктов и солений, некогда хранившихся здесь. Но неочевидных мест, где можно было бы спрятаться, не обнаружилось. Деревянные бочки, вереницей стоявшие у стены, — первое место, куда заглянет Дерек в поисках меня.

Поняв, что потратила в подвале слишком много времени, я заволновалась. Надо как можно скорее убираться отсюда!

Уже собираясь вернуться наверх тем же путем, что и пришла, я заметила еще одну лестницу. Рассудив, что так у меня будет меньше шансов столкнуться с водящим, я поспешила к ступенькам.

Уже наверху, отворив скрипящую дверь, я услышала шум и сдавленные ругательства из глубины подвала.

— Я тебя найду, белка, — внезапно раздался мужской голос. Дерек шел по моим пятам.

Сердце учащенно забилося, и я побежала по ступенькам еще на один этаж выше. Пока он меня не увидел, игра не проиграна.

Ступив на потертый красный ковер, кинулась к ближайшим дверям, дергая за ручки до тех пор, пока спустя мучительно долгое время не отыскала открытую комнату.

Забегав внутрь, я облегченно выдохнула, прислоняясь спиной к закрытой и запертой на хлипкую задвижку двери. И спустя мгновение осознала, что здесь вовсе не одна.

— Извините, — пораженно протянула я, глядя на ректора в длинном плотном халате и тонких хлопковых брюках под ним и Валентина в привычной мне одежде. Оба мужчины сидели перед журнальным столиком, на котором лежал медальон-артефакт ректора. Верхняя крышка магической вещицы оказалась снята, обнажая шестеренки и сияющие драгоценные камни внутри.

— Я чему-то помешал? — Валентин красноречиво посмотрел на Бенедикта.

— Нет. Я не ждал гостей, — с намеком на улыбку ответил ректор. — Но подобные сюрпризы мне по душе.

Вновь расслышав голос Дерека в коридоре, я, наплевав на все, порывисто шагнула вглубь покоев.

— Спрячьте меня! Пожалуйста, — попросила свистящим шепотом, и прежде чем в дверь ожидаемо постучали, успела в двух словах рассказать об игре.

Когда настойчивый стук повторился вновь, я вздрогнула.

Мужчины переглянулись. Бенедикт поднес руку к лицу, скрывая усмешку.

Ну да, нелепее ситуации не придумаешь. Но попасться блондину и увидеть торжество на его лице хотелось гораздо меньше, чем просить помощи у ректора.

— Идем, — одними губами позвал он, направляясь в соседнюю комнату, и напоследок обратился к родственнику: — Валентин, разберешься?

— Не переживай, — так же беззвучно ответил мужчина.

Уже оказавшись в другой комнате, я запоздало поняла, что попала в маленькую купальню.

Овальный бассейн с местами отсутствующей плиткой был полон воды, от которой валил пар.

Посмотрев на запертую дверь, я перевела на ректора вопросительный взгляд.

— Я собирался помыться, — невозможно сказал Бенедикт, заставляя вновь обратить внимание на его халат.

Раздался приглушенный стук двери, и вскоре послышались голоса Дерека и Валентина. Я примолкла, оставив возмущения при себе. Тем временем по ту сторону стены разгоралась битва — блондин придиричиво осматривал покой и не верил, что меня там нет, предпринимая попытки проверить ванну. Но пока перспектива разозлить Бенедикта его останавливала.

Отвлеченная своими мыслями, я на мгновение совсем позабыла о Бенедикте, который ни на секунду не терял меня из виду. Я подняла взгляд, и дыхание сперло, словно, оказавшись под водой, я лишилась возможности дышать.

Карие глаза смотрели на меня внимательно и проникновенно. Тишина, царившая в этой комнате, неожиданно приобрела интимные нотки, а голоса за стеной превратились в монотонный гул.

«Что?» — спросила я одним взглядом.

Ректор приблизился, склонившись к моему уху, и я неосознанно замерла.

— Ты красная, — прошептал он.

— Здесь жарко, — сдавленно отозвалась я.

Из-за двери раздался недовольный возглас Дерика:

— Я даже воды не слышу!

— Он медитирует, — невозмутимо ответил Валентин.

Я закатила глаза, поражаясь неугомонности блондина. Бенедикт отошел и, коснувшись пояса халата, стал его развязывать.

— Ты что делаешь? — прошептала я, подскочив и схватив его за руку.

— Хочу обеспечить плеск воды, — невозмутимо отозвался Бенедикт, будто издеваясь.

Да не будто, он и правда издевался!

Взгляд невольно коснулся перстня на его руке, о котором, судя по всему, и говорил Рандел.

Вздохнув, я отступила, гадая, что имел в виду заказчик и не стоит ли спросить об изделии у Бенедикта прямо сейчас.

— Обеспечивай, только халат не снимай, — все так же шепотом буркнула я и отвернулась.

Все эти недомолвки заставляли держаться от ректора на расстоянии.

Неожиданно ноги оторвались от пола, и я лишь чудом подавила вскрик. Но это не помешало мне активно махать руками в жалких попытках заставить Бенедикта отпустить меня.

Ректор усмехался, но когда я заехала ему ладонью в нос, улыбка исчезла. И меня уже с непоколебимой решимостью погрузили в горячую воду.

Одежда мгновенно промокла. Я с немым возмущением оглядела себя. Бенедикт остался за пределами бассейна, иронично глядя на меня.

— Я не купаюсь в одежде, — нагло сказал он.

— А я купаюсь?! — прошипела я, придумывая план мести. Поднявшись на ноги, сделала вид, что выбираюсь из бассейна, но вместо этого, когда ректор отвел взгляд, окатила его водой из ковшика, висевшего на стене.

По грозному лицу ректора стекала вода, темные глаза его не сулили мне ничего хорошего, и я, осознав, что натворила, торопливо прошептала, пытаясь погасить конфликт:

— Долг. Я всего лишь отомстила.

Бенедикт, с легкостью перешагнув бордюр, опустился в бассейн. Вода приподняла полы халата. Темные штаны облепили его ноги.

— Отомстила, значит?.. — повторил он, надвигаясь на меня.

— Да. Ты первый кинул меня в воду, — пяясь, упрямо возразила я.

— Но ты ведь первая пришла ко мне, попросив помощи, ведь так? — Моя спина уперлась в стену, и мужчина навис надо мной.

— Но это совсем не значит, что надо было устраивать эту комедию, — заметила я.

— Не значит. Но я не смог удержаться.

— Вот чего ты сейчас добиваешься? — прямо спросила я, чувствуя дыхание мужчины на своей щеке.

— Разве не понятно? — прошептал Бенедикт. — Я соблазняю тебя. И судя по твоему забегавшему взгляду, у меня получается.

«Я ненормальная. Это точно», — мысленно решила я, на мгновение бессильно прикрывая глаза. Он ректор академии, а я студентка. Только вот почему именно сейчас я не вижу перед собой грозного преподавателя, которым он был всегда?

Самое паршивое, что он прав, — в мастерстве соблазнения ему не было равных. Не то чтобы многие пытались меня соблазнить, но ему я бы вручила медаль за первенство.

— Не слишком ли ты торопишься? У тебя по всему дому еще больше десятка девиц, — постаралась я охладить пыл Бенедикта и вернуть себе самообладание.

Еще день назад я составила новый список с именами претенденток, но отдавать его не решалась, ведь я больше не могу быть беспристрастной. Да и как предлагать других девушек тому, кто уже не раз показал к тебе свое расположение? Это или глупо, или повод пофлиртовать, добиваясь нового признания.

— Это формальность, ты же знаешь. Совсем скоро все закончится. — Рука Бенедикта коснулась моей талии. Я мгновенно ощутила тепло его ладони сквозь мокрую одежду.

Атмосфера была слишком интимной. Сердце лихорадочно стучало, кожа рук покрылась мурашками, а вновь возникший аромат мяты кружил голову. Притяжение накатило внезапно, как океанская волна, разбивая вдребезги доводы разума, и становилось невыносимым. Наверное, эти чувства убьют меня прямо здесь и сейчас, потому что я не понимаю ничего. Как желания могут руководить волей, влиять на твои решения? Разве это не удел слабых? Я никогда таковой себя не считала, но, несмотря на это, позволила мужским губам прильнуть к моей шее и покрывать ее скользящими поцелуями. Эти поцелуи дурманили, заставляли прекратить поиски логичного ответа на то, что рационально объяснить невозможно.

Я выдохнула, вцепляясь в плечи Бенедикта и комкая ткань халата.

Меня лихорадило, разрывая между желаниями бежать без оглядки и всегда, раз за разом, терять себя в его объятьях. Хриплое дыхание Бенедикта лишь ухудшало ситуацию, заставляя радоваться, как безумную, ведь не кто-то, а именно я вынуждаю его обнажить свою истинную суть.

Губы мужчины коснулись моих скул, а ладонь мягко обвела линию ключиц.

— И зачем куда-то бежать? — шептал он, продолжая целовать. — Противоречить себе?

— А разве ты поступал не так же? — Затуманенный разум не желал лгать, заставляя быть откровенной.

Словно наяву я видела миллионы искр, пронзавших воздух между нашими телами. Бенедикт целовал мои губы, лицо и шею, нашептывая все более смущающие комплименты, и, словно небесная музыка, они находили отклик в моем сердце.

Оторвавшись от плеч, я обхватила его шею, притягивая к себе и вынуждая мужчину позабыть об этих безумных мельтешащих касаниях губ и подарить настоящий, глубокий поцелуй.

Двое пропавших, стоящих по пояс в воде, тонули друг в друге, словно соревнуясь в том, чья страсть окажется неуголимее и отчаяннее.

Тихо всплеснула вода. Кто-то прерывисто выдохнул. Не знаю кто, может, мы оба.

Внезапный стук в дверь показался раскатом грома в этой тишине. Я замерла, оглушенная и потерянная, словно меня вышвырнули в реальность из прекрасного сна. Дышать было тяжело, очертания предметов расплывались перед глазами, а пальцы судорожно сжимали мужской халат, стараясь удержать мгновение.

— Кхм, — раздалось неуверенное покашливание, и голос Валентина, казавшийся теперь таким громким и бесцеремонным, продолжил: — Все, он ушел. Вы как там?

И я отпрянула от Бенедикта, даже не взглядывая на него.

О своих действиях и поцелуях я не жалела, но понемногу осознавала, что зашла слишком далеко, и поэтому закрылась в себе. Внутри бушевал ураган, но лицо мое превратилось в непроницаемую маску.

— Все скоро закончится. Верь мне, Эльза, — словно прочитав мои мысли, пообещал Бенедикт, когда я прошла мимо него, взволновав воду.

Я промолчала, боясь сказать то, о чем после пожалею. Голова словно была наполнена туманом. Выбравшись из бассейна, я высушила одежду заклятием, отчего комнату заволочло паром.

Мне стало паршиво, мысли вернулись к загадке кольца и всего, что от меня скрывал Бенедикт. Я безумно боялась в нем разочароваться, а интуиция подсказывала, что именно так все и будет.

— До встречи на испытании.

Мало заботясь о том, как буду выглядеть в глазах Валентина, я открыла дверь. Столкнувшись с ним, поблагодарила за помощь и поспешно покинула покои, даже не думая, что снаружи все еще бродит вредина блондин.

* * * * *

Дверь захлопнулась, и в покоях воцарилась абсолютная тишина. Рыжий бросил на ректора испытующий взгляд.

— Что у вас произошло? — спросил он.

— Не знаю. Должно быть, я окончательно пропал. — Бенедикт прошелся ладонью по мокрым волосам и несколькими шагами достиг края бассейна, выбираясь из него.

Валентин покачал головой.

— На твоем месте я был бы осторожен. Завершишь привязку и потом не отделаешься, — отозвался родственник.

— А кто сказал, что я хочу? — риторически спросил Бенедикт, проходя мимо него в глубь покоев. — Наоборот. Но уже предчувствую, как она придет в ярость, когда узнает об этой связи.

— Поражаюсь тебе. Ты так спокоен в сложившейся ситуации, — высказался Валентин. — С тех пор как мать уехала я как на иголках. Каждую секунду ожидаю, что сообщат о его смерти.

Лицо распорядителя накрыла тень беспокойства. Мрачные мысли занимали голову мужчины. Состояние императора было критическим, дворцовый лекарь уже не пытался предсказывать, сколько дней ему осталось, ясно давая понять, что правитель мог скончаться в любую минуту. Валентин тяжело упал в кресло, складывая ладони лодочкой перед собой.

— Какой смысл волноваться раньше времени? Чему быть, того не миновать. Все приготовления завершены.

— А если твой отбор не закончится?

— Я его завершу, — с ироничной улыбкой пообещал Бенедикт. — Я же не бездушный, чтобы продолжать поиски жены параллельно с похоронами дяди.

— Ну-ну, — недоверчиво протянул родственник. — Я знаю твоё отношение к старику. Даже удивительно, что к его сыну ты более чем благосклонен.

— Потому что мы не в ответе за поступки своих родителей, вот и все, — отозвался ректор.

Валентин медленно кивнул, соглашаясь. Но на его лице все еще царил беспокойство, которое не отпускало мужчину уже на протяжении нескольких дней. Совсем скоро император умрет, и кто знает, что произойдет за то время, пока на престол взойдет следующий правитель?

Глава 21. Смерть и Правда

Этот лес был не похож ни на один другой. Звуки, присущие подобному месту, отсутствовали — ни пения птиц, ни шелеста листвы, лишь тихое потрескивание коры и вздыбленная земля под ногами.

Он словно застыл во времени, будто деревья раз за разом проживали одну и ту же секунду, но вместе с тем изогнутые корни под ногами, выбравшиеся на поверхность насколько это было возможно, устилали все свободное пространство. Только голая темная земля без трав, цветов, кустарников и корни.

Мы лишь зашли в перелесок, а по спине прошелся холодок. Но судя по виду девушек, не я одна испытывала тревогу, беспокойство захватило лица красавиц. Разве что Клара оставалась верна себе, пристально разглядывая местность, но было заметно невооруженным глазом — она нервничала.

— Остановимся здесь, — приказал ректор. — Дальше опасно.

Шиرون опустил на землю деревянный сундучок, что нес в руках всю дорогу. Летиция склонилась, откидывая его крышку, а Дерек, прокашлявшись, заговорил:

— Проточный лес имеет свое название неспроста, раз в месяц, в полнолуние, деревья перемещаются, меняя расположение. В этом месте легко заплутать и еще легче сойти с ума. Из-за особого магического фона некоторые верят, что в нем обитают призраки, но точно ничего не доказано. Как только вы продвинетесь дальше, разговаривать запрещено. Любые звуки голоса перетягивают внимание леса на вас. Если вы заговорите, он заговорит с вами. Многие после этого сходят с ума, поэтому ради предосторожности мы заготовили зелье молчания, что убережет каждую из вас от роковой ошибки. — Летиция достала из сундука бутылки, и я узнала приготовленное мною снадобье.

Понемногу все становилось понятно.

Бенедикт стоял в стороне, сосредоточенно осматривая ближайшее дерево. Он прикоснулся к нему ладонью, на мгновение закрыв глаза, будто прислушиваясь, а открыв их вновь, без промедления двинулся к следующему растению.

Летиция подходила к каждой из претенденток, вручая по бутылку.

Интересно, как бы отнеслись претендентки к тому, что я изготовитель? Наверняка усомнились в действенности зелья.

— В центре леса расположено Озеро Грехов, — когда каждый получил по экземпляру, вновь привлек к себе внимание Дерек. — Вам необходимо добраться до него. Тот, кто первый прибудет на место, победит. Но лес чувствует темные поступки — если вы чисты душой, то найдете озеро без труда, а если нет, поиски затянутся.

Я искоса глянула на Меланию. Вот уж кому победы в этом испытании не видать.

— А почему Озеро Грехов? Откуда такое название? — подняв руку вверх, спросила я, все еще внимательно наблюдая за Тарт.

Дерек в упор уставился на меня. Его взгляд был каким угодно, но не дружелюбным.

Что же он ранимый такой? В той игре в прятки он отыскал меня одной из последних, чем явно был недоволен.

— Потому что, если вы применяли темные заклęcia или причиняли вред другому живому существу, вода этого источника будет жечься. Насколько сильно, зависит от ваших деяний. Лишь единицы могут позволить себе искупаться в нем, — все же ответил блондин.

Претендентки переглянулись. — Распорядители будут ожидать вас у озера. Тот, кто победит в этом испытании, получит драгоценный подарок от Бенедикта Карра — цветы красоцвета.

Я едва не присвистнула. Ректор знал, что предлагать взамен. То жемчужина, то источник красоты. Глаза девушек загорелись. Цветки красоцвета растирали, добавляя в крем и шампуни, — получаемый эффект не шел ни в какое сравнение с разными настойками и зельями, обещавшими сияющую кожу или здоровые густые шелковистые волосы. Даже кожа горгунов, считавшаяся весьма действенным средством, все равно во много раз уступало в действенности этому цветку.

Красоцвет не продавали, потому что отыскать его было невероятно сложно. Он цвел раз в десять лет и всего пару дней. Лишь в этот период цветков выделялся на общем фоне, а все остальное время растение мимикрировало под окружающую его флору.

— Есть еще какие-нибудь вопросы? — осведомился Дерек раздраженно.

— А сколько времени нам дано на поиски? — спросил кто-то поблизости.

— До рассвета. — Блондин взглянул на алеющее небо над головой. На улице стремительно темнело.

Теперь понятно, почему еще в особняке нам выдали по смоляной лампе, — если я выпью зелье молчания, то колдовать не смогу. К сожалению, колдовать без слов я еще не умела — проблемы с концентрацией. Мысленное произношение заклятий довольно редкое умение, и не каждый маг им владеет.

Также, когда мы покидали особняк, кроме ламп нам дали по бурдюку с водой и голубому переливающемуся камешку с отверстием в центре, через который была продета тонкая веревочка, чтобы повесить его на шею. Как выяснилось, эти камни с морского дна резко контрастировали с природной магией Проточного леса. Простым языком, благодаря им распорядители отыщут любую участницу, если та потеряется.

— Думаю, пора начинать, — неуверенно проговорил блондин, скосив взгляд на друзей, стоявших обособленно неподалеку от него. — Не забудьте выпить свою порцию зелья. Это важно!

Хм, несложно понять, кто на этот раз проиграл в кости. Видимо, удача сегодня находилась не на стороне Дерек.

Я посмотрела на бутылек и недолго думая откупорила его, приняв к содержанию. Это точно мое зелье!

Пожав плечами и запрокинув голову, я первая из всех осушила флакончик до дна.

Когда горьковатое зелье потекло по горлу, то словно запылало изнутри. Не больно, но и приятного мало. Я несколько раз беззвучно открыла рот, словно рыба в воде. Голос исчез.

Поразительно, как только лишаешься возможности говорить, это становится настоящей проблемой. Наедине с собой я могла молчать часами, а теперь ощутила легкую панику и страх о том, что лишилась голоса навсегда.

Хватит! Это всего лишь на одну ночь!

Без колдовства я чувствовала себя слишком уязвимой.

«На время ты стала обычным человеком», — подсказал мне внутренний голос, заставляя смириться с произошедшим.

Дерек объявил начало испытания. И в этот миг по лесу пронесся гулкий эхообразный шелест листьев, будто давно остановившееся время вновь начало ход. Глубоко вздохнув, я вместе с остальными побрела вперед, держа смоляную лампу вытянутой рукой перед собой.

Уже полчаса я бродила по лесу, без плана, без понимания, куда мне свернуть. Стволы деревьев были похожи друг на друга — темно-серые, почти черные, с танцующими желтыми отблесками света от лампы, а листья наверху отливали грязно-коричневым.

За все время я встретила лишь одну девушку. Ее силуэт промелькнул вдалеке и исчез за деревьями так быстро и тихо, словно она была призраком.

Уже окончательно стемнело, и полумесяц основательно обосновался на небосводе, соревнуясь сиянием со звездами. Но что десять минут назад, что двадцать — местность не менялась — все время один и тот же заволаживающий пейзаж: темные силуэты и вздыбленная земля под ногами.

Решив передохнуть, я села на ближайший корень, что дугой извернулся вверх, покинув свое подземное укрытие. Проведя рукой по шероховатой древесной поверхности, я ощутила легкое покалывание в кончиках пальцев. Поначалу испуганно отдернув ладонь, я прикоснулась вновь. «Очень необычно», — подумала, покачив головой.

Вскоре обойдя еще несколько деревьев, я столкнулась с теми же ощущениями, только где-то отклик был сильнее, а где-то слабее. Когда я остановилась у очередного дерева, меня неожиданно осенило: покалывание усиливается лишь у растений в одной стороне, и чем дальше продвигаешься в этом направлении, тем оно сильнее! Неужели я нашла путь? Возможно ли, что они ведут меня к Озеру Грехов?

Почувствовав прилив сил, я в ускоренном темпе побрела в глубь леса. Но спустя некоторое время воодушевление стало угасать, и я продолжала следовать дальше в более размеренном ритме.

В этом тихом и уединенном месте в голову лезли разные мысли. В сознании словно воцарилась ясность, которой не хватало ранее. Если задуматься, то у каждого испытания свой смысл.

Русалы были менталистами, что, перед тем как отдать жемчужину, проверили что-то в моей голове. Надо будет обязательно спросить об этом у Бенедикта. Проточный лес же показывает самую безгрешную, так получается?

Но если же вспомнить мою работу по варке зелий, что не всегда попадали в хорошие руки, то мне в этом испытании точно не победить.

«Это формальность, ты же знаешь. Совсем скоро все закончится», — вспомнились слова ректора. Я не должна была воспринимать их всерьез, вот только все равно раз за разом прокручивала в голове. Сердце желало верить, а разум, как обычно бывало, никому не доверял. А ведь совсем недавно Бенедикт внушал мне настоящий ужас, из-за которого я хотела сбежать без оглядки. И что же теперь? Куда подевался страх?

Я остановилась, балансируя на одном из корней.

Меня удивляло, почему мое отношение к ректору оказалось столь непостоянным. И медленно распутывая клубок воспоминаний, я поняла, что и опасения относительно него появились тоже внезапно.

Все началось с той злополучной лекции, когда я разбила лоб. Хотя не совсем так, опасаться ректора я стала чуть позже, и вовсе не из-за того шокирующего приземления на его колени. В то время, два года назад, идя по коридору, обедая в столовой или сидя в библиотеке, зачастую я не могла сосредоточиться, что-то беспокоило меня и отвлекало, заставляя нервничать. Словно за мной по пятам следовала тень, которую, как бы я ни оглядывалась, увидеть не получалось. И понемногу, день за днем, это сводило меня с ума, делая из меня настоящего параноика. Правда, со временем ощущение стало возникать все реже, но никогда полностью не исчезало. Неделя, месяц, год... Начинаешь невольно задумываться, а не больна ли ты? Может, сходишь с ума? И одновременно с нарастающей подозрительностью я начала бояться ректора академии Эльрата и избегать его, словно злейшего врага. Стоило увидеть его, и интуиция била тревогу, вызывая мурашки по всему телу.

Только в этот самый момент, вновь прокрутив в памяти события прошлого, я изумленно замерла, ошарашенная очевидной догадкой.

Похоже, я не настолько умна, как сама считала, раз сообразила лишь теперь. Идиотка — слово, сполна характеризующее меня. Истина словно молнией пронзила мое сознание.

Несчастье на лекции, мания преследования, несчастное попадание на отбор, договор, чтобы задержать меня... Черт! Как давно он все продумал?!

Гнев. Удивление. Озарение. Принятие.

Невидящим взглядом я смотрела на ближайшее дерево и пыталась прийти в себя.

Думай, Эльза, думай! Может, ты в чем-то ошибаешься?

Но ирония в том, что не могло быть ошибки, — слишком все логично и складно получалось.

Наконец-то странные события моей жизни находили объяснение. Зла не хватает!

Несмотря на ярость, я уговаривала себя успокоиться и посмотреть на ситуацию разумно.

Чего бы Бенедикт ни добивался с самого начала, его цели явно поменялись. Разговор с

Ранделом в «Лунном свете» прямое тому доказательство.

«Пусть выбирает она», — сказал ректор другу. Если это не притворство, то Бенедикт явно заслужил несколько очков в свою пользу. Все же с момента того поцелуя в башне он стал другим, появилось больше уважения. Вот только два года шпионства за мной это все равно не оправдывает!

От бессилия я топнула ногой и тут же соскользнула с корня, рухнув на колени. Лампа упала, разбившись, а жидкий огонь заплескался на коре ярким пламенем. Раздалось шипение, корни зашевелились, а алые искры энергии неожиданно заплескались в воздухе, ощутимо покалывая тело.

Дыхание перехватило. Сердце усиленно застучало. Пламя разгоралось так стремительно, что вскоре грозило превратиться в настоящий пожар — несокрушимый, голодный и желающий объять весь лес.

Быстро опомнившись, не вставая с колен, я стала загребать руками черную влажную землю, кидая ее на злобеще танцующий огонь. Раз за разом погружая ладони в почву, я не успокоилась до тех пор, пока пламя с явной неохотой не потухло, а гулкое шипение неизвестного происхождения не исчезло.

Выдохнув и подняв голову, я настороженно уставилась вверх, прислушиваясь к звукам ночного леса и словно чувствуя его гнев. Красные искры исчезли, покалывание тоже, даже то, что возникало при прикосновении к корням и стволам деревьев. Теперь больше ничто не указывало мне путь к Озеру Грехов.

Дыхание хаотично вырывалось из легких, адреналин бушевал в крови, из царапин на коленях выступили капельки крови.

Неожиданно неподалеку что-то зашуршало, встрепенувшись, я поднялась, вглядываясь в темноту. Открыла было рот, собираясь крикнуть: «Кто там?!» Но зелье молчания хорошо выполняло свою задачу — из горла не вырывалось ни звука. Шуршание повторилось, и мне показалось, что к дереву вдалеке примкнул чей-то темный силуэт. Под ложечкой засвербело, я опасливо шагнула назад.

Ночь. Вытянутые стволы деревьев и отсутствие зелени — создавали отталкивающую атмосферу.

Мгновение тьмы и внезапно вспыхнувшее шаровое заклятие, помчавшееся навстречу, осветило лес и ослепило меня. Оно было быстро, как разряд молнии, пронзающий небеса, не оставалось времени ни отпрыгнуть в сторону, ни упасть на землю. За мгновение до столкновения заклятие расщепилось на десяток искр, коснувшихся моих ног, живота, плеч и рук, пощадив лишь лицо. Одежда превратилась в решето, а из мелких неглубоких ран по всему телу обильно потекла кровь.

Я согнулась пополам от пронзительной боли, обнимая себя и чувствуя теплую кровь на пальцах. Она текла не останавливаясь, а я не могла ни излечиться, чувствуя, как слабеет тело, ни крикнуть помощь, ни обнаружить заклятием нападавшего, что скрывался в угольной тьме. «Не стой на месте! Спрячься, отыщи помощь!» — указывал внутренний голос, и я, собрав волю в кулак, чувствуя, как кружится голова, направилась в противоположную сторону от того места, откуда прилетело заклятие.

То ли неизвестный маг решил, что со мной покончено, то ли наблюдал издалека, не являя себя, но больше не нападал.

В некоторые моменты жизни люди борются с самими собой, со своей ленью, страхом и слабостью, и нередко мы отступаем, боясь призрачного провала и того, что нам не хватит сил. Но в моем случае отступить означало умереть от потери крови, чего я не могла себе позволить.

«Первое дерево... второе... третье...» — считала я про себя, лишь бы не потерять сознание от оцепляющей боли, но, вскоре сбившись, начала заново. Я заставляла себя идти хоть куда-нибудь, пока оставалась надежда на спасение. Моя потрепанная одежда насквозь промокла от крови и влажно блестела в редких лучах лунного света.

«Бенедикт... Бенедикт... Бенедикт... — неожиданно для себя затвердила я, будто имя ректора могло помочь. — Приди ко мне, когда ты действительно нужен! Иначе я умру с обидой и изведу тебя во снах!»

Развернувшись, я прислонилась спиной к стволу дерева, не видя и не слыша ничего, кроме собственного дыхания и стука сердца, что надрывно гнало остатки крови по венам. Я ведь не могу умереть так жалко. Еще столько не сделано. Только не так!

Ноги подкашивались, я сползала вниз.

Говорят, при смерти у людей проносится перед глазами вся жизнь. То ли у меня она была слишком короткой, то ли слишком невзрачной, направленной на борьбу с обстоятельствами, но вместо отрывков воспоминаний в сознании раскаленным до жара угольком горело лишь одно желание — наказать ту тварь, что исподтишка бросила в меня заклятие.

До боли в пальцах я вцепилась в кору, не давая себе упасть. Но в руках больше не осталось сил, они онемели, почти потеряв чувствительность.

Ладонь соскользнула, меня качнуло вперед. Я падала, вытянув вперед руку, чтобы хоть как-то смягчить столкновение с землей, закончив беззвучный поединок с собой. Тупое чувство безысходности окончательно захватило мой разум, но, почти захватив власть, неожиданно отступило.

Тепло. Обеспокоенность. Нежность.

Мужская рука вцепилась в мою ладонь, не давая упасть, а потом, стремительно приблизившись, Бенедикт подхватил меня на руки. Расфокусированное зрение уже не позволяло видеть его лица, только слышать ускоренный стук его сердца, за которым моему оставалось лишь попевать.

«Держись», — будто наяву раздался голос, но как назло силы мои истощились, и я погрузилась в плотную сосущую темноту.

* * * * *

Бенедикт шел с Эльзой на руках. Его ладони дрожали, напоминая о старой травме. Когда-то при создании артефакта, который теперь висел у него на груди, произошло несчастье — энергетические камни взорвались, а их мелкие кусочки впились в ладони, раскаленные, как угли. Даже спустя столько лет руки пронзала боль без причины, будто его плоть навсегда запомнила раны.

Раз за разом мужчина применял целительское колдовство к Эльзе, но потерянную кровь не вернешь заклятиями, здесь необходим профессиональный целитель. Обеспокоенный, внимательный взгляд нередко бродил по бледному лицу девушки, опровергая главный страх Бенедикта, убеждая, что она жива.

Он сам был испачкан ее кровью, будто мясник, и даже родовой перстень получил свою долю. Пусть совершенно случайно, но привязка завершилась. Камень заалел, хотя и не так ярко из-за состояния Эльзы.

Родовой защитный артефакт позволял находить и чувствовать состояние любого, кто носил перстень из драгоценного комплекта, и в случае женитьбы привязать к нему свою избранницу. Правда, редко кто решался на этот ритуал. Во-первых, связь на крови была слишком навязчивой — она притягивала людей, заставляя их чувствовать друг друга, а во-вторых, если пройти оба этапа, разорвать ее сможет лишь смерть одного из партнеров.

— Целителя! — гулко рыкнул Бенедикт, выйдя за границы леса, у кромки которого дежурил отряд из трех магов. Они прибыли отдельно и прятались в тени, не попадаясь девушкам на глаза.

— Он в поместье, господин, — подскочил к нему служащий.

— Какого лешего он в поместье?! — воскликнул Бенедикт. — Беги вперед, пусть приготовит все необходимое! Быстро!

Помедливший было мужчина побежал в особняк. Ректор направился за ним, несмотря на боль в руках, не намереваясь выпускать Эльзу из рук. Прибегни он к заклятию левитации, и состояние девушки, тело которой и так напитало слишком много целительской магии, могло ухудшиться. «Рисковать нельзя. Только не теперь. Если бы не наша связь, Эльза бы умерла», — подумал он, и его захлестнула ярость.

Когда, стоя около у озера, Бенедикт ощутил чужую боль и свое имя, нашептываемое слабым женским голосом, он точно знал, куда идти. И не давая толковых объяснений, ректор побежал прочь от остальных распорядителей отбора, боясь не успеть. Перстень на его пальце раскалился, обжигая кожу.

Стоило Бенедикту войти в лес, вернулось и знакомое ему притяжение, не отпускавшее его уже долгое время. Когда два года назад на артефакт впервые пролилась кровь девушки, и он ее принял, ректор отнесся к произошедшему спокойно, как к очередной проблеме, с которой следует разобраться. Годы научили его, что нет неприятностей, которые решить невозможно. Если что-то уже случилось, надо смиренно искать выход, а не гадать, что бы произошло, если бы обстоятельства сложились иначе, более благоприятным образом.

Ректор стал присматривать и наблюдать за Эльзой, не являя при этом себя. Отчасти им двигал научный интерес, ведь уже довольно давно никто не привязывал партнера к кольцу-артефакту. Он желал разобраться, как действует связь и насколько верны сведения в фолиантах имперского дворца, поэтому тянул с разрывом привязки. Поначалу она была крайне слаба, не приносила беспокойств и действовала лишь в одном направлении.

Со временем наблюдение Бенедикту наскучило. Он перестал следовать за студенткой по пятам, решив, что, как подвернется возможность, обязательно избавится от связи. На первом этапе это способна сделать лишь жгучая ненависть, что на корню перечеркнет теплые чувства между партнерами.

Но спустя несколько месяцев девушка вновь привлекла его пристальное внимание — работа в лавке на Теневой улице крайне опасное занятие. Немного подумав, Бенедикт решил, что за студенткой надо приглядеть, и поручил это задание Ранделу, который уже три десятка лет неотступно шел за ним подобно призраку, помогая и исполняя любые приказы.

Маг позабыл о навязанной суженой на долгое время, до несчастья, что принудило его устроить отбор. Ректор прекрасно осознавал, что начальник из него не самый приятный. Он был строг, придирчив и заносчив, требовал многого от себя и ожидал такой же отдачи от других, порой забывая, что у всех людей способности различны и некоторые просто не могут перепрыгнуть через самих себя. Исходя из своих недостатков, Бенедикт придумал план — включить Эльзу в состав претендентов и заключить договор, предложив ей достойное вознаграждение. Сам внес имя Лост в список предполагаемых участников и позволил тете Анелин отобрать лучших из них, уже после собираясь внести одно-единственное изменение. Только просмотрев длинный список из двадцати четырех имен, он даже удивился, осознав, что дальнейшее его вмешательство вовсе ни к чему. По мнению ректора, он был на пути решения одной из главных своих проблем — избавления от случайной привязки родового артефакта.

«Сколько сделано ошибок, сколько времени потеряно...» — чуть позже с досадой думал Бенедикт.

План оказался смехотворной несбыточной затеей, данное другу обещание — необдуманном поступком, а отбор окончательно превратился в театральную постановку, ширму, за которой скрывали страшную трагедию и в которой не было ни капли натуральности, — свой выбор Бенедикт уже сделал.

Впереди замаячила крыша особняка, и он ускорил шаг, придерживая голову Эльзы ладонью. Со стороны мужчина казался черным грозным вороном, что несет добычу в логово, и мало кто мог углядеть, что за ледяной маской безразличия скрывались беспокойство, забота и любовь.

Глава 22. Расставание

Голова кружилась, словно я находилась в центре какой-то безумной карусели. Подняв руку и растопырив пальцы, я несколько раз сжала ладонь в кулак, будто убеждаясь, что до сих пор

нахожусь в мире живых. Перед глазами как наяву предстал темный лес и внезапное нападение, такое неожиданное, как кошмарный сон. Думала, мне конец... Теперь я в долгу у всех богов. Я оглядела знакомое помещение — лекарское крыло академии. Каким образом я перенеслась сюда, меня не волновало, мне было плевать на все, кроме того, что я жива. Вставать не пыталась, просто смотрела в каменный потолок. Тело не болело — множественные порезы исцелили, но слабость осталась. Я потеряла счет времени, до того момента как дверь палаты не отворилась, и даже не посмотрев на гостя, сразу поняла, кто пришел меня навестить. Бенедикт подошел к кровати, молча, рассматривая меня. Его лицо немного осунулось — видимо, он не спал несколько ночей.

— Как ты?

— Жива.

— Ну, у тебя не оставалось выбора, — заметил он.

— Даже так? — Неожиданно для самой себя я ухмыльнулась. Мой мир словно сотрясло мощное землетрясение, которое изменило его. После пережитого мелкие обиды просто не выдержали новой атмосферы и сгинули в небытии. — Сочту это за обещание. Конечно, вновь находиться при смерти я не собираюсь, но обстоятельства хитрая штука.

— Ну, раз ты способна язвить, то, видимо, в порядке. — Ректор оставался на месте, держа дистанцию, и за это я ему была благодарна. На самом деле нам необходимо было еще многое узнать друг о друге — привычки, предпочтения в еде, любимые места... Вот только оставалось окончательно понять, хочу ли я это узнавать, или это так, помутнение сознания и благодарность за спасение.

— Слабость в теле. Но в общем нормально. Меня больше всего интересует... — Я замолчала, чувствуя, как волна гнева поднимается изнутри. — Кто?

— Одна из девушек отбора. Инна Гарса. Бывшая выпускница. — Бенедикт понял меня без лишних слов. — Ее задело внимание, которое я тебе уделял.

Но это вовсе не повод меня убивать! Хотя так и предполагала, что из-за этого возникнут проблемы.

Вскоре я узнала, что девица поступила необдуманно и спонтанно, взрыв моей лампы привлек ее внимание, и она атаковала меня режущим заклятием, желая наказать. Ей было невдомек, что я не могу колдовать без голоса. А если бы даже могла, целитель из меня никакой. Основы лечебной магии проходят все, но редко у кого-то встречается такая несовместимость, как у меня.

Получается, то, что я едва не умерла, стечение обстоятельств? Если бы не разбилась моя лампа... если бы я могла говорить... если бы владела целительской магией...

Я закрыла руками лицо, мне стало дурно оттого, что умереть можно вот так, по чистой случайности. Ладонь Бенедикта коснулась моих волос, заправляя прядь за ухо. Мне стало теплее и спокойнее.

— К тебе придут, начнут уговаривать, чтобы на суде ты попросила не наказывать виновницу и прилюдно простила ее, — бесцветным голосом заговорил мужчина.

— Что ей грозит?

— В худшем случае тюрьма, а в лучшем штраф и наблюдение у стражей порядка.

— А есть ли что-то посередине? — осведомилась я, появившаяся головная боль намекала, что мне требуется еще отдых.

— Ссылка и работа в отдаленных районах империи. Некоторое время она не сможет вернуться ни в столицу, ни в другие крупные города.

Я мрачно задумалась. Жалеть нападавшую я не желала. Сейчас, когда впечатления были слишком свежи, я хотела отправить ее в тюрьму. Жестоко? Да. Но я не святая. Лишь чудо уберегло меня от гроба.

Но не стоило решать судьбу человека сгоряча, и рациональность во мне перевешивала чувства.

— Что я должна сделать, чтобы ее отправили в ссылку? Как должна себя повести? — устремила свой взор на Бенедикта. — Выступать в ее защиту точно не стану. Пусть в следующий раз головой думает, а не другим местом, перед тем как нападать на человека. Но и тюрьма...

Наверное, это слишком.

— Ты забавная, когда становишься серьезной. — Ректор присел на краешек моей кровати.

— Думаешь, я не права? Мне надо ее простить? — Мне не понравилась смена темы.

— Как решишь, так и будет. Ты же умненькая девочка, сама все понимаешь, — покачивая головой, отозвался Бенедикт.

— Девочка? Когда ты так говоришь, то кажешься стариком, — скептически заметила я.

— Да? Жаль. Я думал, это звучит грустно, — признался он.

— Ошибаешься, — уверенно заявила я. И, больше не оттягивая тяжелый разговор, спросила: — Как ты меня нашел? Почему я чувствую тебя еще до того, как увижу? Что за чертовщина с этим притяжением? И как долго она длится? Только не говори, что все эти два года ты был виновником моей паранойи.

Если честно, я ожидала, что он начнет юлить, и готова была стоять на своем. Но Бенедикт меня поразил, неожиданно рассказав все: о кольце-артефакте, медальоне на его шее, что подправил воспоминания присутствующих в аудитории в день моего падения, о слезке и о договоре с Ранделом, об усилившейся после поцелуя в башне привязке и завершении ритуала в лесу, когда на камень в кольцо случайно попала моя кровь.

Этот медальон на шее Бенедикта позволяет влиять на сознание? Теперь неудивительно, что его предназначение скрывают, многим бы это не понравилось. Люди не владеют подобной магией. Но больше всего меня беспокоил его родовой артефакт — информация о кольце просто не укладывалась в голове. Неужели мы связаны с ним на всю жизнь?

— Он точно не влияет на чувства? — В моем голосе звучало подозрение.

— Эльза, он не заставляет полюбить кого-то, если ты об этом. Магия на подобное не способна.

— Зато способна привязать к тебе другого человека! Ты хоть понимаешь, каково мне? Я не хочу делать трагедии, но я не знаю, как на это реагировать. По-настоящему мы знакомы лишь неделю, из которой половину дней мне хотелось придушить тебя. Но теперь я узнаю, что мы связаны с вами, господин ректор, на всю жизнь. Да я в ужасе! — Я нервно рассмеялась, складывая руки на груди. — Еще отбор этот... Как же третий этап? Кажется, из-за обещания Ранделу вы должны меня исключить.

— Третьего этапа не будет.

— Что? Почему? — Я ошарашенно уставилась на него, ожидая подвоха.

Бенедикт поджал губы. Обычно теплый взгляд его карих глаз был холоден, как северная стужа.

— Со второго испытания прошло два дня. Император скончался чуть меньше суток назад.

Отбор прерван. Через час я улетаю в столицу, и скорее всего, пока наследник не взойдет на трон, останусь там. Неделя, может быть две.

— Мне жаль. — Я опустила взгляд на свои руки.

— Не стоит, — отозвался Бенедикт.

Между нами словно разверзлась пропасть, которую я сама сотворила.

— Так вот как ты хотел обойти свое обещание Ранделу... — пробормотала себе под нос. — Дождаться смерти короля.

Я не нуждалась в его ответе, все и так было понятно по его взгляду. И в этот миг я почувствовала, что окончательно запуталась.

— Уходи. Решай имперские проблемы, — жестко сказала я. — Не напоминай о себе, не вмешивайся в мою жизнь. Дай мне эту неделю наедине с собой. А когда вернешься, мы поговорим вновь.

Я отвернулась. И не поворачивалась до тех пор, пока раздавшийся дверной скрип и ослабевшее чувство присутствия Бенедикта не возвестили о его уходе.

Спустя неделю...

Сидя на лавочке у общежития и выводя неведомые узоры на песке носком обуви, я чувствовала смутную тревогу. Мое состояние успело пройти много метаморфоз. Первые сутки наедине с собой в лечебнице академии были временем обдумывания ситуации, накручивания себя и злости пополам с прерывистым сном. На вторые я вернулась в общежитие и встретила с Маргарет — привычная обстановка и подруга, которую не пускали ко мне, пока я болела, заставили меня отвлечься. Третий день я просто отдыхала, свернувшись калачиком на постели,

— стоило перешагнуть порог комнаты, как взгляды студентов и преподавателей впились в меня, и разговоры рядом со мной стихали, а я смертельно устала от внимания. В четвертый у общежития меня подкараулила мать Инны, напавшей на меня девушки, со слезами упрасывая простить ее дочь.

В тот момент я подумала, что, соверши я нечто подобное, никто не придет просить за меня.

Скорее всего, многие даже решат: «Она же принюская. Ничего удивительного».

— Отойдите, — холодно попросила я, устремив перед собой стеклянный взгляд. — Мне вас жаль, но ваша дочь ответит за свои действия.

Самое поразительное в том, что эта женщина, слезно умоляющая меня минуту назад, уже вскоре кричала на всю округу, ругая меня такими словами, которые я доселе даже не слышала, и обвиняя в том, что я испортила жизнь ее дочке.

Развернувшись, я просто вернулась в общежитие, не имея ни сил, ни желания в чем-то ее убеждать.

В пятый день мы с Маргарет отправились гулять по городу. Подруга замаскировала меня ярким макияжем, и если на меня и пялились, то только из-за него. В шестой и седьмой дни я уже бродила одна, наслаждаясь уединением и всеми силами подавляя тоску, все чаще дающую о себе знать. Я скучала по Бенедикту.

Иногда я ставила себя на его место и понимала, что, возможно, поступила бы так же. Вряд ли мужчина понимал, сколько беспокойства приносила мне его слезка в те годы. Да и все эти провокации были лишь с одной целью — разорвать привязку.

Кстати, организаторы тотализатора в возникшей ситуации оказались в настоящем тупике.

Победа Райли во втором этапе отбора и его внезапное завершение внесли огромную неразбериху в их мероприятия. Ставки они возвращать не спешили, официально заявив, что необходимо дождаться возвращения ректора академии, а до того момента спрятались от разгневанных игроков, желающих вернуть деньги.

Воспользовавшись предложением целителя академии отдохнуть, все это время я не ходила на занятия, поэтому многие доставали Маргарет. Впрочем, как и раньше. Подруга рассказывала, что даже Тарт подходила к ней и интересовалась моим самочувствием. Вот в чьей заботе я нуждалась меньше всего. Мелания, как и раньше, вызывала у меня лишь опасения и настороженность.

Вздохнув, я поднялась со скамейки и потянулась всем затекшим телом. На улице наступили сумерки, и перед тем как вернуться в общежитие, я решила сходить в лавку Гульгао за пирожками и чем-нибудь к чаю, пока она не закрылась.

Хозяйка заведения всегда встречала меня благодушно, все же на протяжении почти пяти лет я была ее неизменной клиенткой.

Лавка находилась на углу улицы. Фасад из темно-коричневого дерева привлекал внимание, а окно, состоящее из ромбовидных кусочков, разделенных деревянными перегородками, придавало очарование. Над входом висела вывеска «Выпечка и сласти», а чуть ниже на двери было дописано: «Конфет с тартарицей НЕТ».

Та самая тартарица — пряная трава — после печи придавала изделиям запах тухлой рыбы, но булочки с ее добавлением все равно пользовались спросом, помогая при некоторых проблемах с желудком.

Толкнув тяжелую деревянную дверь, я вошла внутрь, вдыхая аромат свежего хлеба. Несколько стеллажей с близко примыкающими друг к другу полками, наклоненных под острым углом, тянулись вдоль одной из стен. На потолке, привязанные обычной канатной веревкой, болтались вытянутые световые сферы, заставляя тени от предметов мельтешить, будто они играли в догонялки. Цветок на окне с зачатками бутонов на вершине имел необычный зелено-сиреневый оттенок.

— Добрый вечер, — словно отрапортовала девушка лет двенадцати, стоящая за прилавком. Ее тугие косички торчали в разные стороны под немислимыми углами. В последний год Гульгао отказалась от продавщицы и, пока сама была занята выпечкой или какими-то другими делами, оставляла за себя свою дочь.

— Привет, — улыбнулась я, на что девочка расплылась в ответной улыбке. — Можно мне два пирожка с картошкой и вот это пирожное? — показала пальцем на большой заварной бублик с орешками поверху.

— Сейчас-с. — Девочка побежала к закрытому прилавку. — Мама их недавно стала готовить, очень вкусные. И пирожки свежие, еще горячие.

— Да? — удивилась я, по инерции бредя за ней. — Разве вы скоро не закрываетесь? Обычно свежей выпечки к этому времени не бывало, чаще прилавки огорчали своей пустотой.

— А, нет, — одной рукой доставая пирожное, другой махнула она и небрежно повела: — Мама продлила время работы на два часа, мы теперь до одиннадцати.

Пока дочка госпожи Гульгао упаковывала заказ, я подумала, что в последнее время это место стало довольно популярно, и поток клиентов увеличился. Будто в подтверждение этого дверной колокольчик звучно звякнул, возвещая о новом посетителе.

Внутрь вошел широкоплечий загорелый мужчина с многодневной щетиной на лице.

Растрепанные волосы торчали назад, словно буквально секунду назад он пытался их пригладить, но оставил бесполезные попытки добиться хоть какого-то порядка на своей голове. Кривой нос с горбинкой явно говорил о том, что его неоднократно ломали. Одет мужчина был в черную кожаную потертую жилетку поверх такого же цвета рубашки и в брюки.

— С вас тридцать два никса, — положив небольшой сверток на прилавок, сообщила дочка госпожи Гульгао.

Достав денежный мешочек из грубой кожи, я отсчитала положенную сумму. Незнакомец, дожидавшийся своей очереди, стоял прямо за моей спиной, чем знатно нервировал. Он был похож на разбойника с Теневой улицы.

Что такой тип мог забыть в этом районе города? На фоне того, что из-за всего случившегося я пренебрегла походом к мистеру Спригатто, теперь у меня имелись серьезные основания для беспокойства. Взяв сверток и попрощавшись, я повернулась к выходу, вновь внимательным взглядом осматривая одежду незнакомца.

В таком жилете, как у него, не составит труда спрятать несколько острых лезвий.

Выскользнув из лавки, я произнесла мое любимое заклятие щита и, вспомнив один чудодейственный сглаз, вызывающий облысение, вместе с атакующим заклятьем воздуха, держала их наготове.

Быстрым шагом отдаляясь от лавки, я косилась на входную дверь, но незнакомец появляться не спешил, видимо, занятый выбором выпечки, и я немного расслабилась.

Должно быть, я стала законченным параноиком. Все же у меня с братьями Спригатто не настолько плохие отношения, чтобы они посылали за мной своих громил.

Прижимая к груди сверток и бредя по слабоосвещенной дороге, я слышала песни уличных актеров с соседней улицы. Веселая музыка сменилась грустной, и до меня донеслись слова о потерянной любви. Уже через несколько секунд впав в уныние, я ни с того ни с сего разошлась на неведомого певца, выбравшего не ту песню.

А может как раз ту? Уже неделя прошла, и я до сих пор не знаю, что сказать Бенедикту. Может быть, правду? Какой бы слащавой она ни была...

Но вряд ли это мой вариант. Мне намного проще вновь с ним поругаться и уже тогда сказать, что он невыносим. Он опять отыщет какую-нибудь едкую фразочку, и мы поцелуемся. Глупо, но, по-моему, я вообще не способна на громкие слова, такие как «любовь».

Прошла уже неделя, и порой я забываю, что отбор вообще был. Город будто опустел, когда Бенедикт, Валентин и все остальные распорядители отбора уехали, Клара тоже пропала, видимо, вернувшись в столицу. Жалко, что мы не попрощались.

Все будто стало как раньше, только это самообман, и мысли о ректоре раз за разом об этом напоминали.

Уже приближаясь к общежитию, я окончательно расслабилась. И слишком погруженная в свои мысли, не заметила камень, что неизвестно как выскочил из брусчатки. Споткнувшись, я, словно воздушный корабль невертикального взлета, пробежалась лицом вперед, едва удержавшись на ногах, но выронив сверток на полпути.

Фух! Чудом устояла!

Удивленно уставившись на выступ в дороге, я подошла ближе и, пару раз попинав ногою камень, отошла за своим драгоценным свертком. Склонившись, я протянула к нему руки, и уже взяла, но неожиданно заметила быструю тень, мелькнувшую справа.

Чужая потная, давно не мытая рука зажала рот, заставляя желчь подступить к горлу, другая обвила талию. Затрещало защитное заклятие, и нападавший оттолкнул меня, швырнув на брусчатку. В этот раз я упала лицом вперед. Из разбитого носа потекла кровь.

Черт!

— Помогит!!... — почти успела я проорать во всю глотку, так что вскрик разнесся эхом по улице, но другой мужик, взявшийся неведомо откуда, сунул мне в рот какую-то тряпку. И в следующий миг получил очередной разряд щитового заклятия.

Чудом успев выплюнуть гадость, пока тот самый незнакомец из лавки Гульгао, напавший на меня первым, не очухался от удара щита, я выкрикнула мощное воздушное заклятие. Бугая отбросило в стену соседнего дома, и он так сильно приложился головой, что отключился, кулем развалившись на дороге.

Окрыленная мимолетным успехом, я собиралась разобраться со вторым разбойником. Вот только и он оказался не последним — видимо, за мной прислали банду, прекрасно знавшую, как бороться с магами. В меня швырнули стеклянную бутылку, прозрачную, с вытянутым горлышком, какие нередко используют для хранения молока. Она разбилась, и вверх, словно освободившись от долгого плена, стремительно поползли клубы дыма.

Я хотела его развеять, избавиться от опасности, но он двигался стремительно, будто стихийное бедствие, и уже через секунду застилал глаза, заставляя плакать и щекоча горло, из-за чего я кашляла и раз за разом вдыхала новую порцию отравы.

Сознание не потеряла, но кашель и не прекращающиеся слезы оказались сродни проклятию. Злополучный мешок все же водрузили на мою голову, но схватить и закинуть меня в карету, что беззвучно подъехала мутным силуэтом за несколько секунд до того, как я перестала видеть, получилось не сразу. Я отчаянно пинаясь, целенаправленно пытаюсь зарядить туда, где будет больше всего. Судя по сдавленному хрипу, как минимум один раз у меня это получилось.

— Да что же ты буйная такая?! — Меня ударили ладонью по лицу. Голову мотнуло так, будто я была не человеком, а тряпичной куклой.

— Ты что?! — шикнул кто-то. — Босс ясно дал понять, чтобы мы ее не трогали!

— Не пыли мне тут! — рявкнул бандит. — Она сама ударилась. Брыкалась, вот и вышло случайно. Запомнил?

Второй мужик что-то промямлил. А я разразилась новым приступом кашля, в то время как левая скула ныла от боли, и вскоре очутилась в карете. Спустя время, когда действие дыма стало сходить на нет, с меня сняли мешок и, повязав тряпку, закрывающую рот, вновь водрузили его на место.

«Три бандита», — успела сосчитать я. Один рядом со мной, два на другом сидении.

Судя по ухмылке, с какой он разглядывал мое лицо, именно тот, что ближе всех, и дал мне пощечину.

После подслушанного разговора я решила пока не сопротивляться и сберечь силы. Если Спригатто сказал не причинять мне вреда, то, возможно, он желает просто поговорить. По крайней мере, я надеялась на это.

Щека горела, лицо немного опухло от слез, но, шмыгая носом, я как могла держала себя в руках. Было безумно страшно, я вся вспотела, волосы прилипли к лицу, только мысль о том, как жалко я буду выглядеть, если заплачу, придавала мне уйму сил.

Успокойся, Эльза. Приедешь на место, встретишься со Спригатто и разберешься во всем.

Только с кем из братьев? Хозяин лавки зелий не способен на подобное в одиночку.

Да что же я везучая такая?! Прошла неделя, а я вновь в опасности, да еще и с окровавленным лицом!

Вот говорил мне преподаватель по боевой подготовке: «Эльза, работай над скоростью! Какой прок от большого количества заклятий, если не успеешь их произнести? Лучше несколько быстрых и действенных, чем десятки сложных и неотработанных». Мне казалось, у меня достаточно скорости, но настоящая битва показала, что нет. Если выберусь из этой передраги, то не вылезу с факультативов по боевке.

Карета остановилась, мягко качнувшись.

Взяв под локоть, меня резко подняли и потащили вперед, словно я сама идти не в состоянии.

Скрипнула дверь, донесся веселый гогот, будто мы оказались в какой-то таверне, но когда мы преодолели еще одну дверь и стали спускаться, все стихло.

Мне поплохело. Теперь я была даже рада, что меня крепко держали под локоть.

Таверна и подвал... Надеюсь, это не то место... в котором я уже бывала два года назад? В то время, когда я наблюдала за судом над провинившимся членом банды и в ужасе дрожала, будучи не в силах отвести взгляд. Неужели пришла пора и мне оказаться на его месте?

Глава 23. Чужая вина

Сквозь ткань мешка едва-едва пробивался желтоватый свет. Пока мы брели по тесным коридорам, я несколько раз слышала чьи-то голоса. Еще в первый мой визит в логово банды Фарба их убежище показалось мне норой с беспорядочными ходами, тянущимися под землей, с множеством небольших комнат, некоторые из которых были наполнены наворованным добром, что ожидало подходящего времени для перепродажи.

Хватка державшего меня бандита была настолько сильна, что часть руки онемела и покалывала. Мы вошли в очередную комнату, в которой царил резкий запах крепкого табака, и наконец-то остановились.

— Снимите с нее мешок, — раздался приказ.

Меня ослепило. Несколько секунд я щурилась, привыкая к освещению.

В паре метров от моих ног находился массивный дубовый стол, на сплошном фасаде которого виднелись неаккуратные засечки, видимо, когда-то сделанные ножом. За столом сидел Фарб, откинувшись в кресле, он поставил локти на подлокотники и сложил ладони лодочкой перед собой. В медной пепельнице, выполненной в форме жука с полым брюхом и поднятыми вверх крыльями, дымила сигара.

— Что с ее лицом? — сухо спросил Спригатто, со скрипом отодвигая стул и поднимаясь на ноги.

— Она сопротивлялась. Хизора покалечила, швырнув его о стену, — без прежней наглости и вседозволенности ответил разбойник, давший мне пощечину. Фарб поджал губы, мелко кивая и подходя ближе.

Хлыщ!

— Мне плевать, что произошло. Я сказал доставить ее не-вре-ди-мой! — Фарб занес ладонь для нового удара. — С каких пор мои приказы не доходят до тебя, Стинг?

Хлыщ!

Мужчина словно медленно терял в росте, боязливо скрючиваясь и клонясь к земле. На его щеках расцветали два багряных пятна.

Увиденное зрелище пугало и воодушевляло одновременно. Во-первых, за меня бы не наказывали, если бы собирались прикончить, но, с другой стороны, если Фарб с таким хладнокровием наказывает за малейшую провинность, то сложно предугадать, что он решит делать со мной.

Бандит больше не оправдывался, лишь обещал, что подобное не повторится.

— Будем надеяться, что ты отделаешься малой кровью. — Спригатто посмотрел на подчиненного странным задумчивым взглядом и сделал шаг в сторону, останавливаясь напротив меня. — Добрый вечер, Эльза. Рад тебя видеть, — тоном воспитанного аристократа произнес он. И сразу же ледяным тоном приказал убрать повязку-кляп с моего лица.

Несколько долгих секунд бандит копошился, своими большими ручищами неуклюже развязывая тугой узел. После нескольких неудачных попыток он психанул и, вытащив из-за пазухи острый ножичек, просунул лезвие под ткань и перерезал ее. Холодный металл на мгновение обжег кожу.

Фарб с неудовольствием наблюдал за действиями подчиненного.

— Учитывая обстоятельства... — хрипло начала я, морщась от боли в скуле и думая, договаривать или нет, но все же продолжила: — Не уверена, что могу ответить взаимностью. Вопреки моим тревожным ожиданиям Спригатто разразился смехом. Его подчиненные, как гиены, захихикали следом.

— Знаешь, Эльза, людей, способных сохранять достоинство даже в таких щекотливых ситуациях, крайне мало. И я их в какой-то степени уважаю, — нарочито вежливо протянул Фарб. — Но все же на первом месте всегда работа, будь она неладна.

Я слушала не перебивая, напряженно глядя на мужчину. Встреча протекала не совсем так, как я ожидала. Меня до сих пор не привязали к стулу и не допрашивали, хотя, возможно, все еще было впереди.

— Тебя заказали, -дорогая Эльза. — Быстро брошенная фраза разрежала воздух. На пару секунд воцарилась тишина.

— Кто? — негромко спросила я, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

Претендентов было много, от матери Инны до других девушек с отбора. А еще отравителя ведь так и не нашли...

— Скоро увидишь. Знаешь, мы предпочитаем не разглашать личность заказчиков. Деловая этика и все такое. — Фарб взмахнул руками. — За тебя назначили просто баснословную награду. К сожалению для брата и для тебя, я не мог лишиться своих людей такого куша. Ничего личного.

— Какая сумма? — помрачнев, спросила я. — Я заплачу больше.

Я отчаянно искала выход из сложившейся ситуации. Жемчужина, что хранилась в банке, могла стать соизмеримой оплатой. Вот только я не идиотка, чтобы рассказывать о ней прямо сейчас.

— Любопытно. Откуда у тебя деньги? Неужели богатенький ректор надарил подарков? — с намеком на улыбку спросил Фарб. Его подчиненные примолкли, даже дышали тише, чтобы не мешать.

— Какая разница откуда? Главное, что я могу заплатить. — Я старалась выглядеть уверенно, чтобы ни у кого из присутствующих не оставалось сомнений, что мне это по силам.

Фарб вздохнул и отошел к своему столу.

— К сожалению, мы не нарушаем сделок, — с деланным сожалением произнес он. — Уведите ее в металлическую комнату. И да, Эльза, не советую колдовать. Здесь полно моих людей, со всеми не справишься. Ослушаешься — мы тебя усыпим, и кто знает, проснешься ли ты вновь? Угроза возымела действие, все же нервы у меня были не из того же материала, что помещение, куда меня приказали отвести. Бандит схватил мой локоть и потащил к выходу.

— Меня будут искать, Фарб, — бросила я, и голос предательски дрогнул. — После отбора я больше не обычная сирота, которую никто не хватится.

— Тем интереснее. Мы умеем замечать следы. Проверю навыки своих парней, — ничуть не обеспокоился Спригатто и, качнув головой, дал знак скорее меня уводить, и кабинет Фарба сменили темные коридоры со скрипящими деревянными полами.

Я уже не обращала внимания на боль в лице, стресс давал о себе знать, голова раскалывалась, мешая думать. Я глубоко дышала и пыталась прийти в себя, чтобы, когда потребуется, отыскать в себе силы для побега. Лучше умереть в борьбе, чем сгинуть, так и не попытавшись.

Меня поместили в комнату, обшитую блестящими металлическими листами из специального сплава, отражающего колдовство. В народе он носил название «солнечный зайчик», которое почти полностью передавало его суть, за исключением одного — магия отражалась непредсказуемо, так что при неудачном стечении обстоятельств срабатывала против заклинающего. <Читай на Книгоед.нет> Если представить, что заклятие, которым ты рассчитывал пробить себе путь вверх, поменяет траекторию и попадет в тебя, желание колдовать сразу же пропадает. Ведь в случае неудачи твои внутренности разлетятся во все стороны раньше, чем ты осознаешь ошибку.

Спустя несколько минут ко мне привели какого-то тощего мужчину, что, осмотрев мой нос и скулы, намазал практически все лицо бесцветной мазью, пощипывающей кожу, и ноющая боль постепенно исчезла.

Мужчина ушел, а дверь закрыли, со скрипом задвинув массивную задвижку снаружи. Я чувствовала себя в тупике. Будто мотылек в банке, что напрасно трепещет крыльшками в попытках отыскать выход.

Вот только я не насекомое, и спустя некоторое время, когда ожидание стало невыносимым, а сердце просто-напросто устало выпрыгивать из груди, я подошла к двери и что было сил стала ее пинать, будто именно она виновата во всех моих бедствиях.

— Чего?! — глухо рявкнул мужчина, карауливший меня по ту сторону.

— Пить хочу! — Горло и правда сушило после всех переживаний.

Конечно, я ожидала, что бандит пошлет меня далеко и надолго, и каково же было мое удивление, когда спустя минуту дверь приоткрылась и мне сунули металлическую кружку, до краев наполненную прохладной чистой водой.

Как только кружка оказалась у меня в руках, мужчина с грохотом захлопнул дверь, так что волосы у моего лица взметнулись. Надеюсь, это не отрав...

Я не могла сдерживаться и, словно голодный нищий, вожделенно смотрящий на прилавок с едой, глядела на воду. Лишь теперь я осознала, как сильно на самом деле хотела пить.

Приложившись к кружке, я жадными глотками опустошила ее.

Неожиданно раздался громкий скрип задвижки, и входная дверь открылась вновь. Я приготовилась увидеть того, кто, возможно, станет причиной моей смерти. Но удивила меня не личность заказчика, а собственная реакция — я рассмеялась, как безумная, которую одолел дурман. Будто мир — это театр, и я только что увидела прекрасную сцену. Только это была не комедия, а сатира.

— Так и знала, что это ты! — не сдержала иронично-злой улыбки я.

Внутри моей темницы зашла девушка в темном плаще и капюшоне, а вслед за ней бесшумный мужчина — наверняка один из телохранителей ее семьи. Мне не нужно было видеть лица сокурсницы, скрытого сейчас в тени капюшона. Как только она сделала первый шаг, являя свою королевскую походку, все стало ясно.

— И что же заставило тебя так думать? — Мелания сняла капюшон. Ее волосы были собраны в тугой хвост на затылке, что никогда не случалось в академии.

Было немного странно видеть ее истинную личность — лицо словно осунулось, заострилось под гнетом презрения ко всему существу. Но так даже лучше, чем постоянно биться головой о стену притворства, которая, подобно ловушке, придавливала меня к земле.

— Ох, причин было много, обо всех не расскажешь, — уклончиво отозвалась я, усиленно размышляя над тем, как спастись от сумасшедшей Тарт. То ли стресс на меня так действовал, то ли понимание того, что лишь что-то предпринимая я найду выход, но мой страх скрылся за толстым слоем сарказма и иронии.

Мелания хмуро, с маниакальным блеском в глазах смотрела на меня.

— И что же смешного, Лост? Ты в гадюшнике, сверху донизу наполненном убийцами и разбойниками. Ах да, должно быть, тебе не привыкать, — издевательски заговорила она, проходя в глубь комнаты. Телохранитель остался стоять ближе к двери. — Ты же привыкла копать в дерьме. Как была побирушкой, так ей и осталась. Меня всегда раздражало, что в академию принимают подобных тебе.

Мои ладони сжались в кулаки, дыхание участилось.

— Подобных мне? Таких, как София? — с затаенным гневом осведомилась я.

На мгновение на лице Мелании отразилась растерянность, но быстро исчезла.

— Откуда ты знаешь?! — Ее голос скакнул до высоких нот.

Я ошарашенно уставилась на нее — она вела себя как ненормальная. Впрочем, разве адекватная девушка вообще способна на подобные вещи?

— А вообще-то это не важно, — поразительно быстро успокоившись, сказала она, проводя по собранным волосам рукой. — Сейчас самое интересное — это выбрать способ, которым ты исчезнешь из моей жизни.

— Из твоей жизни? — скептически спросила я, покачивая головой. — Всегда знала, что ты слишком высокого о себе мнения.

Мелания поджала губы, мои реплики доводили ее до белого каления.

— Эй ты, схвати ее и заставь опуститься передо мной на колени! — небрежно приказала она своему спутнику.

Спустя минуту непродолжительной борьбы мои колени соприкоснулись с ледяным полом.

После стычки с разбойниками у меня осталось немного сил, и тратить их все на подчиненного Тарт я пока не собиралась.

Ничего, от унижения не умру.

Я старалась оставаться спокойной, хотя все фибры моей души излучали гнев и ненависть.

— Я не могла позволить, чтобы отребье вошло в мою семью. Брат этого не понимал. Но мы с отцом решили уберечь его от ошибки, — смотря сверху вниз, едва ли не с наслаждением произнесла сокурсница.

— Изуродовать девушку? Да уж, уберегли. Ты испортила ей жизнь! — прошипела я. — Как ты можешь спокойно спать после этого?

— Ничего не поделаешь. — Тарт небрежно пожала плечами. — Она сама виновата. Я лишь помогла ей это осознать. С тобой же другая ситуация... Мне все не давало покоя, почему именно ты?

Она наклонилась, всматриваясь в мое лицо, но спустя несколько секунд поморщилась, словно увидела мерзость. Мои колени болели, спина затекала, стоять становилось все тяжелее. — Почему именно я? — повторила я, заставляя ее продолжать. Дверь в комнату была все еще открыта. Если я выберусь, заперев Меланию с ее прислужником внутри, возможно, смогу потихоньку покинуть логово банды. Хотя мои шансы настолько мизерны, что остается уповать лишь на удачу.

Еще когда была в камере одна, я пробовала воззвать к Бенедикту. Но даже если у меня вышло, ректор в столице и просто физически не смог бы прийти на помощь — полет на воздушном корабле до Бурсбурга занимает не менее пяти часов.

— Да, почему именно ты привлекаешь его внимание? Я думала, наблюдала и пришла к выводу, что тебя с ректором что-то связывает. Что же это? Расскажи мне. — Мелания сощурилась, тяжело глядя на меня.

— Что же нас связывает? — протянула я, стараясь держать голову высоко поднятой.

Прислужник Тарт заломил мне руки за спину, из-за чего сохранять более-менее достойное положение было сложно. — Должно быть, большая чистая любовь?

Мелания скривилась. Ее сопровождающий усилил хватку, и я едва не рухнула на пол.

— Знаешь, как мы поступим? — зашипела сокурсница, склонившись ко мне. — У тебя будет два варианта. Первый — ты мне рассказываешь, кто еще знает о ситуации с той наивной дурочкой — я о Софии, если ты не поняла, — и во всех подробностях сообщаем все, что знаешь о ректоре. В этом случае умрешь ты тихо и безболезненно.

Она точно психопатка. Я, конечно, догадывалась, что моя жизнь на кону, но до этого момента оставалась еще смутная надежда на обратное. Тем временем Мелания продолжала, озвучивая следующий вариант:

— Второй — ты молчишь, это будет твое право. Но тогда... — Она вытащила из кармана плаща небольшой флакон. — Мы повторим опыт с синюшным зельем. — Мои глаза загорелись огнем.

— Да-да, это я сделала, — удовлетворенная моей реакцией, сказала она.

— Зачем себя тогда отравила? — спросила я, хотя ответ и так уже вертелся в голове.

— Чтобы отвлечь эту тварь Раженскую, слишком уж близко она ко мне подобралась, — выплонула Тарт.

Похоже, расследование Клары ее действительно обеспокоило. Возможно, если бы не смерть императора, поставившая все с ног на голову, то Мелания уже была поймана.

— Мы отвлеклись, — мягко произнесла девушка, ее слащавый голос предвещал нечто ужасное.

— Мы зальем тебе в глотку весь бутылек ничем не разбавленного зелья и отдадим людям Спригатто. Пусть поиграются. Мне ведь не стоит объяснять, о каких играх идет речь? И кто знает, может, тебе повезет, и ты ничего не запомнишь, но я все же буду надеяться на обратное. Способы разные, но итог один. Выбирай.

— Ты точно ненормальная. — Я попыталась вырваться, но меня придавили к полу. Хотела произнести заклятие, и плевать, если нас всех разорвет, но сильная мужская рука сжала горло. Я закашляла.

— А ты очередное ничтожество, от которого я избавлюсь, — невозмутимо ответила Тарт. — Что ж, кажется, у меня не остается выбора, останавливаемся на втором варианте. Тем более он нравится мне намного больше, чем первый... Подними ее!

Она приблизилась, поднося флакон к моему рту. Извернувшись, я вцепилась зубами в ее руку, так сильно, что ощутила во рту металлический привкус крови. Мелания заорала, отпрянув от меня.

— Держи ее крепче! — рявкнула девушка, и рука мужчины, державшего меня, сдавила мое лицо, заставляя разжать челюсти.

Мелания вновь направила ко мне.

Заклятия! Если не сейчас, то я больше никогда не научусь произносить их мысленно. Пусть лучше нас всех размажет по стенам этой комнаты, чем я дам над собой надругаться.

— Кхм-кхм. Извините, что мешаю... — раздался голос. Мелания резко обернулась, давая и мне разглядеть нежданного гостя.

Фарб прошел внутрь, громко цокая языком. Вслед за ним вошли еще двое: обычный бандит и молодой человек, выглядевший слишком хорошо для этого места, — темные волосы торчали вверх, виски были выбриты, а руки обтягивали плотные коричневые перчатки. Его лицо с

черными глазами и глубокими тенями под ними, словно от недосыпа, показалось мне смутно знакомым.

— Кажется, у нас был договор о том, что с жертвой разбираемся мы. А вы тут самовольничаете.

— Фарб вновь зацокал.

— Какая разница?! Я достаточно вам заплатила! — бросила Мелания. Она заволновалась, с подозрением разглядывая вошедших.

— Да-да... — протянул Фарб, смотря на меня.

Голова кружилась, становилось душно, и я не сразу разобрала то знакомое чувство, что уже с минуту, словно надоедливый комар, кружило около меня.

— Но дело в том, что до вас мне заплатили еще больше. Да и сыграли личные интересы. Только мне решать, что делать с моими людьми. Да, дорогая Эльза? — интеллигентно, но с лукавой улыбкой вора произнес Спригатто.

Мужчина, еще секунду назад державший мои руки и лицо, расслабил хватку и отошел. Я едва не повалилась вперед, ноги дрожали от напряжения.

Что происходит?!

На лице Тарт тоже отразилась растерянность, в мгновение ока она превратилась из охотника в жертву.

В камеру вошли Бенедикт, Рандел в парадном облачении и Клара. А молодой человек рядом с Фарбом сделал шаг вперед, и в его руках материализовалась металлическая цепь, рассыпающая красно-желтые искры. Звенья подпрыгнули в воздухе, цепь раздвоилась, метнувшись к Мелании и ее сопровождающему и в мгновение ока обмотав их запястья.

— Мелания Тарт, вы обвиняетесь в организации нападения, причинении вреда нескольким людям путем подмешивания им в напитки запрещенных веществ и в покушении на убийство человека. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Пройдемте, — официально произнесла Клара, приблизившись.

Мелания сопротивлялась, но ее протесты слились для меня в ничего не значащие крики.

Бенедикт подошел ко мне и, придерживая за локоть, помог подняться. Я смотрела то на Фарба, то на ректора.

Мелания призналась сама — если задуматься, это был единственный способ доказать ее вину.

Ей не отвертеться. Не удивлюсь, что у Спригатто где-то здесь спрятан хитроумный записывающий артефакт.

«Что ты готова сделать, чтобы наказать виновницу?» — вспомнился вопрос Бенедикта. Когда я на него отвечала, то даже не представляла, что меня ожидает. Даже сейчас я не отказывалась от своих слов, но это вовсе не означало, что мне не хотелось всыпать ректору люлей. И плевать на его статус, мы уже перешагнули ту черту, когда он имел значение в наших отношениях.

— Ты даже не представляешь, что я хочу с тобой сделать, — прошипела я, грозно сверкая глазами на Бенедикта.

— Обнять? — невинно предположил он, хотя его взгляд был обеспокоенным. Я ощутила щекотку целительских заклятий.

— Ага. Задушить до смерти в своих объятьях, — пошутила мрачно.

— У тебя будет еще море возможностей, — пообещал ректор.

— Уж я надеюсь.

— Извини. — Бенедикт поцеловал меня в висок. Сдавливающая грудь злорада распустилась тонкими бесцветными лентами внутри.

— Да чего уж там, — откликнулась так, будто прощала невозвращенные пять ников, одолженные год назад на стакан вишневого компота в академической столовой. — Но это вовсе не означает, что я не захочу отомстить. Ты у меня в долгу, и в будущем, что бы я ни натворила, обязан простить мне все, если попрошу.

Бенедикт сделал задумчивое лицо. Придерживая за руку, он вел меня к выходу. Все присутствовавшие в помещении еще секунду назад неведомым образом испарились.

— Все, кроме измен, — наконец серьезно заявил он.

— Вы, господин ректор, сильно уж забегаете вперед, — проворчала я ради порядка.

Бенедикт на мгновение прикрыл глаза.

— С тобой мне ничего другого не остается.

— Это на что ты намекаешь?

— Ни на что. Идем. Тебя должен осмотреть лекарь.

— Нет, я правда хочу узнать. — Откуда-то у меня появились силы спорить.

— Знаешь, у меня такое ощущение, что ты уже начинаешь мне мстить... — протянул мужчина, ведя меня через темные коридоры.

Я лишь загадочно улыбнулась, понимая, как мало во мне от нормального человека. Ведь я радовалась тому, что наконец-то все завершилось и Тарт получит по заслугам за свои преступления. И не меньше радовал тот факт, что я приложила к этому руку.

А еще я была просто до неприличия счастлива видеть несносного ректора своей академии. Эта неделя без Бенедикта стала действительно важной для меня, позволила разобраться в себе и своих чувствах и понять важную вещь — любить значит верить.

Конечно, кому-то это покажется скучным, и они спросят, а как же страсть, притяжение и нежность? Но в моем случае все, кроме последнего, было между нами изначально. И вот сейчас, в этот знаменательный вечер, я осознала, что готова дать мужчине, идущему рядом, то, на что никогда доселе не отваживалась, — безоговорочное доверие.

— Бенедикт, ты правда думаешь, что у меня получится изготовить противоядие к той отраве, что убила императора?

Ректор замедлился, посмотрев на меня странным задумчивым взглядом, и лишь потом ответил:

— Да. Я в этом не сомневаюсь.

— Хорошо. Тогда я сделаю это. — Мои губы растянулись в счастливой улыбке, которую я больше не могла сдерживать.

ЭПИЛОГ

Месяц спустя...

Таверна не могла похвастаться богатством или уютом, но зато в ней было чисто. Порою чистота — это главная гордость подобных заведений, расположенных на окраине города и предназначенных зачастую для людей, что заливали свои горести порцией крепкого спиртного. Солнце стояло высоко, поэтому посетителей было немного — лишь парочка мужчин, сидевших за барной стойкой. Оставаясь в плаще, я легким шагом прошла к угловому столику. За последний месяц быстро похолодало, за дверьми таверны буйствовал холодный пронизывающий ветер. Все возвещало о приходе зимы, которая в Бурсбурге была достаточно теплой и почти не снежной.

В груди обосновалось давящее чувство от предстоящего разговора. За прошедшее время многое случилось — Инну, напавшую на меня участницу, отправили в двухлетнюю ссылку, новый император взошел на престол, и в империи установился какой-никакой порядок. Его жена, по отзывам Бенедикта, была девушкой не простой, крайне образованной и умной, отчего власть разделилась между супругами в равном количестве. Приближенные многого ожидали от этой парочки, зрели новые реформы.

«Они отлично справляются, намного лучше, чем если бы на их месте был я», — сказал Бенедикт одним вечером, когда я узнала, что именно он прямой наследник престола. Он не желал власти, хотя она была у него в крови. В который раз я задумалась над тем, что не имеет никакой разницы, кем мы родились, мы можем стать кем угодно, если по-настоящему захотим. «Мы сами — главная магия этого мира», — промелькнула в тот момент самонадеянная мысль. Клара, что за время отбора стала мне настоящей подругой, оказывается, никогда не была его частью. Девушка выполняла свою работу, следила за порядком изнутри. И именно она разыскала ту, что напала на меня в лесу. Способности к допросу у Раженской оказались действительно великолепные. Ее напарник, парень с цепью, которая заковала Меланию и ее подчиненного в логове Фарба, тоже обладал острым языком. Их перепалки и подколки поражали даже меня. И еще чувствовалась между ними некая химия и близость, но это было лишь мое субъективное мнение. Кстати, именно он был тем незнакомцем, что позвал Клару,

когда мы ужинали с ней в «Лунном свете», поэтому и показался мне таким знакомым при повторной встрече.

Самым долгим делом оказался суд над Тарт. Сложнее всего было добиться прихода Софии на заседание. Девушка не желала возвращаться в прошлое, она закрылась, и лишь официальная бумага от стражей порядка заставила ее дать показания.

Отец Мелании всячески пытался облегчить наказание своей дочери, но против имперского рода в лицах Бенедикта и Валентина и воплощаемой ими власти у него не оставалось никаких шансов. Доказать, что мужчина подстрекал свою дочку к преступлениям, не удалось, но, как меня заверили, это лишь вопрос времени. За главой рода Тарт следили, собирая доказательства. Жалко, что наказание Мелании не повернет время вспять и не исправит совершенное преступление... Но сегодняшняя встреча в таверне должна была изменить хоть что-то, по крайней мере я надеялась на это.

Мужчины за барной стойкой, успев знатно набраться, вели душевную беседу. Бармен за стойкой переставлял рюмки разных форм, а молодая девушка протирала столы. Я наблюдала за ней, не спеша ни подходить, ни звать.

Мне надо было собраться с мыслями. К тому же я в тайне опасалась, что, заметив меня, София решит сбежать, и это превратится в догонялки, потому что отступать я не собиралась.

Девушка внезапно обернулась, ее настороженный взгляд коснулся меня, и она крепче сжала тряпку. Шрам красной линией пересекал лицо, как уродливая трещина на картине маслом, испортившая произведение искусства.

София сглотнула и направилась ко мне.

— Что... Что ты здесь делаешь? — Она быстро дышала, то ли волнуясь, то ли боясь. — Уходи! Я не хочу больше участвовать в этом.

— Тарт посадили. Вчера, — на удивление спокойно произнесла я. Я столько раз репетировала то, как скажу это, что слова вылетали сами собой.

София вздрогнула. Дав показания, она ушла и не знала ни всех деталей слушания, ни приговора.

— Мне это не интересно. Это ничего не изменит, — надтреснутым голосом сказала она, попятившись. — Больше не приходите ко мне.

Я достала ладонь из кармана плаща, положив на стол маленькую баночку с непримечательной металлической крышкой. Я корпела над этим средством с тех пор, как вернула свой гримуар. Правда, договор с Бенедиктом мы еще не разорвали, и я выпросила награду заранее. Просто со всей этой шумихой и прерванным отбором я ни в какую не хотела вмешиваться в новую авантюру со свадьбой. В конце концов, какая разница, одна у нас фамилия или нет? После привязки артефактом официальный статус лишь формальность, поэтому я решила закончить академию в качестве обычной студентки, а не жены ректора. Бенедикт был не в восторге, но я упертая.

— Что это? — без особого интереса спросила девушка. Ее потухший взгляд говорил лишь о том, что она желала скорее уйти.

— Я нашла один рецепт. Точнее, он был у меня и раньше, но... — Отведя взгляд, я глубоко вздохнула. Я волновалась и переживала, боясь подарить ложную надежду. — Ингредиенты очень дорогостоящи и редки. Раньше у меня не было возможности их достать. Эта мазь не уберет шрам полностью, но должна сгладить и сделать менее заметным. Я хочу, чтобы ты попробовала ее. — Ладонью я подвинула баночку к Софии.

Сомнения. Нерешительность. Надежда.

Пьяные мужики у стойки разошлись не на шутку, их голоса звучали на всю таверну, но мы словно оказались в коконе из уплотнившегося воздуха, плохо пропускающего звуки.

— Я перепробовала столько средств... — сокрушенно прошептала она, поднимая дрожащую ладонь и дотрагиваясь до лица. — Ничто не помогало!

— Не уверена, что совершила чудо. Но мы ведь обязаны проверить, верно? — Я старалась говорить убедительно и показать, что пусть не полностью, но я понимаю ее чувства.

Девушка, как и я, боялась подарить себе надежду, вновь разочароваться.

— Если оно поможет, я буду постоянно готовить его для тебя. — Я еще раз легонько подтолкнула к ней баночку.

София тяжело посмотрела на меня, а потом сделала шаг вперед, положила на стол тряпку и взяла баночку. Открутив с тихим скрежетом крышку, девушка уставилась на мутную ничем не пахнущую мазь.

Я затаила дыхание. Поможет или нет?

Перед тем как передать мазь Софии, я попробовала ее на себе, но эффекта практически не было, разве что цвет лица стал свежее и стерлись следы недосыпа. Но круги под глазами не шли ни в какое сравнение со шрамом на лице напротив стоящей девушки. Подушечки ее пальцев коснулись средства, она подняла ладонь к лицу, безошибочно касаясь израненной кожи. Прежде чем София опустила руку, будто прошла вечность. Затаив дыхание, я пристально смотрела на ее лицо. Несколько раз моргнула, думая, что у меня обман зрения, но мираж не исчез. Сердце мое радостно забилося, и я не смогла сдержать улыбки. Нет, шрам не исчез полностью. Я знала, что приготовленное средство с этим не справится, но бугорки раненной кожи разгладились, краснота убавилась. Лицо бывшей сокурсницы выглядело намного лучше.

София кинулась за барную стойку и исчезла за дверью в подсобное помещение. Я осталась на месте, все еще не понимая, что сотворила.

Вдруг таверну сотряс громкий, почти истеричный плач. Пьяные мужики испугались, один с перепуга рухнул со стула на пол. Бармен разбил стакан. А я как ужаленная подскочила и понеслась в подсобку. Неужели я что-то сделала не так? Мазь дала иную реакцию? В голове роились сотни ужасных предположений о том, что я не помогла, а сделала лишь хуже. Ворвавшись во внутренние помещения вслед за опередившим меня барменом, я увидела Софию на полу у высокого напольного зеркала. Девушка плакала и улыбалась, глаза покраснели от слез, которые она не успевала вытирать.

«От счастья, не от горя...» — пронеслась в голове мысль, прежде чем я осознала, что к моим глазам тоже подступали слезы.

София кинулась ко мне и стиснула в объятьях так, что воздух вышибло из легких, а я все же разрыдалась вместе с ней. Иногда это лучше любых существующих слов.

Мы плакали, бармен растерянно чесал пятерней затылок, а после, оглянувшись по сторонам, шагнул к нам, обнимая обеих. Все же не знаю, какие отношения связывали его с Софией, но произошедшее тронуло и его сердце.

«Нам не хватает лишь тех пьяных мужиков из бара», — растерянно подумала я, поражаясь тому, сколько же тепла приносит в душу чья-то радость и благодарность.

Спустя несколько часов я брела домой с улыбкой на устах. На фоне всего произошедшего за последние недели я не могла отделаться от мысли, как же прекрасна моя жизнь! У меня есть любящие меня люди, те, что заботятся обо мне и берегут. Даже братья Спригатто, которых я опасалась, преподнесли мне настоящий сюрприз. Фарб соврал о том, что взяли деньги с Бенедикта. Тот просто обратился с предложением, а первый помог. Не ради выгоды, а ради сироты, что несколько лет работала на его брата. Поразительно, что у такого опасного и жестокого бандита с, казалось бы, каменным сердцем нашлось место привязанности. Это вовсе не значило, что мужчина улыбался мне при встрече и вел себя, как родной дедушка, вовсе нет. Спригатто избегал любых проявлений тепла, но я навсегда запомнила его широкий жест и собиралась со временем отплатить ему тем же.

Кстати, с тем бандитом, что, нарушив приказ, ударил меня по лицу, мы увиделись снова. После моего выздоровления Бенедикт привел меня в таверну, под которой расположилось логово банды Фарба. В тот момент я недоумевала, для чего мы пришли? Ответ оказался прост — наказать провинившегося. Когда появился мой похититель, Бенедикт приблизился к нему, что-то прошептал и обратился ко мне:

— Он твой.

— Как это? — ошалела я.

— Можешь наказать его, — с тем же невозмутимым видом отозвался Бенедикт.

«Станный у него способ загладить вину...» — подумала я. Помявшись перед мужиком минут десять и думая, что же такого сделать, я неожиданно поняла, что совсем не чувствую гнева и не желаю наказать этого детину выше меня на голову, что за все время ни разу не поднял на меня глаз. Так и стоял, смотря в пол и ожидая своей участи, словно провинившийся ребенок, и казался невероятно жалким.

Так что мы просто ушли.

— Все же ты иногда совершаешь странные поступки, — сообщила я Бенедикту. — Порою я совсем не понимаю логику твоих действий.

— Аналогично. Но я подумал, что это залечит твою уязвленную гордость. Ты не должна была пострадать. Но когда имеешь дело с людьми, обязательно что-то идет не так, — иронично улыбнувшись, отозвался он.

Вынырнув из воспоминаний, я заметила, что до дома Бенедикта — двухэтажного строения вблизи магической академии — оставалось всего ничего. В подобных домах обычно жили семьи среднего достатка. Имея баснословные суммы на счету в банке, Бенедикт не переносил роскоши, ставя на первое место комфорт и уют. Продолжая жить в общежитии, я практически все свободное время проводила здесь, вместе с ним.

— Что ты делаешь? — остановившись посередине лестницы в подвал, спросила я.

Бенедикт стоял у моего стола с кружкой крепкого чая — он оказался большим его любителем, из разряда тех, кто забивает кухню упаковками с разными видами и сортами.

— Ты всегда раскладываешь все по местам? — осведомился мужчина, указывая на ряд склянок и инструментов для зельеваренья. Пусть я не жила в этом доме, но подвал принадлежал мне. Бенедикту нравилось, что я на его территории, а значит, ближе к нему, хотя сам бывал здесь даже реже меня — работа ректором академии не знает времени суток.

— Почему тебя это удивляет?

— Не удивляет. Пытаюсь найти недостатки. — Бенедикт усмехнулся.

— Ах, недостатки, значит? — Я спустилась и неспешно пошла к нему. — Зачем?

В последние недели моя жизнь превратилась в сказку. Казалось, будто я находилась под постоянным действием веселящих настоек.

— Хочу, чтобы ты переехала. Все равно наша тайна недолго останется таковой. — Он поставил кружку на стол и посмотрел на меня. — Мне плевать на домыслы о себе, но не о тебе. Многие могут счесть тебя моей любовницей.

Я задумалась. Этот разговор повторялся уже не раз, но я застыла на проведенной мною же черте, боясь ее переступить. Возможно, я до сих пор опасалась окончательно сплести свою жизнь с другим человеком. Маргарет говорит, мне нужен хороший пинок под зад, чтобы я наконец-то перестала колебаться. Как бы грубо это ни звучало, в чем-то она права.

— Как они узнают?

— Наивная... — Бенедикт покачал головой, притягивая меня к себе. Попытившись, мужчина утащил меня на диван, стоявший позади.

Я оказалась у него на коленях, и он нежно поцеловал меня в изгиб шеи. Каждый раз словно впервые, и каждый раз по телу проносилась едва ощутимая дрожь.

— Ты же помнишь, что мне обещал? Ничего не подстраивать, — хриплым голосом напомнила я. — Искать способы обойти обещание тоже запрещается, а то я тебя знаю.

Последние слова я выдохнула, шумно, прерывисто. Когда мы были вместе, способность разговаривать порою терялась начисто.

Рука Бенедикта бродила по моему бедру, выводя огненные линии чувств. Каждый раз хотелось большего, но в этой ситуации страдал именно мой любимый, все же я никогда не забывала, сколько лет ему и сколько мне. Мы были во многом похожи, но я отличаюсь неопытностью во всем — магии, жизни, отношениях, интимной близости. Я была не готова, он лишь смиренно дожидался.

Он у меня будет первым, а я у него — нет. Только чувство настоящей любви поразило нас одновременно — одно сердце на двоих, как связывающая души красная нить. А имена тех, других девушек, я знать не желала, они меня не волновали. Они прошлое, которое я не планировала впускать в свое настоящее.

— Я не собирался. Но если вдруг что-то пойдет не так, не вздумай обвинять меня, — предупредил он, продолжая изучать руками мое тело.

Ладонь Бенедикта скользнула по моему животу, заставляя внутренних бабочек еще сильнее затрепетать крыльями, вновь поцеловал. Мы тонули друг в друге, наслаждаясь каждым моментом.

— У меня получилось, Бенедикт, — прошептала я, садясь к нему лицом, обнимая его шею и, будто прося краткой передышки, соприкасаясь с ним лбами. — Я даже не ожидала, что оно сработает настолько хорошо. Она плакала, представляешь? И я тоже... Просто не удержалась. Как подумаю о том, сколько она вытерпела...

— Она может вернуться в академию. — Рука мужчины коснулась моей щеки.

— Хорошо, я поговорю с ней, когда понесу следующую баночку мази, — кивнула я, чуть склоняя голову и нежно целуя Бенедикта в краешек губ.

— У меня тоже есть новости.

— Какие?

Новый поцелуй.

— Я открыл счет в банке на твоё имя.

— Что? Зачем? — удивленно возразила я, глядя на него сверху вниз.

Бенедикт же выглядел как ни в чём бывало. На миг он чуть крепче сжал мои бедра, и я привычно сделала вид, что не замечаю ничего в области его штанов. Хотя когда мужчина надевал домашние хлопковые брюки, это было невыполнимо.

— Ты согласишься, если я скажу, что мне так спокойнее? — В карих глазах зародилась серьёзность. — Пусть мы не связаны документально, не имеем на руках никаких бумаг, но это не имеет значения. Я просто хочу знать, что, если вдруг со мной что-то случится, ты не останешься ни с чем.

— Зачем ты такое говоришь? — недовольно спросила я и попыталась подняться, но меня удержали.

— Просто пойми меня и прими это. Я потерял родителей, когда совсем этого не ожидал. И если бы они позаботились обо всём чуть более тщательно, то я бы не пережил того, что пришлось,

— держа меня за запястье, сказал Бенедикт.

Наши взгляды скрестились — его настойчивость против моей задумчивости.

— Ладно. Я поняла, — сдалась я, больше не пытаясь отстраниться.

За этот месяц мы научились понимать друг друга чуточку лучше. Мы притирались и, на удивление, практически не ссорились. И теперь при воспоминаниях о первых наших встречах мне хотелось рассмеяться.

Даже с Ранделом мы пришли к подобию мира. Когда мужчина понял, что всё кончено, и перестал проявлять ко мне личный интерес, с ним даже стало интересно. Он обучил меня парочке защитных заклинаний, что ни в какое сравнение не шли с теми, что мы изучали в академии. Широн же обещал научить взламывать сейфы, для чего мне это умение, я пока не разобралась, но в жизни всё пригодится. В общем, знакомые Бенедикта и он сам оказались сундуком с сокровищами для такой любознательной особы, как я.

— Эльза...

— М-м-м?

— Как сильно ты любишь меня, дорогая?

— Да сколько можно?! — возмутилась я. — Как часто ты собираешься меня ещё доставать?

— Пока действует договор, естественно. — Бенедикт подтрунивал надо мной, пользуясь условиями нашего договора и тем, что соврать я не могла. — Так насколько сильно? Сильнее, чем вчера?

— Да как вообще можно... — Но, не успев договорить, я сдалась — его прикосновения отбивали желание спорить. — Ладно-ладно, да, сильнее! Доволен?

— Ещё как. — Бенедикт обхватил моё лицо ладонями, притягивая к себе. Губы к губам, а воздух — как вода, живительные глотки его жизненно необходимы. И только так я желала дышать впредь.

Он наваждение, которое напоминало первый взлёт на воздушном корабле, когда сердце стучит в неровном ритме и адреналин плещет в крови. Но вместо крови по венам несётся страсть — горячая и необузданная.

Кольцо на пальце Бенедикта засияло, к моим чувствам присоединились его, и, резонируя друг с другом, они сводили с ума.

Через два дня...

Дыхание сбивалось. Я избегала по ступенькам, понимая, что лишь чудо может спасти меня сегодня.

В академии Эльрата студентов преследовали два извечных кошмара — не сдать итоговую годовую работу и проспять на занятие по языкам древности. Этот предмет изучался с первого по пятый курс, и вел его магистр Компотин — старик, которому давно пора на пенсию. Говорят, его возраст перевалил уже за три сотни лет.

На лекциях Компотина царила идеальная тишина. Болтливые студенты надолго в его аудитории не задерживались, впрочем, как и опоздавшие, коей я сейчас и была. Проспала! Второй раз с начала года! А стоило пропустить языки древности по неуважительной причине, и сдача экзамена превращалась в сущий ад!

Забравшись на самый верх башни, я, едва переставляя ноги, кинулась к двери в аудиторию.

Постучалась. Вошла, ожидая расправы.

Как обычно бывало, в помещении царила абсолютная тишина. Маргарет выразительно уставилась на меня, выпучив глаза.

— Уже опаздываем, Лост? — проскрипел он, осматривая меня с головы до ног.

— Магистр, извините, я... — заблела я, на ходу придумывая вразумительное оправдание.

— Проходите, — перебил Компотин.

— Что? — опешила я.

— Когда вы успели оглохнуть, Лост? Неужели от радости? — спросил он и после буркнул: — Идите на свое место. Не задерживайте всех.

И вновь склонился над журналом, продолжая переключку.

Подозрительно оглядываясь, я, как пугливый зверек, поспешила к своему столу, совсем не заметив, что внимание окружающих стало совсем уж навязчивым. Сев рядом с Маргарет, я повытаскивала все принадлежности, все еще не веря в снисходительность магистра. Возможно, меня ожидала отсроченная месть. Только какая именно?

Подруга легонько толкнула меня.

«Что?» — беззвучно спросила я, повернувшись.

Обеспокоенная Маргарет торопливо вытащила из сумки газету и сунула ее мне.

Без лишних подозрений я глянула на главную страницу, ожидая увидеть очередные подробности о новом императоре. В последнее время все новости были посвящены целиком и полностью ему и его жене.

Только в этот раз вовсе не они заняли первую полосу — в ряд расположилось несколько снимков, где в разное время суток я вхожу и выхожу из дома ректора. Кровь зашумела в висках, вцепившись в газету, я вчиталась в статью, которая была наполнена сплошными вопросами и прямыми намеками на характер наших с Бенедиктом отношений.

Я громко вздохнула, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Посмотрела перед собой, пересекаясь взглядами сразу с несколькими сокурсниками и магистром. Беззвучно выругалась.

Это и правда было лишь вопросом времени. Бенедикт оказался прав.

Всю лекцию я обдумывала ситуацию и, игнорируя интерес студентов, сумела успокоиться.

Маргарет взволновано поглядывала на меня, то и дело от волнения грызя кончик карандаша.

Мне пришлось несколько раз легонько бить ее по рукам, чтобы она прекратила.

Прозвенел звонок. Магистр быстро дал задание на дом и скрылся в своей каморке.

— Что теперь будешь делать? — шепотом спросила Маргарет, когда негласный запрет на разговоры был снят.

Но, как бывает в подобных ситуациях, ее вопрос услышали все.

— Пока не знаю. — Убрав вещи в сумку, во всеуслышание откликнулась я и, невозмутимо пожав плечами, добавила: — Должно быть, выйду замуж. Идем.

Мы покинули аудиторию, оставив другим студентам шанс обсудить новость без нашего участия. В этот день все окончательно решилось. Пусть я брыкалась до последнего и цеплялась за прежнюю жизнь, всегда наступает момент, когда ты либо двигаешься вперед, либо отрекаешься от всего хорошего, что тебя ждет в будущем. Я выбрала шагать дальше.

Правильный ли это выбор, никто не знает, но я точно уверена в одном: все, что ни делается, — к лучшему.

К О Н Е Ц